ЕВРАЗИЙСКАЯ № 5 (48) 2020

АДВОКАТУРА

Журнал основан в 2012 году.
Выпускается один раз в два месяца.

Журнал является официальным печатным органом Русско-азиатской ассоциации юристов, издается при поддержке Гильдии российских адвокатов и Российской академии адвокатуры и нотариата

Журнал включён в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук по группе научных специальностей 12.00.00 – юридические науки:

12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве;
12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право;
12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право;
12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право;
12.00.09 – Уголовный процесс;
12.00.10 – Международное право; Европейское право;
12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность;
12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность.

Редакционный совет:

Председатель:

МИРЗОЕВ Гасан Борисович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, адвокат, президент Гильдии российских адвокатов, ректор Российской академии адвокатуры и нотариата, президент Международной ассоциации русскоязычных адвокатов (Российская Федерация, г. Москва, 12.00.11).

Члены редакционного совета:

АДИЛОВ Надир Адил оглы – доктор философии по юридическим наукам, доцент, заместитель председателя правления Агентства развития малого и среднего бизнеса Азербайджанской Республики, ведущий научный сотрудник отдела государственного законодательства и конституционного права Института права и прав человека Национальной академии наук Азербайджана, заместитель председателя Конфедерации юристов Азербайджана (Азербайджанская Республика, г. Баку, 12.00.10);

АМИНЕВ Фарит Гизарович – доктор юридических наук, доцент, заслуженный юрист Республики Башкортостан, профессор кафедры криминалистики Института права Башкирского государственного университета, член президиума Союза «Палата судебных экспертов имени Ю.Г. Корухова (СУДЭКС)», председатель Общественного совета по экспертной деятельности в Республике Башкортостан (Российская Федерация, г. Уфа, 12.00.12);

БАГРЕЕВА Елена Геннадиевна – доктор юридических наук, профессор, профессор департамента международного и публичного права Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Российская Федерация, г. Москва, 12.00.08);

БИРЮКОВ Павел Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и евразийского права юридического факультета Воронежского государственного университета (Российская Федерация, г. Воронеж, 12.00.09, 12.00.10);

ВАН Ерп Сьеф – магистр права, профессор кафедры гражданского права и европейского частного права и заведующий департаментом частного права Маастрихтского университета, президент Нидерландской ассоциации сравнительного права, член исполнительного комитета Европейского юридического института (Нидерланды, г. Маастрихт, 12.00.03, 12.00.10);

12+

Периодическое печатное издание (журнал): «Евразийская адвокатура».
Учредитель: Автономная некоммерческая организация «Евразийский научно-исследовательский институт проблем права».
Свидетельство о регистрации средства массовой информации: ПИ № ФС77-50845 от 14.08.2012.
Регистрирующий орган: Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Адрес издателя и редакции: 450006, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Ленина, д. 102, оф. 24.
Адрес типографии: ФГУП «Издательство Известия», 127254, Российская Федерация, г. Москва, ул. Добролюбова, д. 6, стр. 1, **тел.**: +7 (495) 650-38-80, **website**: izv-udprf.ru .
Дата выхода в свет: 21.12.2020. Формат 62x84 1/8. Усл. печ. л. 15. Тираж 500 экз. Свободная цена
Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России»: 41210
website: www.eurasian-advocacy.ru, **e-mail**: eurasian-advocacy@mail.ru, **тел.**: +7 (917) 40-61-340.

ВИНОГРАДОВА Елена Валерьевна – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции Института государства и права Российской академии наук, профессор кафедры судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Юридического института Российского университета дружбы народов (Российская Федерация, г. Москва, 12.00.02);

ВЛАСОВ Анатолий Александрович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного частного и гражданского права Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Российская Федерация, г. Москва, 12.00.03, 12.00.11, 12.00.15);

ВОРОНОВ Александр Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, адвокат, профессор кафедры гражданского и трудового права Воронежского института Федеральной службы исполнения наказаний России (Российская Федерация, г. Воронеж, 12.00.11);

ВУЯДИНОВИЧ Драгика – доктор права, профессор кафедры теории, философии и социологии права юридического факультета университета г. Белград (Республика Сербия, г. Белград, 12.00.01);

ГАРАДЖАЕВ Джейхун – доктор юридических наук, судья Конституционного Суда Азербайджанской Республики, профессор кафедры конституционного права юридического факультета Бакинского государственного университета, член Комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания Совета Европы (Азербайджанская Республика, г. Баку, 12.00.02, 12.00.10);

ГАРМАЕВ Юрий Петрович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Бурятия, профессор кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия, заведующий лабораторией сравнительного правоведения в странах Азиатско-Тихоокеанского региона Бурятского государственного университета (Российская Федерация, г. Улан-Удэ, 12.00.08,12.00.12);

ГРУДЦЫНА Людмила Юрьевна – доктор юридических наук, доцент, адвокат, профессор департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Российская Федерация, г. Москва, 12.00.01, 12.00.02);

ДЕХАНОВ Сергей Александрович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса Московского государственного гуманитарно-экономического университета, профессор кафедры гражданского права Российской таможенной академии (Российская Федерация, г. Москва, 12.00.03, 12.00.11);

ЕГОРОВА Мария Александровна – доктор юридических наук, профессор, начальник управления международного сотрудничества, профессор кафедры конкурентного права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), заместитель председателя Исполнительного комитета Московского отделения Ассоциации юристов России, со-президент Международного союза юристов и экономистов (Российская Федерация, г. Москва, 12.00.03, 12.00.07);

ЕГОРЫШЕВ Сергей Васильевич – доктор социологических наук, профессор, руководитель центра социологии права и правоохранительных органов Евразийского научно-исследовательского института проблем права (Российская Федерация, г. Уфа, 12.00.08, 12.00.11);

ЖАНАБИЛОВ Нурлан Еркинович – доктор права, профессор, почетный работник образования Казахстана, Главный эксперт Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, первый вице-президент Международного Союза (Содружества) адвокатов, президент Международной ассоциации адвокатов «Азия Инюрколлегия» (Республика Казахстан, г. Астана, 12.00.12);

ЗИНН Арндт – доктор права, профессор, руководитель Института экономического уголовного права и руководитель кафедры немецкого и европейского уголовного права и уголовного процесса, международного уголовного права и сравнительного правоведения Университета г. Оснабрюк, директор Центра европейских и международных исследований уголовного права (Федеративная Республика Германия, г. Оснабрюк, 12.00.08, 12.00.10);

КУДРЯВЦЕВ Владислав Леонидович – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и процесса Санкт-Петербургского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции, руководитель магистерской программы (Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, 12.00.08, 12.00.09);

КУЧЕРЕНКО Петр Александрович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры муниципального права Юридического института Российского университета дружбы народов (Российская Федерация, г. Москва, 12.00.02);

ЛЕВУШКИН Анатолий Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия (Российская Федерация, г. Москва, 12.00.03, 12.00.07);

МЕЙЗА Исса – доктор частного права, профессор факультета права и политических наук Университета Джельфы (Алжирская народная демократическая республика, Джельфа, 12.00.03);

МОРОЗОВ Николай Александрович – доктор юридических наук, профессор Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, начальник экспертно-аналитического управления ПАО «НК «Роснефть», член Научно-консультативного совета при Генеральной прокуратуре Российской Федерации, вице-президент Русско-азиатской ассоциации юристов (Российская Федерация, г. Москва, 12.00.08);

ПОПЕЛЮШКО Василий Александрович – доктор юридических наук, профессор, адвокат, заслуженный юрист Украины, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Учебно-научного института права им. И. Малиновского Национального университета Острожская академия (Украина, г. Острог, 12.00.09, 12.00.12);

РАГУЛИН Андрей Викторович – доктор юридических наук, доцент, адвокат, вице-президент Гильдии российских адвокатов, старший вице-президент Русско-азиатской ассоциации юристов, главный редактор журнала «Евразийская адвокатура», проректор Российской академии адвокатуры и нотариата, профессор кафедры уголовного права Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя (Российская Федерация, г. Москва, 12.00.08, 12.00.11);

РАХИМБЕРДИН Куат Хажумуханович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса Восточно-Казахстанского государственного университета имени Сарсена Аманжолова, председатель Палаты юридических консультантов Восточно-Казахстанской области «Парасат» (Республика Казахстан, г. Усть-Каменогорск, 12.00.08);

РОДРИГЕС Хосе Норонья – доктор права, адвокат, директор центра юридических и экономических наук, профессор права факультета экономики и управления Азорского университета (Республика Португалия, г. Понта Дельгада, 12.00.10);

САНГАДЖИЕВ Бадма Владимирович – доктор юридических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Юридического института Российского университета дружбы народов (Российская Федерация, г. Москва, 12.00.11, 12.00.15);

СВИРИН Юрий Александрович – доктор юридических наук, доцент, почетный адвокат России, действительный член Российской академии естественных наук, заведующий кафедрой гражданского права и процесса Академии труда и социальных отношений, профессор кафедры гражданского процесса и организации службы судебных приставов Всероссийского государственного университета юстиции (Российская Федерация, г. Москва, 12.00.03, 12.00.07, 12.00.15);

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович – доктор юридических наук, руководитель центра международно-правовых исследований Евразийского научно-исследовательского института проблем права (Российская Федерация, г. Москва, 12.00.10);

ХВАН Леонид Борисович – кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права Ташкентского государственного юридического университета (Республика Узбекистан, г. Ташкент, 12.00.11);

ХАЛИКОВ Аслям Наилевич – доктор юридических наук, профессор, адвокат, профессор кафедры криминалистики Института права Башкирского государственного университета (Российская Федерация, г. Уфа, 12.00.09, 12.00.12);

ЧИХЛАДЗЕ Леван Теймуразович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой муниципального права Юридического института Российского университета дружбы народов, и.о. заведующего кафедрой конституционного и муниципального права юридического факультета Московского государственного областного университета (Российская Федерация, г. Москва, 12.00.02);

ШАГИЕВА Розалина Васильевна – доктор юридических наук, профессор, Первый проректор Российской академии адвокатуры и нотариата, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Высшей школы правоведения Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Российская Федерация, г. Москва, 12.00.01);

ШАКИРОВ Тимур Равильевич – магистр права, правовой советник программы по Европе Международной комиссии юристов (Швейцария, г. Женева, 12.00.10);

ЮРЬЕВ Сергей Сергеевич – доктор юридических наук, профессор, адвокат, профессор кафедры адвокатуры Российской академии адвокатуры и нотариата (Российская Федерация, г. Москва, 12.00.01, 12.00.10);

ЯНГ Саймон Нгай ман – магистр права, профессор юридического факультета Университета Гонконга, адвокат (Гонконг, 12.00.02, 12.00.08);

ЯРТЫХ Игорь Семенович – доктор юридических наук, адвокат, вице-президент Федерального союза адвокатов России, профессор кафедры адвокатуры Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры гражданского права Института мировых цивилизаций (Российская Федерация, г. Москва, 12.00.11).

Редакционная коллегия:

***Главный редактор*:**

РАГУЛИН Андрей Викторович – доктор юридических наук, доцент.

Члены редакционной коллегии:

КАУРАКОВА Мария Викторовна – кандидат юридических наук, руководитель направления рецензирования научных публикаций;

КУЛАГИН Александр Владимирович – руководитель направления предпечатной подготовки;

МЕЛЬНИЧЕНКО Роман Григорьевич – кандидат юридических наук, доцент, руководитель направления SMM;

ПОЛЯНСКАЯ Вероника Владимировна – руководитель направления литературного редактирования;

РАГУЛИНА Индира Тагировна – кандидат юридических наук, заместитель главного редактора;

ТАФИНЦЕВ Максим Владимирович – руководитель направления GR;

ФАРХУТДИНОВ Динар Инсурович – руководитель направления IT.

EURASIAN № 5 (48) 2020

ADVOCACY

Journal is published since 2012.
Published once in two months.

The journal is official publication of the Russian Asian Legal Association, published with support of the Guild of the Russian Lawyers and the Russian Academy of Advocacy and Notaries

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific journals (the Russian Higher Attestation Commission List), where the main results of doctor of sciences dissertations and candidate of sciences dissertations in the 12.00.00 scientific specialty group (legal sciences and the corresponding branches of science) must be published:

12.00.01 – Theory and History of the Law and the State; History of Teachings on the Law and the State;
12.00.02 – Constitutional Law; Constitutional Trial; Municipal Law;
12.00.03 – Civil Law; Enterprise Law; Family Law; International Private Law;
12.00.08 – Criminal Law and Criminology; Penal Enforcement Law;
12.00.09 – Criminal Trial;
12.00.10 – International Law; European Law;
12.00.11 – Judicial Activities; Public Prosecutor's Activities; Human Rights and Law-Enforcement Activities;
12.00.12 – Criminalistics; Judicial Expert's Activities; Police Investigative Activities.

Editorial Advisory Board:

Chairman:

MIRZOEV Gasan Borisovich – LLD, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Advocate, President of the Guild of Russian Advocates, Rector of the Russian Academy of Advocacy and Notaries, President of the International Association of Russian-speaking Lawyers (Russian Federation, Moscow, 12.00.11).

Members of the Editorial Advisory Board:

ADILOV Nadir Adil oglu – PhD, Vice-chairman of the Board of the Agency of Development of Small and Medium Business of the Azerbaijan Republic, Leading researcher of the National Legislation and the International Law Department of the Institute on Human Rights of National Academy of Sciences of Azerbaijan, Vice-chairman of the Confederation of Lawyers of the Azerbaijan (Azerbaijan Republic, Baku, 12.00.10);

AMINEV Farit Gizarovich – LLD, Associate Professor, Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan, Professor of the Department of Criminalistics of the Institute of Law of the Bashkir State University, Member of the Presidium of the Union «Chamber of Judicial Experts named after Yu.G. Korukhov (SUDEKS)», Chairman of the Public Council for Expert Activity in the Republic of Bashkortostan (Russian Federation, Ufa, 12.00.12);

BAGREEVA Elena Gennadievna – LLD, Professor, Professor of the Department of International and Public Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Russian Federation, Moscow, 12.00.08);

BIRJUKOV Pavel Nikolaevich – LLD, Professor, Head of the Department of International and Eurasian Law of Law faculty of the Voronezh State University (Russian Federation, Voronezh, 12.00.09, 12.00.10);

CHIHLADZE Levan Teymurazovich – LLD, Professor, Head of the Department of Municipal Law of the Law Institute of the People's Friendship University of Russia, Acting Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Faculty of Law of the Moscow State Regional University (Russian Federation, Moscow, 12.00.02);

DEHANOV Sergey Alexandrovich – LLD, Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the Moscow State University of the Humanities and Economics, Professor of the Department of Civil Law of the Russian Customs Academy (Russian Federation, Moscow, 12.00.03, 12.00.11);

EGOROVA Maria Aleksandrovna – LLD, Professor, Head of the Department of International Cooperation, Professor of the Department of Competition Law of the Moscow State Law University, Deputy Chairman of the Executive Committee of the Moscow Branch of the Russian Bar Association, Co-President of the International Union of Lawyers and Economists (Russian Federation, Moscow, 12.00.03, 12.00.07);

EGORYSHEV Sergey Vasilevich – LLD, Professor, Head of the Center of Sociology of Law and Law Enforcement Agencies of the Eurasian Scientific Research Institute of Problems of Law (Russian Federation, Ufa, 12.00.08, 12.00.11);

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich – LLD, Head of the Center of International Legal Studies of the Eurasian Scientific Research Institute of Problems of Law (Russian Federation, Moscow, 12.00.10);

GARMAEV Yuri Petrovich – LLD, Professor, Honored Lawyer of the Republic of Buryatia, Professor of the Department of Criminal Procedure Law and Criminology of the East Siberian Branch of the Russian State University of Justice, Head of the Laboratory of Comparative Law in the Asia-Pacific Region of Buryat State University (Russian Federation, Ulan-Ude, 12.00.08,12.00.12);

GRUDTSYNA Lyudmila Yurievna – LLD, Associate professor, Advocate, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activity of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Russian Federation, Moscow, 12.00.01, 12.00.02);

HVAN Leonid Borisovich – PhD, Associate professor of the Department of the Administrative and Financial Law of the Tashkent State Law University (Republic of Uzbekistan, Tashkent, 12.00.11);

JURIEV Sergey Sergeyevich – LLD, Professor, Advocate, Professor of the Department of Advocacy of the Russian Academy of Advocacy and Notaries (Russian Federation, Moscow, 12.00.01, 12.00.10);

KHALIKOV Aslyam Nailevich – LLD, Professor, Advocate, Professor of the Department of Criminalistics of the Institute of Law of the Bashkir State University, (Russian Federation, Ufa, 12.00.09, 12.00.12);

KUDRYAVTSEV Vladislav Leonidovich – LLD, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the St. Petersburg institute (branch) of the All-Russian State University of Justice, Master program manager (Russian Federation, St. Petersburg, 12.00.08, 12.00.09);

KUCHERENKO Petr Aleksandrovich – LLD, Professor, Professor of the Department of Municipal Law of the Law Institute of the People's Friendship University of Russia (Russian Federation, Moscow, 12.00.02);

LEVUSHKIN Anatoly Nikolaevich – LLD, Professor, Professor of the Department of Civil Law of the Russian State University of Justice (Russian Federation, Moscow, 12.00.03, 12.00.07);

MAIZA Aissa – PhD, Professor of the Faculty of Law and Political Science of the Djelfa University (Algerian People's Democratic Republic, Djelfa, 12.00.03);

MOROZOV Nikolay Alexandrovich – LLD, Professor of the Vladivostok State University of Economics and Service, the Head of the Expert and Analytical Department of «Rosneft» Pubilc Oil Company, the Member of the Scientific Advisory Council of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, Vice-President of the Russian-Asian Legal Association (Moscow, 12.00.08, Russian Federation);

POPELYUSHKO Vasily Aleksandrovich – LLD, Professor, Advocate, Honored Lawyer of the Ukraine, Head of the Department of Criminal Law Disciplines of the Educational and Scientific Law Institute of National University Ostrozhskaya Academy (Ukraine, Ostrog, 12.00.09, 12.00.12);

QARACAYEV Ceyhun – LLD, the Judge of the Constitutional Court of the Republic of Azerbaijan, Professor of the Department of Constitutional Law of the Faculty of Law of Baku State University, the member of the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (Azerbaijan Republic, Baku, 12.00.02,12.00.10);

RAGULIN Andrey Viktorovich – LLD, Associate professor, Advocate, Vice - President of the Guild of the Russian Lawyers, Senior Vice - President of the Russian - Asian Legal Association, Editor-in-Chief of the «Eurasian Advocacy» Journal, Vice - Rector of the Russian Academy of Advocacy and Notaries, Professor of the Criminal Law Department of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Russian Federation, Moscow, 12.00.08, 12.00.11);

RAKHIMBERDIN Kuat Hazhumukhanovich – LLD, Associate professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure of the East Kazakhstan State University, Chairman of the «Parasat» Chamber of Legal Advisers of the East Kazakhstan Region (Republic of Kazakhstan, Ust-Kamenogorsk, 12.00.08);

RODRIGUES Jose Noronha – PhD, Advocate, Director of Center of Juridical and Economic Studies, Professor of Law of the Azores University (Portugal Republic, Ponta Delgada, 12.00.10);

SANGADZHIYEV Badma Vladimirovich – LLD, Professor, Assistant of Chairman of the Department of Judicial Authority, Law-Enforcement and Human Rights Activity of the Law Institute of the People's Friendship University of Russia (Russian Federation, Moscow, 12.00.11, 12.00.15);

SHAGIYEVA Rozalina Vasilyevna – LLD, Professor, First vice-rector of the Russian Academy of Advocacy and Notaries, Professor of the Department of State Disciplines of the Higher School of Law of the Institute of State Service and Government of the Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation (Russian Federation, Moscow, 12.00.01);

SHAKIROV Timur Ravilyevich – LLM, Legal adviser of the Program for Europe of International Commission of Jurists (Switzerland, Geneva, 12.00.10);

SINN Arndt – PhD, Professor, Head of Institute of Economic Criminal Law, Head of the Department of German and European Criminal Law and Criminal Trial, International Criminal Law and Comparative Jurisprudence of the University of Osnabruck, Director of the Center of the European and International Researches of Criminal Law (ZEIS) (Federative Republic of Germany, Osnabruck, 12.00.08, 12.00.10);

SVIRIN Yuri Alexandrovich – LLD, Associate Professor, Honorary Advocate of Russia, Full Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Head of the Department of Civil Law and Process of the Academy of Labor and Social Relations, Professor of the Department of Civil Procedure and Organization of the Bailiff Service of the All-Russian State University of Justice (Russian Federation, Moscow, 12.00.03, 12.00.07, 12.00.15);

VAN ERP Sjef – LLM, Professor of the Department of Civil Law and European Private Law, Head of the Private Law Department of the Maastricht University, President of the Netherlands Comparative Law Association, Member of the Executive Committee of the European Law Institute (Netherlands, Maastricht, 12.00.03, 12.00.10);

VINOGRADOVA Elena Valerievna – LLD, Professor, Chief Researcher of the Constitutional Law and Constitutional Justice Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Professor of the Department of Judicial Authority, Law-Enforcement and Human Rights Activity of the Law Institute of the People's Friendship University of Russia (Moscow, Russian Federation, 12.00.02);

VLASOV Anatoly Aleksandrovich – LLD, Professor, Professor of the Department of International Private and Civil Law of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Russian Federation, Moscow, 12.00.03, 12.00.11, 12.00.15);

VORONOV Alexander Alekseevich – LLD, Professor, Advocate, Professor of the Department of Civil and Labor Law of the Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Russian Federation, Voronezh, 12.00.11);

VUJADINOVIC Dragica – PhD, Professor of the Faculty of Law of the University of Belgrade (Serbia Republic, Belgrade, 12.00.01);

YARTYKH Igor Semenovich – LLD, Advocate, Vice-president of the Federal Union of Advocates of Russia, Professor of the Advocacy Department of the Moscow State Law University, Professor of the Department of Civil Law of the Institute of World Civilizations (Russian Federation, Moscow, 12.00.11);

YOUNG Simon Ngai Man – LLM, Advocate, Professor of Faculty of Law of the University of Hong Kong (Hong Kong, 12.00.02, 12.00.08);

ZHANABILOV Nurlan Erkinovich – PhD, Professor, Honorable worker of education of Kazakhstan, Chief expert of the Kazakhstan Institute of Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan, First vice-president of the International Union (Commonwealth) of Advocates, President of the International Association of Advocates «Asia Injurkollegiya» (Republic of Kazakhstan, Astana, 12.00.12).

Editorial Board:

Editor-in-Chief:

RAGULIN Andrey Viktorovich – LLD, associate professor.

Members of the Editorial Board:

KAURAKOVA Maria Viktorovna – PhD, Head of Reviewing of scientific publications;

KULAGIN Alexandr Vladimirovich – Head of preprinting preparation;

MELNICHENKO Roman Grigoryevich – PhD, Associate professor, Head of SMM;

POLYANSKAYA Veronika Vladimirovna – Head of literary editing;

RAGULINA Indira Tagirovna – PhD, Deputy of the editor-in-chief;

TAFINTSEV Maxim Vladimirovich – Head of GR;

FARKHUTDINOV Dinar Insurovich – Head of IT.

Все права защищены и охраняются законодательством Российской Федерации об авторском праве. Ссылки на настоящее издание обязательны. За содержание опубликованной рекламы редакция ответственности не несет. Точка зрения авторов материалов, опубликованных в журнале, может не совпадать с точкой зрения Русско-азиатской ассоциации юристов, Редакционного Совета и Редакционной коллегии журнала.

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная. Вы можете свободно: делиться (обмениваться) – копировать и распространять материал на любом носителе и в любом формате, адаптировать (создавать производные материалы) – делать ремиксы, видоизменять, а также создавать новое, опираясь на этот материал в любых целях, включая коммерческие. При этом вы должны обеспечить соответствующее указание авторства, предоставить ссылку на лицензию и обозначить изменения, если таковые были сделаны. Вы можете это делать любым разумным способом, но не таким, который подразумевал бы, что лицензиар одобряет вас или ваш способ использования произведения.

Содержание

ПЕРСОНА
Предложения об изменениях Кодекса профессиональной этики адвоката должны обсуждаться всем сообществом! Интервью с Президентом адвокатской палаты Удмуртской Республики Дмитрием Николаевичем Талантовым 9

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ
Багреева Е.Г., Рудая А.А.
История развития и современность института банкротства 15

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АДВОКАТУРЫ
Рагулин А.В.
Судебные споры и социальные модели современной российской адвокатуры: ответы и вопросы вице-президенту Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации 20
Соловьев А.Г.
Дискреционные полномочия и судейское усмотрение при разрешении вопроса о прекращении уголовного преследования с назначением судебного штрафа 43
Левушкин А.Н., Татар О.
Содержание и специфика договорных обязательств в сфере рекламных услуг в Российской Федерации и Республике Молдова ...49

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ
Шевчук С.С., Петров Н.В.
Правовые гарантии охраны частной жизни гражданина при оказании медицинских услуг 58
Чудиновских М.В.
Контроль за деятельностью дистанционных работников: пределы, возможности, судебная практика 64
Растегари С.
Пределы ограничения права человека на информацию в международном праве 68

ПРАВОСУДИЕ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ
Гармаев Ю.П.
Типичные заблуждения относительно коррупционных преступлений и мер по борьбе с ними. Опровержение заблуждений 72
Маркеев А.И., Цукерблат Д.М.
Соотношение права и морали в деятельности современного судьи 79
Смирнов А.И.
Зарубежный опыт деятельности правоохранительных органов по обеспечению экономической безопасности хозяйствующих субъектов (противодействие транснациональной преступности) 87
Булах Д.Б.
Перспективы судебного правотворчества в российском праве 92

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ
Гольцов А.Т.
Институциональный фактор как существенное условие социально-экономического взаимодействия в государственно-организованном обществе 97
Багреева Е.Г., Вахтуров Е.В.
Изменение правосознания в условиях пандемии ...103
Воробьева М.Н.
К вопросу о понятии конституционно-правовых фикций в федеративном устройстве Российской Федерации 107
Казаченок О.П.
Цифровизация банковских услуг в условиях перехода к индустрии 4.0 на примере дистанционной ипотеки 110

РЕЦЕНЗИИ
Рецензия на книгу: Свирин Ю.А. Актуальные проблемы гражданского процессуального права: учебник для аспирантов (Москва: Прометей, 2021) 116

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ 118
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 119

Contents

PERSONA
Proposals for changes to the Advocate's Code of Professional Ethics should be discussed by the entire community!
Interview with the President of the Advocate Chamber of the Udmurt Republic Dmitry Nikolaevich Talantov 9

HISTORICAL EXPERIENCE
Bagreeva E.G., Rudaya A.A.
History and modernity of the bankruptcy institution 15

PROBLEMS OF ORGANIZATION AND ADVOCACY PROFESSION FUNCTIONING
Ragulin A.V.
Litigation and social models of the modern Russian advocacy profession: answers and questions to the Vice President of the Federal Chamber of Advocates of the Russian Federation 20
Soloviev A.G.
Discretionary powers and judicial discretion in resolving the issue of termination of criminal prosecution with the imposition of a court fine 43
Levushkin A.N., Tatar O.
Content and specifics of contractual obligations in the field of advertising services in the Russian Federation and the Republic of Moldova 49

HUMAN RIGHTS IN THE EURASIAN SPACE
Shevchuk S.S., Petrov N.V.
Legal guarantees of protection of private life of a citizen in the provision of medical services 58
Chudinovskikh M.V.
Controlling teleworkers: limits, opportunities, judicial practice 64
Rastegari S.
Limits of the restriction of the human right to information in international law 68

JUSTICE AND LAW-ENFORCEMENT ACTIVITY IN THE EURASIAN SPACE
Garmaev Y.P.
Typical misconceptions about corruption crimes and measures to combat them. Refutation of delusions 72
Markeev A.I., Tsukerblat D.M.
Correlation of law and morality in the activity of a modern judge 79
Smirnov A.I.
Foreign experience of law enforcement agencies in ensuring the economic security of business entities (countering transnational crime) 87
Bulakh D.B.
Prospects of judicial law-making in russian law 92

ACTUAL PROBLEMS OF LAW SCIENCE AND PRACTICE
Goltsov A.T.
Institutional factor as an essential condition for socio-economic interaction in a state-organized society 97
Bagreeva E.G., Vakhturov E.V.
Change of legal consciousness in pandemic conditions 103
Vorobyova M.N.
On the concept of constitutional and legal fictions in the Federal structure of the Russian Federation 107
Kazachenok O.P.
Digitalization of banking services in the transition to industry 4.0 on the example of remote mortgages 110

REVIEWS
Book review: Svirin Yu.A. Actual problems of civil procedural law. Textbook for graduate students (Moscow: Prometheus, 2021) 116

INFORMATION FOR AUTHORS 118
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS 119

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ КОДЕКСА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ АДВОКАТА ДОЛЖНЫ ОБСУЖДАТЬСЯ ВСЕМ СООБЩЕСТВОМ!

Интервью с Президентом адвокатской палаты Удмуртской Республики Дмитрием Николаевичем Талантовым.

PROPOSALS FOR CHANGES TO THE ADVOCATE'S CODE OF PROFESSIONAL ETHICS SHOULD BE DISCUSSED BY THE ENTIRE COMMUNITY!

Interview with the President of the Advocate Chamber of the Udmurt Republic Dmitry Nikolaevich Talantov.

Визитная карточка:

Дмитрий Николаевич Талантов родился 29 декабря 1960 года в Ижевске. В 1983 году окончил факультет правоведения Удмуртского государственного университета. В 1987–2004 гг. работал в качестве адвоката Волгоградской областной и Удмуртской республиканской коллегий адвокатов. С 1994 по 2000 и с 2001 по 2003 г. состоял на выборной должности Председателя Президиума Удмуртской республиканской коллегии адвокатов. В декабре 2002 г. был избран, а позже, в 2006 и 2010 гг., переизбран Президентом Адвокатской палаты Удмуртской Республики. Общий стаж адвокатской деятельности более 25 лет.

В 1983–1997 гг. работал старшим юрисконсультом Волгоградского тракторного завода (с перерывом на действительную воинскую службу). В 1988–1989 гг. находился на выборной должности судьи Гидростроевского районного и Волжского городского народных судов (специализация – рассмотрение гражданских дел). В 2000–2001 гг. находился на выборной должности Председателя Избирательной комиссии Удмуртской Республики. В указанный период были проведены выборы первого Президента Удмуртской Республики, ряд выборов и референдумов иного уровня. Занимаемая должность предполагала ответственность за организацию и проведение выборов разного уровня, включая федеральный. По категории должность приравнена к должности первого заместителя Председателя Правительства Удмуртской Республики. В 2001 году Указом Президента Удмуртской Республики назначен Внештатным советником Президента Удмуртской Республики по вопросам правовой реформы и взаимодействия с правоприменительными органами.

С декабря 1997 года является Председателем Удмуртского регионального отделения общероссийского общественного движения «За права человека». Работал в рамках проекта «Мониторинг прав человека в России», участвовал в проведении мониторинга по вопросу необходимости введения в Удмуртской Республике должности Уполномоченного по правам человека. Первый вице-президент Гильдии российских адвокатов, Председатель правления Межрегиональной общественной организации «Инициатива–2018».

Награжден орденом Федеральной палаты адвокатов РФ «За верность адвокатскому долгу», (2004), Почетной грамотой Министерства юстиции Российской Федерации (2010), Почетной грамотой Удмуртской Республики (2010), орденом Федеральной палаты адвокатов РФ «За служение адвокатуре» (2014), Золотой медалью им. Ф.Н. Плевако (2015), медалью «Адвокатская слава» (2019), премией «Пражского клуба» за укрепление независимости российской адвокатуры (2019).

– Здравствуйте, уважаемый Дмитрий Николаевич! Благодарю Вас за то, что нашли время на интервью. Я так понимаю, что в преддверии X Всероссийского съезда адвокатов Совет Адвокатской палаты Удмуртской Республики разработал перечень предложений о внесении изменений и дополнений в Кодекс профессиональной этики адвоката. В связи с этим хотелось бы обсудить эти предложения и узнать Ваше мнение относительно их содержания и мотивировки их выдвижения.

– Уважаемый Андрей Викторович! Действительно, мы разработали определённую совокупность предложений.

В связи с принятием поправок в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», вступивших в силу 1 марта 2020 года, планируется вносить изменения в Кодекс профессиональной этики адвоката, в том числе с целью приведения его в соответствие с действующим законом. И осуществлять это будет X Всероссийский съезд адвокатов.

По поручению Совета Адвокатской палаты Удмуртской Республики я направил в Федеральную палату адвокатов Российской Федерации предложения о внесении изменений и дополнений в Кодекс профессиональной этики адвоката, принятые на заседании Совета Адвокатской палаты УР 26 ноября 2020 года (протокол № 16).

Данные предложения мы предлагаем вынести на рассмотрение заседания рабочей группы по подготовке изменений в КПЭА, организовать их обсуждение в адвокатском сообществе, а в дальнейшем внести их на обсуждение очередного Всероссийского съезда адвокатов.

Как известно, ФПА РФ ведет подготовку и обобщение предложений по данному вопросу, но делается это фактически за закрытыми дверями.

Детальная информация об обсуждениях умалчивается. Мы же считаем, что все предложения об изменениях Кодекса профессиональной этики адвоката должны открыто обсуждаться всем сообществом, а не только на закрытых конференциях для назначенных участников, о прошествии которых кратко объявляют постфактум, не публикуя развернутых материалов и не раскрывая сути обсуждавшихся там вопросов! Открытости в этой части способствует и Ваш журнал.

– Теперь давайте перейдем к обсуждению конкретных предложений!

– Начнем! А я попрошу Вас предложения по изменению или дополнению сформулированных норм в тексте интервью для наглядности выделить жирным шрифтом и курсивом.

Я буду кратко рассказывать о сути предложений и мотивировке их выдвижения.

1. Прежде всего, мы предлагаем внести изменения в статью 1 КПЭА, дополнив ее следующим абзацем: «***Никакое положение настоящего Кодекса не должно толковаться как ограничивающее или умаляющее права и свободы членов адвокатского сообщества, а также принципы законности, независимости, самоуправления, корпоративности и равноправия адвокатов, на основании которых действует адвокатура.».***

Предложенная поправка призвана гарантировать соблюдение должного баланса общегражданских прав адвокатов и внутрикорпоративных требований КПЭА, а также принципов, на основании которых действует адвокатура (ч. 2 ст. 3 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ»).

2. Предлагаем изложить пункт 3.1 статьи 9 КПЭА в новой редакции: «***Негласное сотрудничество адвоката с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, как правило, несовместимо со статусом адвоката.***

Исключение из общего правила составляют случаи разового, на бесконтрактной основе, сотрудничества адвоката с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, когда защитить собственные интересы, связанные с осуществлением профессиональной деятельности, а также интересы доверителя иным образом не представляется возможным.».

Указанная норма сформулирована в соответствии с разъяснениями КЭС ФПА РФ от 28 января 2016 г. № 01/16 «По вопросам применения п. 3.1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката». Как указано в разъяснении, в дисциплинарной практике адвокатских палат по-разному квалифицируются случаи оказания адвокатами содействия органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность.

Данное обстоятельство связано с тем, что в Федеральном законе «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» запрет для адвокатов сотрудничать с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, является не абсолютным и отнесен только к сотрудничеству негласному. КПЭА в настоящее время устанавливает абсолютный запрет на все формы сотрудничества – как негласное, так и гласное. При этом КПЭА является актом внутрикорпоративного регулирования и не должен, в системе иерархии нормативных актов, входить в противотечение с нормами федерального законодательства.

В связи с этим полагаем, что правила и условия, сформулированные в указанных разъяснениях КЭС, подлежат включению в КПЭА с целью устранения недопустимых противоречий с федеральным законодательством.

3. Предлагаем пункт 5 статьи 9 КПЭА изложить в новой редакции: «***5. В ходе осуществления профессиональной деятельности, а равно в иных случаях, когда адвокат действует или позиционирует себя в качестве члена адвокатского сообщества, адвокат должен избегать совершения действий, которые могут нанести ущерб авторитету адвокатуры.».***

Предлагаемая формулировка, на наш взгляд, позволяет более четко и ясно применять данную норму на практике, определять, какие критерии должны свидетельствовать об очевидности принадлежности адвоката к адвокатскому сообществу, не допуская разночтений при ее применении в рамках рассмотрения дисциплинарных дел.

4. Предлагаем дополнить подпункт 1 пункта 2 статьи 15 КПЭА, изложив его следующим образом: «*2. Адвокат не должен: 1) употреблять выражения, умаляющие честь, достоинство или деловую репутацию другого адвоката,* ***а также распространять не соответствующие действительности сведения, умаляющие авторитет адвокатуры;».***

Предлагаемая норма сформулирована через содержащиеся в законе и апробированные на практике гражданско-правовые термины и запреты, в частности, содержащиеся в ст. 152 ГК РФ, что, по нашему убеждению, является более корректным и соответствующим положениям действующего законодательства.

5. Предлагаем изменить абзац первый пункта 5 статьи 18 КПЭА, изложив его в следующей редакции: «***5. Меры дисциплинарной ответственности могут быть применены к адвокату не позднее девяти месяцев со дня возбуждения***

дисциплинарного производства в порядке, предусмотренном ст. 21 настоящего Кодекса, не считая времени болезни адвоката, нахождения его в отпуске.».

Действующая редакция названной нормы связывает начало течения срока для применения мер дисциплинарной ответственности к адвокату с моментом обнаружения его проступка. Понимание момента обнаружения проступка имеет существенные разночтения в практике разных палат, а также в судебной практике. Предлагаемая формулировка эту проблему снимает.

Также считаем необходимым увеличить названный процессуальный срок с шести до девяти месяцев.

6. Предлагаем внести изменения в пункт 6 статьи 18 КПЭА, дополнив ее подпунктом 3, а подпункт 3 переименовать в подпункт 4 пункта 6. Дополнить статью 18 КПЭА новым пунктом 9 следующего содержания:

«6. Мерами дисциплинарной ответственности являются:

1) замечание;

2) предупреждение;

3) Запрет на осуществление адвокатской деятельности в определенном виде судопроизводства либо запрет на участие в уголовном судопроизводстве по назначению органа дознания, органа предварительного следствия или суда на определённый срок;

4) прекращение статуса адвоката.».

Действующая норма КПЭА содержит чрезмерно полярную дифференциацию мер дисциплинарной ответственности по их правовым и фактическим последствиям для дисциплинируемого адвоката.

Представляется очевидным, что дисциплинарные наказания в виде замечания и предупреждения воспринимаются многими адвокатами как формальные. Следующее же по жесткости наказание в виде лишения статуса адвоката, тем более с учетом последних новаций ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» и КПЭА (ограничения на допуск к приобретению статуса адвоката вплоть до 5 лет; запрет лишенному статуса адвокату практиковать в любой системе судопроизводства – фактически запрет на профессию в широком плане), носит предельно жесткий характер. Из сказанного следует вывод о необходимости установления промежуточного наказания в виде запрета на осуществление адвокатской деятельности в определенном виде судопроизводства на определенный срок. Предложенная редакция нормы предусматривает дифференциацию запрета в зависимости от вида судопроизводства и основания оказания юридической помощи.

7. Предлагаем дополнить статью 18 КПЭА пунктом 7 нового содержания, а пункт 7 статьи 18 переименовать в пункт 8 статьи 18 КПЭА.

Пункт 7 статьи 18 КПЭА предлагаем сформулировать в следующей редакции: ***«В решении Совета о применении к адвокату меры дисциплинарной ответственности устанавливается срок действия такой меры.***

Срок действия замечания может составлять до одного года.

Срок действия предупреждения может составлять от трех месяцев до двух лет.

В решении Совета о запрете на осуществление адвокатской деятельности в определенном виде судопроизводства либо запрете на участие в уголовном судопроизводстве по назначению органа дознания, органа предварительного следствия или суда устанавливается срок такого запрета. Указанный срок может составлять от трех месяцев до трех лет. По решению Совета такой запрет может не распространяться на поручения, принятые адвокатом к моменту вынесения решения о запрете.».

Также предлагаем изменить пункт 1 статьи 26 КПЭА, изложив его в следующей редакции: ***«Если в течение срока, установленного в порядке, предусмотренном ст. 18 настоящего Кодекса, со дня наложения дисциплинарного взыскания адвокат не будет подвергнут новому дисциплинарному взысканию, он считается не имеющим дисциплинарного взыскания. Совет вправе до истечения установленного срока действия дисциплинарного взыскания снять дисциплинарное взыскание по собственной инициативе, по заявлению самого адвоката, по ходатайству адвокатского образования, в котором состоит адвокат.».***

Предлагаемые изменения, по нашему мнению, позволят справедливо дифференцировать меры дисциплинарной ответственности и их правовые последствия для адвоката в зависимости от конкретных обстоятельств совершенного адвокатом дисциплинарного проступка, последствий, наступивших в результате его совершения, и иных заслуживающих внимание обстоятельств.

8. Предлагаем дополнить статью 18 КПЭА пунктом 9 нового содержания, изложив его в следующей редакции: ***«9. Мера дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката может налагаться на адвоката лишь при наличии действующих мер дисциплинарной ответственности либо в случаях, когда допущенное адвокатом нарушение требований за-***

конодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и настоящего Кодекса совершено адвокатом умышленно и носит систематический и (или) грубый характер, повлекло искажение принципов адвокатской деятельности и свидетельствует о невозможности продолжения адвокатом своей деятельности.».

В действующем КПЭА отсутствуют критерии принятия органами адвокатского самоуправления решения о прекращении статуса адвоката. В таких условиях дисциплинарная практика носит произвольный, подчас волюнтаристический, характер.

Предлагаемая редакция пункта 9 статьи 18 КПЭА имеет целью унификацию существующей дисциплинарной практики и защиту адвокатов от необоснованного лишения статуса.

9. Предлагаем дополнить пункт 6 статьи 19 КПЭА новым абзацем, закрепляющим, в том числе, презумпцию невиновности и добросовестности адвоката, которая в настоящее время в КПЭА не сформулирована (при этом активно применяется на практике при рассмотрении дисциплинарных производств). Также предлагаем включить в статью 19 КПЭА новые пункты 8, 9, 10, регулирующие правила о возможности приостановления дисциплинарного производства и недопустимости злоупотребления правами участниками дисциплинарного производства.

Предлагаем сформулировать указанные нормы в следующей редакции:

«6. После возбуждения дисциплинарного производства лица, органы и организации, обратившиеся с жалобой, представлением, обращением, адвокат, в отношении которого возбуждено дисциплинарное производство, а также представители перечисленных лиц, органов и организаций являются участниками дисциплинарного производства.

Участники дисциплинарного производства обязаны добросовестно пользоваться принадлежащими им правами и не допускать злоупотреблений.

Процедура рассмотрения дисциплинарного производства направлена на независимое и всестороннее исследование всех его обстоятельств с соблюдением презумпции невиновности и добросовестности адвоката, а также надлежащего обеспечения адвокату права на защиту.

8. Квалификационная комиссия или Совет адвокатской палаты вправе принять решение о приостановлении дисциплинарного производства при наличии судебного спора о фактах, имеющих юридическое значение для установления наличия дисциплинарного проступка.

9. Дисциплинарное производство возобновляется после поступления в Квалификационную комиссию или Совет адвокатской палаты вступившего в законную силу соответствующего судебного акта. Участники дисциплинарного производства извещаются о возобновлении и дальнейшем рассмотрении дисциплинарного производства.

10. Приостановление дисциплинарного производства приостанавливает течение сроков, установленных частью 5 статьи 18, частью 1 статьи 23, частью 1 статьи 24 настоящего Кодекса.».

10. Предлагаем дополнить пункт 2.1 статьи 20 КПЭА новым абзацем следующего содержания: «***При рассмотрении и разрешении объединенного дисциплинарного производства Совет может применить к адвокату только одну меру дисциплинарной ответственности, предусмотренную пунктом 6 статьи 18 настоящего Кодекса.».***

Сформулированное правило фактически используется Советами адвокатских палат на практике при рассмотрении нескольких объединенных в одно дисциплинарных производств в отношении одного адвоката. При этом, поскольку в настоящее время вопрос применения меры дисциплинарной ответственности по объединенному производству не урегулирован, на практике, в том числе в рамках судебных споров, возникают разночтения и сомнения в правильности порядка применения мер дисциплинарной ответственности при рассмотрении объединенных дисциплинарных производств.

Предложенная формулировка нормы позволяет устранить подобные разночтения и неясности.

11. Предлагаем дополнить абзац 2 пункта 1 статьи 21 КПЭА, изложив его в следующей редакции: *«Извещения и иные документы, направляемые адвокату в соответствии с настоящим Кодексом, направляются по адресу* ***адвокатского образования, в котором адвокат осуществляет адвокатскую деятельность, либо по адресу, о котором адвокат уведомил палату. Адвокатской палатой может быть установлен иной способ направления извещений и иных документов.».***

Адвокат несет риск наступления неблагоприятных последствий, связанных с неполучением направленных ему извещений и иных документов.».

Формулировка, предусмотренная в настоящее время («извещения направляются по адресу адвоката»), на практике порождает споры. Это связано с тем, что адвокат обязан сообщить об адресе осуществления своей деятельности, но за-

частую этого не делает. В адвокатской палате может иметься несколько адресов адвоката, актуальность которых бывает затруднительно проверить.

В некоторых палатах предусмотрено информационное взаимодействие с адвокатами и направление им извещений и уведомлений по адресам электронной почты либо в личных кабинетах, созданных для каждого адвоката на сайтах адвокатских палат. В рамках действующего регулирования извещение адвоката по адресу электронный почти не вполне корректно.

Предлагаемая формулировка нормы названные проблемы снимает.

12. Предлагаем сформулировать в КПЭА нормы, закрепляющие основания и порядок отводов и самоотводов членов Квалификационной комиссии и Совета адвокатской палаты при рассмотрении дисциплинарных производств, а также предусмотреть право участников дисциплинарного производства на заявление ходатайства об отводах названных лиц и порядок разрешения таких ходатайств.

В настоящее время в КПЭА вопросы об отводах и самоотводах членов Квалификационной комиссии и Совета адвокатской палаты, рассматривающих дисциплинарные производства, не урегулированы. Эта лакуна порождает правоприменительные споры и даже нарушение прав адвокатов на объективное и справедливое рассмотрение дисциплинарных дел.

На необходимость более полного и четкого внутрикорпоративного регулирования порядка привлечения адвоката к ответственности, в том числе в части процедурных вопросов и прав участников дисциплинарного производства, указывается в Определении Конституционного Суда РФ от 01.03.2007 № 293-О-О.

Считаем возможным сформулировать названные нормы по аналогии с нормами действующего процессуального законодательства об отводах и самоотводах.

Так, гражданско-процессуальное законодательство регулирует сходные отношения.

В соответствии с подпунктами 2, 3 пункта 1, пунктом 2 ст. 16 Гражданского процессуального кодекса РФ мировой судья, а также судья не может рассматривать дело и подлежит отводу, если является родственником или свойственником кого-либо из лиц, участвующих в деле, либо их представителей; лично, прямо или косвенно заинтересован в исходе дела либо имеются иные обстоятельства, вызывающие сомнение в его объективности и беспристрастности. В состав суда, рассматривающего дело, не могут входить лица, состоящие в родстве между собой. Нормы права с аналогичными правилами содержатся и в ином процессуальном законодательстве, а именно в Арбитражном процессуальном кодексе РФ, Уголовном процессуальном кодексе РФ, КАС РФ.

Сходные отношения урегулированы также корпоративными актами иных профессиональных участников рынка юридической помощи, имеющих высшее юридическое образование и сдавших квалификационных экзамен – нотариусов.

Процедура приобретения статуса и привлечения к дисциплинарной ответственности нотариусов сходна с соответствующими институтами адвокатуры.

Так, согласно ст. 11.3 Кодекса профессиональной этики нотариусов в РФ член комиссии по профессиональной этике, лично, прямо или косвенно заинтересованный в результатах рассмотрения дела, не участвует в голосовании.

Кроме того, совмещение одним лицом разных процессуальных функций при рассмотрении конкретного дисциплинарного дела является недопустимым.

Концепция недопустимости конфликта интересов в сфере адвокатуры уже реализована в последних изменениях нашего профильного закона: в закон введены нормы о недопустимости совмещения одним лицом выборных должностей члена Квалификационной комиссии и члена Совета.

Полагаем необходимым закрепить в КПЭА **правило о недопустимости участия лица, признанного участником дисциплинарного производства, в обсуждении такого дисциплинарного дела и голосовании по нему в качестве члена соответствующего органа палаты. В частности, необходимо предусмотреть недопустимость участия вице-президента палаты, внесшего представление о возбуждении дисциплинарного производства (являющегося по должности членом Совета палаты), в обсуждении такого дисциплинарного производства на заседании Совета и голосовании по нему в качестве члена Совета.**

13. С 1 марта 2020 года вступили в действие поправки Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», касающиеся вопроса привлечения к дисциплинарной ответственности адвоката, занимающего выборную должность в органах адвокатской палаты субъекта РФ.

В части 7.1 статьи 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» предусмотрено правило о рассмотрении дисциплинарного дела, возбужденно-

го президентом ФПА РФ в отношении адвоката, занимающего выборную должность в органах адвокатской палаты субъекта РФ, в комиссии по этике и стандартам и совета ФПА в качестве квалификационной комиссии и совета соответственно. Между тем никаких процедурных вопросов, в том числе в части порядка возбуждения и рассмотрения таких дисциплинарных производств, обжалования принятых по результатам их рассмотрения решений КЭС и Совета ФПА, соответствующих процедурных сроков, законом не предусмотрено. Следовательно, эти вопросы должны быть разрешены в рамках внутрикорпоративного регулирования.

В связи с этим представляется необходимым разработать отдельные нормы КПЭА, в которых будут урегулированы порядок возбуждения и рассмотрения дисциплинарных производств в отношении адвокатов, занимающих выборные должности в органах адвокатской палаты субъекта РФ, обжалования принятых по результатам их рассмотрения решений Совета ФПА РФ.

Кроме того, необходимо предусмотреть дистанционный порядок участия адвоката в рассмотрении дисциплинарного дела, а также его ознакомления с материалами дела, находящегося на рассмотрении органов ФПА РФ.

14. Также поправками в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», вступившими в силу с 1 марта 2020 года, введена ст. 37.2 о наделении ФПА РФ правом выступать в качестве вышестоящего по отношению к адвокатским палатам регионов юрисдикционного органа при рассмотрении дисциплинарных дел (апелляционная инстанция). В законе прописаны лишь общие нормы, требующие более четкого, ясного и полного регулирования в КПЭА.

Полагаем, что в КПЭА должны быть, в частности, предусмотрены:

– основания для отказа ФПА РФ в рассмотрении жалобы адвоката на решение совета адвокатской палаты субъекта РФ о прекращении статуса (в частности, когда адвокатом реализовано право на обращение в суд);

– право, порядок и сроки обжалования решения ФПА РФ, принятого по результатам рассмотрения ФПА РФ дисциплинарного дела по жалобе на решение совета адвокатской палаты субъекта РФ о прекращении статуса адвоката;

– право и порядок дистанционного участия и ознакомления адвоката с материалами дисциплинарного дела, находящегося на рассмотрении органов ФПА РФ;

– решения, которые вправе по результатам разбирательства вынести Комиссия по этике и стандартам (по аналогии с решениями Квалификационной комиссии, указанными в ч. 9 ст. 23 КПЭА);

– последствия изменения и принятия Советом ФПА по делу нового решения при отмене решения совета адвокатской палаты субъекта РФ о прекращении статуса адвоката (в частности, вправе ли Совет ФПА РФ признать наличие в действиях адвоката нарушений по правилам ст. 25 КПЭА и применить к адвокату иную меру дисциплинарной ответственности?).

15. В связи с наделением ФПА РФ правом рассматривать дисциплинарные дела в отношении адвокатов, занимающих выборные должности в органах адвокатской палаты субъекта РФ, а также правом выступать в качестве вышестоящего по отношению к адвокатским палатам регионов юрисдикционного органа при рассмотрении дисциплинарных дел (по жалобам на решения о прекращении статуса адвоката), считаем необходимым привести в соответствие с действующим законодательством часть 2 статьи 25 КПЭА, изложив ее в следующей редакции: ***«Решение Совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации и Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации о применении меры дисциплинарной ответственности, а также решение Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации об оставлении без изменения решения Совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации о прекращении статуса адвоката может быть обжаловано адвокатом, привлеченным к дисциплинарной ответственности, в судебном порядке в месячный срок со дня, когда ему стало известно или он должен был узнать о состоявшемся решении.».***

– Благодарю Вас, уважаемый Дмитрий Николаевич, за обстоятельные предложения и комментарии к ним! Значительная часть предложений представляется полезной! Из представленных предложений и пояснений к ним видно, что Вами и Вашими коллегами из адвокатской палаты Удмуртской Республики приделана значительная как по объему, так и по полученным результатам, работа. Все озвученные Вами предложения, несомненно, достойны всестороннего открытого и широкого обсуждения в адвокатском сообществе!

Беседовал главный редактор,
доктор юридических наук А.В. Рагулин

Багреева Е.Г., Рудая А.А.

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ ИНСТИТУТА БАНКРОТСТВА

Цель: Исследование исторических этапов возникновения и развития института банкротства в России и за рубежом.

Методология: Использовались историко-правовой, сравнительно-правовой и формально-юридический методы.

Результаты: В статье выделены основные этапы развития института банкротства: первый – «жёсткий» период, временные границы которого совпали со временем появления первых торговцев и возникновения рыночных отношений; второй, названный «осмотрительным», (середина XVI–XVIII вв.); третий этап – «гуманный» (XVIII–XIX вв.). Установлено наличие тесной взаимосвязи и логической последовательности данных этапов, объясняемое постепенным развитием и усложнением экономических отношений с одновременным усовершенствованием законодательной сферы. Также в ходе проведённого исследования было выявлено несовершенство российского законодательства: в законе не представлен механизм предотвращения продажи и перепрофилирования научных и экспериментальных комплексов неплатёжеспособных организаций, а сам институт банкротства на данный момент не представляет собой стабильный и эффективный механизм, направленный на оздоровление управления и финансов компаний.

Новизна/оригинальность/ценность: В статье изучен процесс возникновения института банкротства, его переход от жёсткого периода к современному, гуманному. Авторы, применяя компаративный анализ, описывают особенности развития банкротства, характерные для различных периодов и разных стран. Установлено, что российское законодательство о банкротстве имеет нерешенный потенциал проблем, которые нуждаются в дальнейшем изучении, рассмотрении и закреплении.

Ключевые слова: банкротство, исторические этапы развития института банкротства, российское законодательство о банкротстве.

Bagreeva E.G., Rudaya A.A.

HISTORY AND MODERNITY OF THE BANKRUPTCY INSTITUTION

Purpose: Study of the historical stages of the emergence and development of the bankruptcy institute in Russia and abroad.

Methodology: Historical-legal, comparative and formal legal methods were used.

Results: The article highlights the main stages of the development of the bankruptcy institution: the first is a «tough» period, the time limits of which coincided with the time of the appearance of the first merchants and the emergence of market relations; the second historical stage, called «prudent», the time period of which fell in the middle of the XVI-XVIII centuries; the third stage is «humane» (XVIII-XIX). It was established that there is a close relationship and a logical sequence of these stages, explained by the gradual development and complexity of economic relations with simultaneous improvement in the legislative sphere. Also, during the study, the imperfection of Russian legislation was revealed: the law does not provide a mechanism for preventing the sale and repurposing of scientific and experimental complexes of insolvent organizations, and the bankruptcy institution itself at the moment is not a stable and effective mechanism aimed at improving the management and finance of companies.

Novelty/originality/value: The article examines the process of the institution of bankruptcy, its transition from a tough period to a modern humane one. The authors, using comparative analysis, describe the features of the development of bankruptcy, characteristic of various periods and different countries. It was established that Russian bankruptcy legislation has an unresolved potential for problems that need further study, consideration and consolidation.

Keywords: bankruptcy, historical stages in the development of the institution of bankruptcy, Russian legislation on bankruptcy.

Сегодня банкротство представляет собой закономерный процесс, непосредственно связанный с деятельностью хозяйствующих субъектов. С другой стороны, оно является одним из наиболее распространённых и эффективных инструментов, широко применяемых в странах с рыночной экономикой с целью осуществления санации рынка и последующей передачи предприятия к более эффективному собственнику. Несмотря на то, что корни термина «банкротство» восходят к первобытному обществу, в научной литературе до сих пор не установлена его этимология. Согласно одному из источников, «банкротство» происходит от двух латинских слов: «bancus» – «скамья» и «ruptus» – «сломанный», поскольку разорившийся торговец должен был сломать свою скамью, на которой совершал торговые сделки [1]. Что касается правовой стороны, то в Федеральном законе от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 27.12.2018, с изм. и доп.,

вступившими в силу 01.01.2019) дано следующее определение: несостоятельность (банкротство) – признанная арбитражным судом неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей (Статья 2. Основные понятия, используемые в настоящем Федеральном законе).

1. Основные этапы исторического развития института банкротства в мире

Как было сказано ранее, история института банкротства, основу которого составляют взаимоотношения должника и кредитора, берёт своё начало с момента появления первых торговцев и возникновения рыночных отношений. С первых дней образования института отношение к должникам было суровым и подразумевало применение таких наказаний, как физическая расправа, изгнание из родовой общины, обращение в рабство и другие.

Так, в Древней Индии кредитору было предоставлено право использовать в качестве основного инструмента воздействия на должника физическую силу, то есть на законных основаниях кредитор мог морить голодом, наносить увечья до тех пор, пока не будет погашена сумма долга [2].

В Древнем Китае должника могли обратить в рабство, избить палками или же казнить. В качестве ещё одного примера можно привести Древний Рим, в котором до IV века до н. э. существовал обычай задержания должника в доме кредитора на 60 дней, по истечении которых должник продавался в рабство за границу. Также в древнейшем римском памятнике правовой культуры – в «Законе XII Таблиц» было установлено, что при наличии непогашенной задолженности сразу перед несколькими кредиторами должника могли разрубить на части.

Таким образом, первый этап развития института банкротства, который вошёл в историю как «жёсткий» период, заслужил право так называться, поскольку ознаменовался кровавой расплатой должников за непогашенные перед кредиторами долги [3].

Однако по мере развития и усложнения экономических отношений происходило усовершенствование и в законодательной сфере. Так, наступил второй исторический этап, названный «осмотрительным», временной период которого пришёлся на середину XVI–XVIII веков. На данном этапе отношения между должником и кредитором стали более систематизированными благодаря появившимся правовым нормам, установившим определённые санкции для должника.

Так, например, в Италии были разработаны статуты – систематизированные сборники судебных решений, направленные на регулирование торговой несостоятельности и кредитных отношений [4]. Главным достижением итальянского конкурсного права того времени считается разработка положений об опровержении сделок должника и возможность заключения мирового соглашения.

В Великобритании принимаемые законы были подвержены частой смене, при этом новые положения нередко противоречили друг другу. Так, первый конкурсный закон 1543 г. Генриха VIII носил сословный характер и подразумевал уголовную ответственность должника. Однако Закон от 1572 г., принятый Елизаветой, исключил его применимость исключительно к предпринимателям и определил порядок конфискации имущества должника с последующим его арестом.

Следующий Закон «О предотвращении мошенничества банкротов» от 1732 г., принятый Георгом II, предусматривал суровое наказание в виде смертной казни для тех должников, которые по истечении 42 дней не смогли выплатить свои долги и предпочли скрываться от властей. Согласно данному закону человек, внесённый в список банкротов, лишался права быть избранным, занимать определённые государственные и военные должности, совершать коммерческие сделки. Для восстановления себя в правах и ликвидации записи о банкротстве необходимо было полностью погасить сумму долга, а также проценты, которые к тому времени были начислены за неуплату.

Французские законы (например, Указ Франциска I (1536), Указ Карла IX (1560)) предписывали применение телесных наказаний к банкротам, а также привязывание к позорному столбу. Важным этапом в развитии французского конкурсного права стало «Торговое уложение» от 12 сентября 1807 г., согласно которому устанавливалось, что несостоятельными могут быть исключительно люди, занимающиеся торговой деятельностью, то есть купцы. Уложение ужесточило уголовную ответственность норм, а также определило три основных вида несостоятельности: несчастную, неосторожную и злостную.

Третий период вошёл в историю как «гуманный» этап развития банкротства. В XVIII веке в Англии и в XIX веке в США происходило развитие законодательной концепции, направленной на урегулирование и отмену возложения неиму-

щественной ответственности на должника при неумышленном банкротстве. Данное нововведение подкреплялось заинтересованностью кредиторов в удовлетворении своих требований, а не в наказании должника. Именно поэтому в этот период в законодательство стали вноситься поправки относительно возможности предоставления должнику отсрочки по выплате долга, а также получили распространение реорганизационные процедуры.

2. Развитие института банкротства в России

В истории развития института банкротства в России можно выделить следующие этапы: первый ознаменовался принятием таких нормативных правовых актов, как «Русская Правда» и «Соборное уложение» 1649 г. [5]. В первом документе были установлены два вида несостоятельности: «несчастная», возникшая в силу обстоятельств, не зависящих от должника, и «злонамеренная», наступавшая вследствие безответственного поведения купца. Кроме того, положение устанавливало очередность удовлетворения требований кредиторов.

Соборное уложение закрепляло нормы, определяющие порядок удовлетворения требований кредиторов, а также основные признаки несостоятельности: недостаточность имущества должника, наличие нескольких кредиторов, наличие определенного порядка удовлетворения требований данных кредиторов.

Второй этап связан с принятием таких нормативных актов, как «Банкротский Устав» 1740 г., Уставы 1763 г., 1768 г.

Отличительными особенностями, характерными для «Банкротского Устава» 1740 года, были узкоспециализированный характер действия устава (распространялся исключительно на купцов); выделение двух видов несостоятельности – «несчастной» и «злостной».

Уставом 1763 г. обосновывалось уже три вида несостоятельности: «несчастная», «неосторожная» и «злостная».

Уставом 1768 г. были внедрены следующие изменения: смягчение последствий для должника при объявлении им себя банкротом; упразднение санкций за совершение сделок в процедуре банкротства.

Третий этап развития института банкротства ознаменовался принятием в 1832 году «Устава о торговой несостоятельности», который регулировал несостоятельность купеческого и мещанского сословия. Согласно данному уставу банкротом признавался должник, сумма задолженности которого превышала 1500 рублей. Такому должнику могло было быть вынесено наказание в виде лишения свободы сроком на два года с последующим отстранением от торговой деятельности. Также в данном документе была определена очерёдность погашения долгов: в первую очередь – перед церковью и работниками; во вторую очередь – перед государством; в третью очередь расчёт производился по сомнительным долгам; в последнюю очередь погашались долги, не предъявленные в срок.

Следующий этап ознаменовался принятием 19 ноября 1992 года «продолжниковского» Закона РФ «О несостоятельности (банкротстве) предприятий». Однако в ходе практической апробации были выявлены серьезные недостатки: процедура банкротства была сложной и затянутой; отсутствовала реальная возможность у кредитора отстоять свои права; в рамках закона были зафиксированы факты совершения преднамеренных банкротств крупными социально значимыми предприятиями.

Вследствие выявленной неэффективности Закона 1992 года было принято решение о разработке нового закона. Так, в 1998 году был принят ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» № 6. В новом законе было закреплено определение понятия «несостоятельность»; определены признаки банкротства; установлены порядок проведения соответствующих процедур банкротства и порядок рассмотрения дел о несостоятельности (банкротстве). Закон «О несостоятельности (банкротстве)» 1998 г. – «прокредиторский», поскольку в большей степени был направлен на защиту интересов кредиторов.

Однако, несмотря на ряд проведённых усовершенствований, данный закон имел и слабые стороны: не обеспечивал эффективной защиты субъектов хозяйственной деятельности; устанавливал жёсткое требование к введению процедуры наблюдения исключительно на основе заявления о признании должника банкротом; не допускал обжалования определений арбитражного суда. В конечном итоге данный закон вместо санирующего инструмента стал основной причиной разорения крупных платежеспособных предприятий, передела собственности и заказных банкротств.

Итоговым и действующим на современном этапе развития института банкротства стал ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ. В процессе его разработки были внедрены следующие новации: процедура наблюдения теперь может быть введена только на основании установления арбитражным судом требований кредиторов или при наличии обоснованности заявления должника; должник наделён

правом заявлять свои возражения и обжаловать определение суда; права государства и конкурсных кредиторов равноценны; изменение статуса арбитражного управляющего (субъект профессиональной деятельности).

Подводя итог вышесказанному, хочется отметить, что выделение в истории развития института банкротства следующих этапов: жёсткий, осмотрительный, справедливый и гуманный – не случайно. Ведь именно в рамках названных периодов происходил процесс становления и развития банкротства в разных странах. Все страны, рассмотренные в работе, прошли долгий путь от крайних и насильственных мер воздействия на должника до цивилизованных и направленных на защиту прав не только кредиторов, но и самого должника. Однако невозможно оставить без внимания отличительные особенности некоторых стран по отношению к институту банкротства.

Так, например, для Франции характерна «продолжниковская» модель развития законодательства о банкротстве: в момент открытия процедуры оздоровления происходит значительное ущемление прав кредиторов, за счёт чего предпринимается попытка реабилитационной процедуры. Поэтому в качестве одной из слабых сторон французского законодательства можно обозначить отсутствие баланса между целевой установкой, направленной на сохранение предприятий, и оправданностью мер, применяемых по поддержке неплатежеспособной организации.

Немецкая система традиционно носит «прокредиторский» характер. На данный момент в стране действует Закон «О несостоятельности» от 5 октября 1994 г., при разработке которого были приняты все необходимые меры, направленные на тщательную проработку недопущения системных сбоев, возможности затягивания процедуры, занижения прав кредиторов. Однако бывают случаи снижения эффективности немецкого законодательства вследствие распространённого факта, когда практически все процедуры начинаются открытием конкурсного производства, а высокий уровень защиты обеспеченных кредиторов снижает реабилитационные возможности. Кроме того, права конкурсного управляющего весьма ограничены в области принятия важных стратегических решений.

На сегодняшний день английская правовая система несостоятельности состоит из законов (основной – Закон «О несостоятельности» 1986 г.), вспомогательного законодательства и правил [6]. В Англии, по сравнению с остальными рассмотренными странами, права кредиторов защищены наиболее сильно. Основным способом урегулирования несостоятельности является механизм создания правового института по отчуждению всего предприятия с целью сохранения его технологической целостности и рабочих мест. Несмотря на то, что английская модель, как и другие, подвержена риску потери эффективности, в ней традиционно большая роль отводится различного рода соглашениям между должником и кредитором.

Что касается российского законодательства, то действующий на сегодняшний день Федеральный закон № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», несмотря на ряд вышеперечисленных преимуществ, имеет определённый спектр неосвещённых вопросов, которые нуждаются в дальнейшем рассмотрении [7]. Например, в законе не представлен механизм предотвращения продажи и перепрофилирования научных и экспериментальных комплексов неплатёжеспособных организаций, а сам институт банкротства на данный момент не представляет собой стабильный и эффективный механизм, направленный на оздоровление управления и финансов компаний.

Итак, институт банкротства представляет собой важный механизм регулирования отношений хозяйствующих субъектов, а также является неотъемлемой частью эффективного функционирования рыночной системы. Трудно переоценить важность изучения этапов становления института банкротства, поскольку благодаря накопленному опыту мы сможем разработать наиболее актуальные и результативные меры, способные обеспечить эффективную деятельность экономической системы страны.

Пристатейный библиографический список

1. Ряховская А.Н., Файншмидт Е.А. Сравнительный анализ зарубежного законодательства о банкротстве // Экономические аспекты функционирования предприятий. Международная практика: сборник научных трудов. М.: ИЭАУ, 2005.

2. Исторические этапы развития института несостоятельности (банкротства) в России и за рубежом [Электронный ресурс]. URL: https://econ.wikireading.ru/43435.

3. Учебник по антикризисному управлению. Антикризисное управление: теория и практика: учебник / колл. авт.; под ред. А.Н. Ряховской, С.Е. Кована. М.: КНОРУС, 2018.

4. Ромашова Т.В. Периодизация и тенденции развития института несостоятельности (банкротства) // Молодой ученый. 2015. № 4. С. 473–478.

5. Становление и развитие института несостоятельности (банкротства) в Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://advokatmamaev.ru/

stati/stanovlenie-i-razvitie-instituta-nesostoyatelnosti-bankrotstva-v-rossiyskoy-federatsii/.

6. История института банкротства [Электронный ресурс]. URL: http://npsgau.ru/istoriya-instituta-bankrotstva.php.

7. Институт несостоятельности (банкротства) [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/v/institut-nesostoyatelnosti-bankrotstva-v-sistieme-grazhdanskogo-prava.

References (transliterated)

1. Ryaxovskaya A.N., Fajnshmidt E.A. Sravnitel`ny`j analiz zarubezhnogo zakonodatel`stva o bankrotstve // E`konomicheskie aspekty` funkcionirovaniya predpriyatij. Mezhdunarodnaya praktika: sbornik nauchny`x trudov. M.: IE`AU, 2005.

2. Istoricheskie e`tapy` razvitiya instituta nesostoyatel`nosti (bankrotstva) v Rossii i za rubezhom [E`lektronny`j resurs]. URL: https://econ.wikireading.ru/43435.

3. Uchebnik po antikrizisnomu upravleniyu. Antikrizisnoe upravlenie: teoriya i praktika: uchebnik / koll. avt.; pod red. A.N. Ryaxovskoj, S.E. Kovana. M.: KNORUS, 2018.

4. Romashova T.V. Periodizaciya i tendencii razvitiya instituta nesostoyatel`nosti (bankrotstva) // Molodoj ucheny`j. 2015. № 4. S. 473–478.

5. Stanovlenie i razvitie instituta nesostoyatel`nosti (bankrotstva) v Rossijskoj Federacii [E`lektronny`j resurs]. URL: https://advokatmamaev.ru/stati/stanovlenie-i-razvitie-instituta-nesostoyatelnosti-bankrotstva-v-rossiyskoy-federatsii/.

6. Istoriya instituta bankrotstva [E`lektronny`j resurs]. URL: http://npsgau.ru/istoriya-instituta-bankrotstva.php.

7. Institut nesostoyatel`nosti (bankrotstva) [E`lektronny`j resurs]. URL: https://cyberleninka.ru/article/v/institut-nesostoyatelnosti-bankrotstva-v-sistieme-grazhdanskogo-prava.

ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА

Jus est ars boni et aequi

ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Представляем вашему вниманию
ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА

Деятельность нашего института направлена на разработку актуальных проблем юридической науки в евразийском правовом пространстве. Институт проводит фундаментальные и прикладные исследования в области государственно-правовых наук, международного права, адвокатуры и нотариата, социологии права, политологии, интерэкоправа, изучает закономерности правотворческой, правоприменительной и правоохранительной деятельности, разрабатывает на этой основе практические рекомендации, принимает участие в разработке законопроектов, содействует повышению профессионального уровня юристов, организует и участвует в проведении научных мероприятий, оказывает консультационные услуги в области права, а также редакционно-издательские услуги.

Приглашаем вас к сотрудничеству!

Контактная информация
Website: www.eurasniipp.ru e-mail: info@eurasniipp.ru Тел: +7-917-40-61-340

Рагулин А.В.

СУДЕБНЫЕ СПОРЫ И СОЦИАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ АДВОКАТУРЫ: ОТВЕТЫ И ВОПРОСЫ ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТУ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ПАЛАТЫ АДВОКАТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Цель: Исследование проблем организации и деятельности адвокатуры в контексте анализа публикации вице-президента ФПА РФ и сути судебных споров между адвокатами и органами корпоративного управления адвокатурой.

Методология: Использовались методы структурно-функционального анализа, системный метод, формально-юридический метод, метод изучения документов, метод включенного наблюдения.

Результаты: В статье детально рассмотрены проблемные вопросы, связанные с «Обращением 32-х адвокатов» от 2 марта 2019 г., актами ФПА РФ, принятыми в связи с ним (Разъяснение 03/19 Комиссии по этике и стандартам ФПА РФ, Резолюция IX Всероссийского съезда адвокатов), и их судебным оспариванием. Обращено внимание на то, что при рассмотрении дела в первой инстанции суд пришел к ошибочным выводам, а выводы суда не соответствуют фактическим обстоятельствам дела и подтверждающим их доказательствам. Обоснованы немотивированность судебного решения и незаконность состава суда. Также на конкретных примерах доказано, что логические подмены и введение в заблуждение являются характерными приемами представителей ФПА РФ. Обращено внимание на неверное понимание вице-президентом ФПА РФ истинных функций адвокатуры и на то, какие негативные социальные модели современной адвокатуры поддерживаются ФПА РФ.

Новизна/оригинальность/ценность: Статья представляет научную ценность, поскольку является исследованием современных проблем организации адвокатуры.

Ключевые слова: адвокатура, адвокат, развитие адвокатуры, проблемы адвокатуры, Обращение 32-х адвокатов.

Ragulin A.V.

LITIGATION AND SOCIAL MODELS OF THE MODERN RUSSIAN ADVOCACY PROFESSION: ANSWERS AND QUESTIONS TO THE VICE PRESIDENT OF THE FEDERAL CHAMBER OF ADVOCATES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Purpose: To study the problems of the organization and activities of the advocacy profession in the context of the analysis of the publication of the vice-president of the Federal Chamber of Advocates of the Russian Federation and the essence of litigation between advocates and corporate governance bodies of the advocacy.

Methodology: The methods of structural and functional analysis, the systemic method, the formal legal method, the method of studying documents, the method of participatory observation were used.

Results: The article discusses in detail the problematic issues related to the «Appeal of 32 advocates» dated March 2, 2019, the acts of the Federal Chamber of Advocates of the Russian Federation adopted in connection with it (Clarification 03/19 of the Commission on Ethics and Standards of the Federal Chamber of Advocates of the Russian Federation and Resolution of the IX All-Russian Congress of Advocates) and their judicial challenge. Attention is drawn to the fact that when considering the case in the first instance, the court came to erroneous conclusions, and the court's conclusions do not correspond to the factual circumstances of the case and the evidence supporting them. The lack of motivation of the court decision and the illegality of the composition of the court are substantiated. Also, using specific examples, it has been proved that logical substitutions and misleading are typical techniques of representatives of the Federal Chamber of Advocates of the Russian Federation. Attention is drawn to the misunderstanding by the vice-president of the Federal Chamber of Advocates of the Russian Federation of the true functions of the advocacy profession and to what negative social models of the modern advocacy are supported by the Federal Chamber of Advocates of the Russian Federation.

Novelty/originality/value: The article is of scientific value, since it is a study of modern problems of the organization of the legal profession.

Keywords: advocacy, advocate, development of advocacy, problems of advocacy, Appeal of 32 advocates.

1. Введение

Недавно на официальном сайте организации под наименованием ОННО «Федеральная палата адвокатов Российской Федерации» (далее – ФПА РФ) был размещен опус вице-президента этой самой организации, а также и адвокатской палаты Московской области, господина М.Н. Толчеева с «захватывающим дух» названием «Истцы не доказали установление запрета» [1].

Публикация посвящена небезызвестному [2–8] Обращению 32-х адвокатов [9, 10] и связанному с ним недавно опубликованному решению Хамовнического районного суда г. Москвы от 30 сентября 2020 г. по гражданскому делу № 02-0136/2020

(№ 2-3961/19) [11], которым было отказано в удовлетворении искового заявления Адвокатской палаты Удмуртской республики (АПУР), Палаты адвокатов Республики Алтай (ПАРА) и ряда адвокатов об оспаривании актов, принятых по поводу этого Обращения, – Разъяснения 03/19 Комиссии по этике и стандартам ФПА РФ «По вопросу допустимости обращения адвокатов в правоохранительные органы» [12] (далее – Разъяснение 03/19), Решения Совета ФПА РФ, утвердившего это Разъяснение, и Резолюции IX Всероссийского съезда адвокатов «О соблюдении адвокатской этики» (далее — Резолюция) [13]. Представляется необходимым, исходя из фактических обстоятельств дела и ряда связанных с ним дел, проанализировать ее содержание.

Из названия опуса можно предположить, что его автор, будучи не только чиновником от адвокатуры, но и непосредственным участником рассмотрения дела в суде в качестве представителя ФПА РФ, наконец-то начал открытый правдивый публичный диалог с адвокатским сообществом, и появилась надежда, что он, как минимум, достоверно расскажет о ходе процесса, представит в тексте своего произведения детальный анализ обстоятельств дела, подвергнет научно-практическому анализу представленные сторонами доказательства, приведет обстоятельную квалификацию правоотношений сторон и детальное обоснование своей позиции, которую, как он полагает, принял суд.

Но, оказалось, нет. Ничего этого у автора не вышло.

Вместо этого М.Н. Толчеев преуспел в другом. Автор, жонглируя тезисом о собственном понимании и якобы непонимании президентами АПУР и ПАРА «элементарных вещей о функционировании правосудия», в своем повествовании продемонстрировал проявление парапраксиса, показал «виртуозное» владение приёмами суждения о других людях «по себе», продемонстрировал свое непонимание действительно возложенных на адвокатуру социальных функций, применил широкий спектр способов введения читателя в заблуждение, а также явил общественности свое явное нежелание очистить адвокатуру от тех негативных явлений, названных им «социальными моделями», которые практикуются в деятельности органов корпоративного управления адвокатурой.

2. О «простоте» и «очевидности» судебного решения по иску к ФПА РФ

В самом начале своего повествования автор указал: «Решение Хамовнического суда по иску АП Удмуртской Республики оказалось ожидаемо простым и очевидным» [14–19].

Сложно, конечно, утверждать, казалось ли решение таким уж «ожидаемо простым и очевидным» господину М.Н. Толчееву, но вот его непосредственный руководитель, как следует из предпоследнего абзаца его статьи, посвященной регистрации искового заявления АПУР [20], осуществленной 19 августа 2019 года, видимо, не был столь прорицателен [21]. Да и действия самого автора опуса свидетельствуют об обратном. Ведь не случайно его усилиями и за счет средств ФПА РФ, финансируемой, кстати, самими адвокатами через адвокатские палаты российских регионов, являющиеся членами этой организации, было многое сделано для того, чтобы решение суда первой инстанции по делу № 02-0136/2020 (№ 2-3961/19) было именно таким, каким оно получилось: немотивированным и противоречащим фактическим обстоятельствам дела.

В тексте своего опуса автор, демонстрируя нежелание рассматривать вопрос по существу, а также явные признаки парапраксии, пытается ввести читателя в заблуждение своим утверждением о том, что «совершенно нет смысла для подробного разбора… многостраничных и многочасовых излияний представителей истцов о том, как им не нравится современная адвокатура, о теще башкирского президента, о переизбрании президента Палаты адвокатов Республики Алтай, дисциплинарном производстве в отношении А.В. Рагулина, злоупотреблениях в Мордовской и Московской палатах и многом другом, не имеющем ничего общего с существом спора».

Тем самым автор подсвечивает тему о том, что именно злоупотребления представителей органов корпоративного управления адвокатурой и явились причиной Обращения 32-х, а также о том, какие действия были предприняты ФПА РФ при непосредственном участии автора в то время, когда судом осуществлялось рассмотрение дела № 02-0136/2020 (№ 2-3961/19).

3. Обращение 32-х, акты ФПА РФ и дело в Хамовниках

2 марта 2019 г. собравшиеся на проводимой в г. Москве конференции адвокаты и юристы в количестве 32-х человек по просьбе заявителей – адвокатов Адвокатской палаты Республики Башкортостан, изучив представленные ими документы, подписали Открытое обращение на имя Председателя Следственного комитета РФ А.И. Бастрыкина.

В тексте обращения указывалось, что адвокатское и юридическое сообщество России вни-

мательно следит за развитием событий вокруг Адвокатской палаты Республики Башкортостан, связанных с финансовыми злоупотреблениями в Адвокатской палате, а из представленных ими материалов доследственной проверки видно, что управленцами Адвокатской палаты РБ, бюджет которой формируется за счет обязательных взносов адвокатов республики, исполняются подозрительные сделки, заключенные при наличии непреодоленного и не санкционированного адвокатами палаты конфликта интересов. В Обращении отмечалось, что заявители, являющиеся адвокатами – членами Адвокатской палаты РБ, обратились с заявлением о возбуждении уголовного дела в республиканское управление Следственного комитета России, однако проверка их заявлений длилась с декабря 2017 года, причем следственным органом неоднократно выносились постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, а затем осуществлялась их немедленная отмена. Заявители Обращения 32-х просили не затягивать проверку и принять по ее материалам законное и обоснованное решение, дабы прекратить дискуссии о злоупотреблениях, подрывающих авторитет адвокатуры, либо привлечь виновных к ответственности и тем самым прекратить дальнейшие незаконные действия.

В последующем по фактам, изложенным в заявлении адвокатов – членов Адвокатской палаты Республики Башкортостан в отношении неустановленных сотрудников органов управления Адвокатской палаты Республики Башкортостан, было возбуждено уголовное дело по ч. 4. ст. 159 УК РФ (мошенничество в особо крупном размере), расследование которого продолжается [22–28].

Затем, когда после принятия Разъяснения 03/19 и Резолюции ряд адвокатов из числа 32-х был привлечен к дисциплинарной ответственности, и истцами были заявлены иски об оспаривании данных решений, руководством ФПА РФ был предпринят ряд действий, очень, кстати, далеких от пропагандируемых идеалов адвокатской этики.

4. Судебная волокита и рекордная оперативность, или два дела вместо одного

Во-первых, была осуществлена акция по «заволокичиванию» рассмотрения основного дела и сверхсрочному (22 рабочих дня!) проведению, в нарушение положений ч. 4 ст. 151, 181.4, ч. 4 ст. 330 ГПК РФ, п. 117 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г., «параллельного» процесса по иску адвоката Р.А. Рамалданова, рассмотренному судьей Хамовнического районного суда Г.Г. Бугыниным [29].

Столь стремительное, нехарактерно быстрое для судов г. Москвы рассмотрение дела сопровождалось умышленным сокрытием от истцов по основному делу факта рассмотрения этим же судьей полностью аналогичного по предмету и основаниям иска с целью недопущения заявления истцами по основному делу ходатайства об объединении дел в одном производстве. А затем, уже после вынесения решения, – с целью недопущения обжалования истцами по основному делу этого решения.

Сокрытие «параллельного процесса» было осуществлено путем отсутствия какой-либо информации о производстве по иску А.Р. Рамалданова на сайте ФПА РФ, в СМИ, подконтрольных ФПА РФ, а также путем размещения в карточках дел на сайте Хамовнического районного суда г. Москвы заведомо сфальсифицированных данных об ответчике. А именно: вместо действительного ответчика ОННО «Федеральная палата адвокатов Российской Федерации» в соответствующей карточке дела было сделано указание на несуществующего ответчика – «Палата адвокатов России» [30].

О произошедшем стало известно из СМИ, которые, в свою очередь, получили соответствующую информацию лишь 3 июля 2020 г., после опубликования на сайте Московского городского суда решения об оставлении апелляционной жалобы А.Р. Рамалданова без удовлетворения [31].

Из материалов дела по иску А.Р. Рамалданова следует, что оно было рассмотрено в одном судебном заседании, формально, в отсутствие истца; без выяснения уважительности причин обращения истца с самостоятельным иском; без выяснения фактических обстоятельств соблюдения истцом порядка заблаговременного письменного уведомления участников соответствующего гражданско-правового сообщества о намерении обратиться с таким иском в суд и предоставить им иную информацию, имеющую отношение к делу, без выяснения причин и оснований, по которым истец не присоединился к иску по делу № 02-0136/2020 (№ 2-3961/19), без разрешения вопроса о привлечении соистцов по делу № 02-0136/2020 (№ 2-3961/19) к участию в деле по иску А.Р. Рамалданова [32].

При этом как инициаторами иска адвоката А.Р. Рамалданова, так и рассматривающими это исковое заявление судами не учтено, что он, не присоединившись к искам по делу № 02-0136/2020 (№ 2-3961/19) и не доказав уважительность причин обращения с самостоятельным иском, на основании ч. 5, 6 ст. 181.4 ГК РФ и п. 17

Постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 утратил право на обращение в суд с самостоятельным исковым заявлением. Рассматривая исковые требования адвоката А.Р. Рамалданова без привлечения к участию в деле АПУР и отказывая в удовлетворении исковых требований по делу № 2-355/2020, суд фактически предопределил принятие решения об отказе в иске по делу № 02-0136/2020 (№ 2-3961/19) и лишил АПУР и других соистцов по делу их конституционного права на судебную защиту, на беспристрастное и объективное рассмотрение их законных требований в рамках состязательного судебного процесса.

В настоящее время срок апелляционного обжалования, вопреки возражениям ФПА РФ, судом восстановлен, дело по апелляционной жалобе АПУР рассматривается в Московском городском суде [33].

Наряду с этим, Президент АПУР Д.Н. Талантов обратился в органы судейского сообщества с жалобой и требованием привлечь судью Г.Г. Бугынина к дисциплинарной ответственности [34], в связи с чем он 31 июля 2020 г. непосредственно перед началом очередного слушания по делу был по распоряжению Председателя Хамовнического районного суда г. Москвы без предупреждения кого-либо заменен судьей Н.С. Шевьевой [35].

5. Воздействие ФПА на истцов путем отрешения Президента ПАРА А.П. Ганжи от должности

Во-вторых, ФПА РФ, также при непосредственном личном участии М.Н. Толчеева, была осуществлена акция по отрешению от должности единоличного исполнительного органа организации соистца по делу – Президента ПАРА А.П. Ганжи.

В рамках этих действий, которым предшествовали осуществляемые в ходе неоднократных командировок М.Н. Толчеева в Республику Алтай длительные переговоры с членами Совета ПАРА, 15 июля 2020 года было проведено заседание Совета ФПА РФ, по итогам которого было принято решение: «обязать Совет Палаты адвокатов Республики Алтай в срок до 1 августа 2020 г. рассмотреть вопрос о прекращении полномочий Александра Петровича Ганжи в качестве президента Палаты адвокатов Республики Алтай и при прекращении полномочий действующего президента избрать нового президента Палаты в порядке, предусмотренном Законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [36].

Данное решение в настоящее время оспаривается А.П. Ганжой в Хамовническом районном суде г. Москвы (судья Г.Г. Бугынин) по мотивам постановления решения в отсутствие полномочий Совета ФПА РФ на рассмотрение данного вопроса и противоречия решения основам правопорядка и нравственности [37].

Истцом заявляется, что ни в положениях ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», ни в нормах п. 5.12, 5.21 и 5.22 Положения о ПАРА не указывается на возможность прекращения полномочий Президента ПАРА на основании решения Совета ПАРА и на основании принятия решений Советом ФПА РФ, а согласно абз. 4 п. 2 и п. 3 ст. 65.3 ГК РФ полномочия президента некоммерческой корпорации, как постоянно действующего органа корпорации, могут быть досрочно прекращены только на основании решения высшего органа ПАРА – общего собрания членов ПАРА.

Содержание положений подп. 4 п. 3 ст. 37 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», которое, исходя из содержания оспариваемого решения, является правовым основанием для его принятия, свидетельствует о том, что данная норма не предоставляет Совету ФПА РФ право принимать решения об обязании Совета ПАРА совершить действия, которые могли бы повлечь фактическую смену лиц, избранных в установленном законом порядке в органы управления ПАРА, в том числе – Президента ПАРА. Совет ФПА РФ не обладает специальными полномочиями по наделению органов управления адвокатских палат субъектов Российской Федерации (в том числе Совета ПАРА) специальными полномочиями на действия в обход процедуры, установленной в законе, и актов адвокатской палаты [38].

Совет ПАРА, как и следовало ожидать, исполнил предписанное в Решении Совета ФПА, в результате чего 31 июля 2020 года Советом ПАРА было принято решение о прекращении полномочий А.П. Ганжи в качестве президента ПАРА и избрании Президентом ПАРА Е.Е. Жданова.

Исковое заявление А.П. Ганжи, оспаривающее это решение, 18 сентября 2020 г. Горно-Алтайским городским судом Республики Алтай было оставлено без удовлетворения, при этом суд, детально не мотивируя свои выводы и вольно трактуя положения законодательства, не применив подлежащий применению закон (абз. 4 п. 2 и п. 3 ст. 65.3 ГК РФ), в своем решении указал: «По мнению суда, исходя из закрепленного подп. 1 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» за Советом Палаты адвокатов полномочия по избиранию из своего состава президента адвокатской палаты, вопрос о досрочном прекраще-

нии полномочий президента палаты адвокатов также отнесен к компетенции Совета Палаты адвокатов [39]. В настоящее время данное необоснованное и незаконное решение обжалуется в Верховном Суде Республики Алтай.

6. Неудавшаяся попытка ФПА организовать дисциплинарное преследование представителя истцов адвоката А.В. Рагулина

В-третьих, с участием М.Н. Толчеева осуществлена попытка организации отказа ПАРА от иска и попытка необоснованного привлечения к дисциплинарной ответственности представителя АПУР и ПАРА по делу № 2-0136/2020 (№ 2-3961/19) адвоката А.В. Рагулина, осуществленная путем инициирования жалобы на него от имени исполняющего обязанности Президента ПАРА Е.Е. Жданова, направленной в Адвокатскую палату г. Москвы.

В рамках данной деятельности М.Н. Толчеев, в нарушение ч. 2 ст. 14 КПЭА, встречался с доверителем адвоката А.В. Рагулина в лице ПАРА в его отсутствие и без его согласия, в нарушение ч. 2 ст. 14, п. 2 ст. 8, ч. 1 ст. 15 КПЭА, выступив с докладом на заседании Совета ПАРА, предоставил Совету недостоверную информацию о произошедших в ходе судебного заседания 23 января 2020 г. событиях, чем убедил ПАРА в том, что адвокат А.В. Рагулин действовал вопреки интересам ПАРА. Также М.Н. Толчеев распространил на своей публичной странице в социальной сети «Facebook» недостоверную информацию о якобы имевшем место нарушении адвокатом А.В. Рагулиным норм КПЭА [40].

В жалобе, подготовленной в отношении адвоката А.В. Рагулина от имени ПАРА во время нахождения Президента ПАРА А.П. Ганжи в отпуске, утверждалось, что он якобы не согласовал свои действия с доверителем в лице ПАРА и действовал вопреки его воле, а именно вопреки направленному по почте заявлению об отказе ПАРА от исковых требований к ФПА РФ. Однако каких-либо доказательств этого факта заявителем жалобы представлено не было. Доводы жалобы также полностью опровергнуты содержанием соглашения об оказании юридической помощи, в котором определена правовая позиция в виде необходимости поддержания предъявленного искового заявления, а по его условиям адвокат А.В. Рагулин в своей деятельности по представлению интересов ПАРА подотчетен только Президенту ПАРА, и только последний вправе давать указания, выражающие волю доверителя в лице ПАРА. Кроме того, заявителем жалобы не было представлено доказательств того, что Решение Совета ПАРА от 26 декабря 2019 г. об отказе от исковых требований было доведено до сведения адвоката А.В. Рагулина до судебного заседания, состоявшегося 23 января 2020 г.

При этом небезынтересно, что в тексте жалобы утверждалось, что адвокат А.В. Рагулин якобы не заявил ходатайство о предоставлении времени на согласование позиции с доверителем и реализовывал собственные политические и правовые воззрения, транслируя их от имени ПАРА, однако данные утверждения полностью опровергаются аудиопротоколом судебного заседания, согласно которому адвокатом А.В. Рагулиным никакие политические и правовые воззрения не транслировались, делались ссылки на нормы законодательства, по его ходатайству был объявлен перерыв для осуществления связи с доверителем для согласования позиции.

29 июля 2020 г. Квалификационная комиссия адвокатской палаты г. Москвы по данной жалобе, несмотря на то, что адвокат А.В. Рагулин и Президент ПАРА А.П. Ганжа настаивали на рассмотрении жалобы по существу, вынесла заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства вследствие отзыва жалобы. В возражении на заключение указано, что у Комиссии отсутствовало указанное в ч. 7 ст. 19 КПЭА письменное заявление об отзыве жалобы, то есть отсутствовал единственный повод для принятия решения о прекращении дисциплинарного производства ввиду отзыва жалобы, допущено неправильное применение норм материального права (ошибка в толковании закона и КПЭА), вследствие чего ею, без учета положений Преамбулы и ч. 3 ст. 19 КПЭА, фактических обстоятельств дела и без учета позиции участников дисциплинарного производства, сделан неправильный вывод об отсутствии необходимости рассмотрения дисциплинарного дела по существу, необоснованно оставлен без внимания предложенный адвокатом А.В. Рагулиным способ разрешения дисциплинарного дела.

Принимая решение о прекращении дисциплинарного производства, Комиссия уклонилась от достижения его действительных целей, которые состояли, в том числе, и в установлении обоснованности жалобы, в проверке доводов А.В. Рагулина о противоправных действиях, связанных с инициированием возбуждения дисциплинарного производства, которые для действительного достижения целей дисциплинарного производства необходимо было зафиксировать, обсудить и исключить из дальнейшей практики деятельности адвокатских палат.

Также обращает на себя внимание факт, что в процессе рассмотрения дисциплинарного дела Квалификационной комиссией, которое осуществлялось в форме online-заседания посредством связи через систему ZOOM, неизвестное лицо, перебивая уже начавшийся доклад члена Комиссии по обстоятельствам дела, осуществило звонок по телефону председательствующему А.В. Сучкову и дачу ему неких указаний, что зафиксировано на видеозаписи заседания Комиссии. Данное обстоятельство зафиксировано при помощи аудиозаписи [41]. После этого звонка по распоряжению председательствующего в заседании был объявлен незапланированный перерыв, после которого на повторный вопрос А.В. Сучкова президент ПАРА А.П. Ганжа повторно указал, что доводы жалобы он не поддерживает, на что А.В. Сучковым было объявлено, что по результатам этой позиции квалификационная комиссия остается на совещании. Затем председательствующим А.В. Сучковым было объявлено, что члены квалификационной комиссии проголосовали за необходимость прекращения дисциплинарного производства вследствие отзыва жалобы. Игнорирование возражений и заявлений участника дисциплинарного производства, переговоры с неизвестными лицами во время заседания и очевидное выполнение указаний этих лиц, повлиявших на результат рассмотрения дела, ставят под сомнение независимость и беспристрастность Комиссии.

30 сентября 2020 г. (в день вынесения судом первой инстанции решения по иску в Хамовническом районном суде г. Москвы) Совет Адвокатской палаты с заключением квалификационной комиссии согласился, однако мотивированного решения этого до настоящего момента в адрес адвоката А.В. Рагулина не направил.

Кстати, отказ ПАРА от иска, повторно заявленный Е.Е. Ждановым от имени Президента ПАРА, рассмотренный судом 30 сентября 2020 г., не был принят судьей Н.С. Шевьевой, рассмотревшей дело № 02-0136/2020 (№ 2-3961/19), на том основании, что полномочия этого лица не подтверждены, а в ЕГРЮЛ имеется запись о том, что лицом, правомочным действовать без доверенности от имени ПАРА, является Президент ПАРА А.П. Ганжа.

Противоречащие же положениям КПЭА действия вице-президента ФПА РФ, вице-президента АПМО, адвоката М.Н. Толчеева, представляющего ФПА РФ в гражданском процессе, являются нарушающим ч. 1 ст. 18 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» вмешательством в адвокатскую деятельность адвоката А.В. Рагулина со стороны Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, состоящим в инициировании необоснованного привлечения адвоката А.В. Рагулина к дисциплинарной ответственности за якобы допущенные им в отношении ПАРА нарушения.

В то же время нельзя не отдать должное Квалификационной комиссии и Совету Адвокатской палаты г. Москвы в том, что инспирированная ФПА РФ попытка оказания воздействия на адвоката, представляющего противоположную ФПА РФ сторону в значимом для адвокатуры судебном процессе, не прошла.

7. Логические подмены и введение в заблуждение – характерные приемы представителей ФПА РФ?

Далее, говоря о сути спора, рассмотренного Хамовническим районным судом г. Москвы, автор опуса указывает: «На самом деле в основе происходящего – все та же логическая подмена, которую так любят использовать истцы как в процессуальных документах, так и в своих публичных высказываниях», при этом в своем повествовании М.Н. Толчеев сам же и осуществляет эту самую логическую подмену, о которой он пишет.

Так, автор переводит свое повествование на то, что истцы якобы «настаивают, что должна существовать взаимозависимость между объемами сказанного и написанного ими и объемом решения суда. Безотносительно к правовому существу вопроса». Вот тут-то вице-президент ФПА РФ опять попадает впросак, ведь ни о какой взаимозависимости объема представленных доводов и объема решения суда истцы не заявляли. Это не что иное, как выдумка автора. Хотя, вполне возможно, что М.Н. Толчеев перепутал объем решения суда, о котором он сам ведет речь, с абсолютно обоснованным тезисом о том, что опубликованное решение является немотивированным, о чем действительно упоминалось в одной из публикаций в социальной сети. Однако это совсем не одно и то же [42]!

Это неочевидно для вице-президента ФПА РФ, или он сознательно пытается ввести читателя в заблуждение? Дальнейшее повествование показывает, что, скорее, верно второе.

Так, автор опуса пишет: «Истец оспаривает Разъяснение КЭС по мотиву его несоответствия материальному закону. Намеренно примитивизируя и искажая смыслы, заложенные в Разъяснении, истец утверждает, что этим актом якобы создан запрет на обращение адвокатов в государственные органы, сформулирована новая норма

поведения. …Для юриста очевидно, что писанный запрет, как любая норма, должен содержать гипотезу, а также четко выраженные диспозицию и санкцию. И здесь мы получаем первую и основную подмену». На этом основании, как полагает автор опуса, «истцы так и не смогли сформулировать, какое правило они оспаривают. Не смогли они ответить и на вопрос, из каких слов Разъяснения следует санкция за обращение в государственные органы. Поскольку ее там просто нет».

Тут М.Н. Толчеев опять пытается ввести читателей в заблуждение, ибо в письменных объяснениях, врученных суду и ответчику в ходе судебного заседания, а также в устных объяснениях, данных в ходе судебного заседания, что зафиксировано в том числе и в аудиозаписях судебного заседания, истцами неоднократно заявлялось, что обязательное для соблюдения и исполнения для адвокатов и адвокатских палат субъектов Российской Федерации содержание Разъяснения 03/19, Решения Совета ФПА РФ, Резолюции Всероссийского съезда адвокатов, противоречащее основам правопорядка и нравственности, выражено:

1. В Разъяснении Комиссии по этике и стандартам по вопросу допустимости обращения адвокатов в правоохранительные органы от 17 апреля 2019 года, утвержденном решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации 17 апреля 2019 г., в следующих тезисах:

1) «Обращение адвокатов в органы государственной власти, а тем более в правоохранительные органы с заявлением о проведении проверки в отношении органов адвокатского самоуправления заслуживает осуждения со стороны адвокатского сообщества» (абзац второй Разъяснения);

2) «Требование или призыв ко вмешательству в деятельность органов адвокатского самоуправления либо осуществлению в отношении них проверочных и контрольных мероприятий органами государственной власти, в том числе осуществляющими уголовное преследование, ведёт к подрыву принципов независимости и корпоративности и недопустимо для членов адвокатского сообщества» (абзац третий Разъяснения);

3) «Такого рода обращения адвокатов в органы государственной власти либо в правоохранительные органы демонстрируют пренебрежение моральными традициями адвокатуры и требованиями профессиональной этики» (абзац четвёртый Разъяснения);

4) «Такое поведение адвоката прямо противоречит пункту 2 статьи 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которому адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре. Кроме того, пункт 5 статьи 9 Кодекса профессиональной этики адвоката содержит принципиальное указание о том, что в любой ситуации, в том числе вне профессиональной деятельности, адвокат обязан сохранять честь и достоинство, избегать всего, что могло бы нанести ущерб авторитету адвокатуры или подорвать доверие к ней, при условии, что принадлежность адвоката к адвокатскому сообществу очевидна или это следует из его поведения» (абзац пятый Разъяснения);

5) «Указанные нарушения законодательства об адвокатуре и адвокатской деятельности и норм профессиональной этики адвоката должны становиться поводом для дисциплинарного реагирования уполномоченных органов адвокатского самоуправления и возможного привлечения адвокатов к дисциплинарной ответственности» (абзац шестой Разъяснения);

2. В Резолюции Всероссийского съезда адвокатов от 18 апреля 2019 г. «О соблюдении адвокатской этики» – в утверждениях:

1) «Призывать к любому органу государственной власти, а тем более к тому, которому адвокаты противостоят как защитники в уголовном процессе, о проведении проверки финансово-хозяйственной деятельности адвокатской палаты – значит игнорировать принципы самоуправления и корпоративности адвокатуры, подрывать её независимость» (абзац пятый Резолюции Съезда);

2) «Поэтому решительного осуждения заслуживают высокомерное, пренебрежительное отношение как к коллегам, избранным в органы палаты, так и к коллегам – членам другой адвокатской палаты, отказ им в способности самим решать внутренние вопросы сообщества. Такого рода действия, независимо от побуждений, их вызвавших, насаждают чуждую адвокатуре атмосферу подозрительности и доносительства, губительны для профессии, основанной на отношениях доверия и взаимной поддержки, и при определенных обстоятельствах могут стать предметом дисциплинарного разбирательства» (абзац шестой Резолюции Съезда).

В то же время в решении суда по делу не подвергнуто обстоятельному анализу и фактическое содержание оспариваемой Резолюции Всероссийского съезда адвокатов от 18 апреля 2019 г. «О соблюдении адвокатской этики», также ограничивающей право адвоката на обращение в государственные органы относительно деятельности руководства органов корпоративного управления адвокатурой.

Судом не учтено, что, принимая соответствующие акты, содержание которых прямо никак не следует из положений ст. 5 и ст. 9 КПЭА, органы ФПА РФ под предлогом защиты принципов независимости, самоуправления и корпоративности адвокатуры (ч. 2 ст. 3 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации») и в Разъяснении 03/19, и в Резолюции и фактически, и юридически установили новое правило профессионального поведения адвокатов, а именно: «Адвокатам запрещается обращаться в органы государственной власти с заявлениями о проведении проверки в отношении органов адвокатского самоуправления под угрозой привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности, которое может повлечь за собой прекращение статуса адвоката и лишение права на профессию».

Тем не менее, автор опуса своими немотивированными, оторванными от фактических обстоятельств дела и фактических обстоятельств судебного рассмотрения дела утверждениями пытается убедить читателя в правильности своего последующего утверждения о том, что решение суда якобы содержит ответ на первоначальный и центральный вопрос: «истцы не доказали, что оспариваемым Разъяснением установлен запрет на обращение».

Однако анализ текста решения в совокупности с материалами дела показывает, что в действительности все не совсем так, а, скорее, даже совсем не так, как утверждает М.Н. Толчеев.

8. Суд пришел к ошибочным выводам!

Из материалов дела и текста решения следует, что окончательный вывод суда по существу спора является ошибочным и противоречащим установленным судом обстоятельствам дела. Эта ошибка возникла в результате того, что суд не применил в отношении сделанного им правильного и позитивного для истца вывода о фактических обстоятельствах дела подлежащие применению нормы материального права.

Суд пришел к выводу о том, что «оснований для признания оспариваемых решений недействительными, как противоречащих основам правопорядка и нравственности, не имеется». Этот вывод обосновывается судом теми соображениями, что «оспариваемые решения не содержат расширительного толкования составов дисциплинарных проступков, установленных Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», Кодексом профессиональной этики адвоката, не устанавливают дисциплинарную ответственность адвоката за сам факт обращения в правоохранительные органы, а лишь указывают на возможность привлечения к дисциплинарной ответственности в такой ситуации при наличии определенных обстоятельств, то есть в тех случаях, когда будет установлено наличие состава дисциплинарного проступка, предусмотренного Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», Кодексом профессиональной этики адвоката». Соответственно, как указывает суд, «оспариваемые решения не содержат запретов, обязательных к исполнению адвокатами, не препятствуют реализации членам адвокатского сообщества конституционного права на обращение в правоохранительные органы».

Этими соображениями мотивация решения исчерпывается.

К указанным ошибочным выводам суд пришел в результате того, что он не применил к правильно установленным им фактическим обстоятельствам дела подлежащие применению нормы материального права, а именно: суд признал то обстоятельство, что, «согласно указанному Разъяснению, Комиссия Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации полагает, что направление адвокатами обращений в органы государственной власти либо в правоохранительные органы с требованием проведения проверки в отношении органов адвокатского самоуправления противоречит положениям п. 2 ст. 5, п. 5 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката».

Уже этот верно установленный судом факт является достаточным для удовлетворения иска, поскольку, согласно положениям п. 2 ст. 5, п. 5 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката (КПЭА), на которые содержится ссылка в Разъяснении КЭС ФПА РФ, «адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре»; «в любой ситуации, в том числе вне профессиональной деятельности, адвокат обязан сохранять честь и достоинство, избегать всего, что могло бы нанести ущерб авторитету адвокатуры или подорвать доверие к ней, при условии, что принадлежность адвоката к адвокатскому сообществу очевидна или это следует из его поведения».

Содержание приведенных статей КПЭА сводится к адресованному адвокатам общему запрету неэтичного, причиняющего ущерб корпоративным интересам адвокатуры поведения. Никаких конкретных поведенческих правил эти нормы КПЭА не содержат.

Оспариваемое Разъяснение КЭС ФПА РФ наполняет указанные общие нормы КПЭА конкретным «материальным содержанием», формулируя

правило, по которому «направление адвокатами обращений в органы государственной власти либо в правоохранительные органы с требованием проведения проверки в отношении органов адвокатского самоуправления» является одним из конкретных составов этически-девиантного поведения.

Констатация недопустимости обращений адвокатов в органы государственной власти и правоохранительные органы выражена в оспариваемом Разъяснении предельно ясно: «Требование или призыв ко вмешательству в деятельность органов адвокатского самоуправления либо осуществлению в отношении них проверочных и контрольных мероприятий органами государственной власти, в том числе осуществляющими уголовное преследование, ведет к подрыву принципов независимости и корпоративности и недопустимо для членов адвокатского сообщества» (третий абзац Разъяснения).

Таким образом, суд признал, что, согласно положениям оспариваемых истцом решений органов ФПА РФ, направление адвокатами обращений в органы государственной власти либо в правоохранительные органы с требованием проведения проверки в отношении органов адвокатского самоуправления противоречит установленным КПЭА требованиям сохранения чести и достоинства адвоката, наносит ущерб авторитету адвокатуры и подрывает доверие к ней.

Между тем утвержденные Решением Совета ФПА Разъяснения КЭС ФПА РФ по вопросам применения Кодекса профессиональной этики имеют обязательную для адвокатов и адвокатских палат силу, исходя из положений ч. 7 ст. 37, ст. 37.1 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», ст. 27, 32, 35.1 Устава ФПА РФ, ст. 2 и ч. 3 ст. 8 Регламента КЭС ФПА РФ.

Более того, в самом тексте оспариваемого истцом Разъяснения КЭС ФПА РФ также содержится указание на обязательность этого решения: «Настоящее Разъяснение вступает в силу и становится обязательным для всех адвокатских палат и адвокатов после утверждения Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации и опубликования на официальном сайте Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации в сети «Интернет» (седьмой абзац Разъяснения). Позиция истца в судебном заседании содержала более подробную дополнительную мотивацию обязательности оспариваемых решений для адвокатов и адвокатских палат, исходя из иных фрагментов текста оспариваемого Разъяснения (например, п. 1 письменных объяснений истца от 27 августа 2020 года).

Обязательность оспариваемых решений для адвокатов и адвокатских палат суд сомнению не подвергает. Предельно понятно, что обязательность сформулированного в оспариваемом решении органов ФПА РФ правила (о «недопустимости» обращений адвокатов в государственные органы) означает адресованный адвокатам запрет поступать вопреки этому решению (то есть обращаться в госорганы), поскольку, согласно ст. 1 КПЭА, Кодекс устанавливает обязательные для адвоката правила поведения при осуществлении им адвокатской деятельности.

Вывод из сказанного предельно прост: суд признал, что органы ФПА РФ сформулировали обязательное для адвокатов и адвокатских палат правило, запрещающее адвокатам обращаться в государственные и правоохранительные органы.

Следующим необходимым шагом должного судебного разбирательства должна была стать оценка этого установленного судом факта с точки зрения положений действующего законодательства. Однако судом такая оценка при вынесении решения не осуществлена.

Между тем обращение адвокатов в органы государственной власти либо в правоохранительные органы не может быть признано «недопустимым», поскольку это противоречит положениям ч. 1 ст. 15, ст. 17, 18, 19, ч. 3 ст. 29, ст. 33, 55 Конституции Российской Федерации, ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации, ст. 2, 6 Федерального закона от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», ст. 29 Всеобщей декларации прав человека, ст. 19 Международного пакта о гражданских и политических правах, ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, ст. 17 Декларации о праве и обязанности отдельных лиц, групп и органов общества поощрять и защищать общепризнанные права человека и основные свободы.

Таким образом, применение к в целом правильно установленным судом фактическим обстоятельствам дела соответствующих норм материального права неизбежно привело бы суд к выводу о незаконности оспариваемых решений органов ФПА РФ и необходимости их отмены по основанию их противоречия основам правопорядка и нравственности.

При таких обстоятельствах судебное решение подлежит отмене ввиду неправильного применения норм материального права (неприменения закона, подлежащего применению).

9. Несоответствие выводов суда фактическим обстоятельствам дела и подтверждающим их доказательствам

Положенный в основу судебного решения вывод о том, что «оспариваемые решения не содержат запретов, обязательных к исполнению адвокатами, не препятствуют реализации членами адвокатского сообщества конституционного права на обращение в правоохранительные органы», не соответствует обстоятельствам дела. При этом судом проигнорировано заявленное истцом основание иска – оспариваемые решения органов ФПА РФ являются ничтожными, так как они приняты по вопросу, не относящемуся к их компетенции.

Судом, тем не менее, правильно определено, что обжалуемыми решениями органов ФПА РФ установлено, что «направление адвокатами обращений в органы государственной власти либо в правоохранительные органы с требованием проведения проверки в отношении органов адвокатского самоуправления противоречит положениям п. 2 ст.5, п. 5 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката».

Согласно ст. 1 КПЭА Кодекс устанавливает обязательные для адвоката правила поведения при осуществлении им адвокатской деятельности.

При таких обстоятельствах оспариваемые решения органов ФПА РФ, наполняющие общие положения п. 2 ст. 5, п. 5 ст. 9 КПЭА конкретным «материальным содержанием» в виде отдельного состава дисциплинарного нарушения («недопустимое» обращение адвоката в органы государственной власти и в правоохранительные органы), формулируют для адвокатов соответствующий запрет. Такой запрет формируется впервые, поскольку в действующем КПЭА его не существует.

С этой точки зрения довод суда о том, что «оспариваемые решения не содержат расширительного толкования составов дисциплинарных проступков, установленных Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», Кодексом профессиональной этики адвоката», ошибочен.

Истцы согласны с судебным решением в том смысле, что ни Совет ФПА РФ, ни КЭС ФПА РФ не вправе самостоятельно формулировать новые составы дисциплинарных проступков, поскольку это правомочие, как верно указывает суд, является сферой исключительной компетенции Всероссийского Съезда адвокатов (п. 2 ч. 2 ст. 36 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

Именно это соображение и было положено в основу Заявления истца об изменении основания иска от 21 ноября 2019 года (в заявлении истец указывает, что оспариваемые решения ответчика являются ничтожными, поскольку приняты по вопросам, не относящимся к компетенции Совета и КЭС ФПА РФ).

Однако в нарушение требований ч. 1 ст. 195, п. 2 ч. 4 ст. 198 ГПК РФ это основание иска было оставлено судом без реагирования. Более того, в нарушение требований ч. 3 ст. 198 ГПК РФ это заявленное истцом основание иска в описательной части обжалуемого решения даже не упомянуто.

Представляется очевидным, что изначально недействительное (ничтожное) в силу противоречия основам правопорядка и нравственности решение собрания не может стать законным лишь потому, что оно было принято с превышением полномочий этого собрания. Напротив, двойное нарушение, допущенное КЭС ФПА РФ и Советом ФПА РФ (во-первых, материально-правовое и, во-вторых, по превышению компетенции субъекта), лишь усугубляет имеющийся факт нарушения этими органами прав адвокатов и адвокатских палат и формирует дополнительное основание для удовлетворения искового заявления.

При таких обстоятельствах судебное решение подлежит отмене ввиду несоответствия выводов суда первой инстанции, изложенных в решении суда, обстоятельствам дела, а также в силу его необоснованности (полное игнорирование судом заявленных истцом оснований иска).

Наряду с этим, выводы суда, касающиеся содержания оспариваемых решений органов ФПА, не соответствуют их действительному содержанию. Эти выводы судом не мотивированы. Судом грубо нарушены требования закона об осуществления правосудия на основе состязательности, непосредственности и устности судебного разбирательства, что выразилось в игнорировании судом всего массива представленных истцом доказательств и доводов. Более того, судом не исследован предмет спора – оспариваемые решения органов ФПА РФ.

Так, решение суда строится на том утверждении, что оспариваемые решения ответчика не содержат расширительного толкования состава дисциплинарных проступков и не устанавливают ответственность адвоката за сам факт обращения в правоохранительные органы, а лишь указывают на возможность привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности при наличии в действиях адвоката состава дисциплинарного проступка.

Выше показано, что в действительности оспариваемые решения органов ФПА РФ сформули-

ровали самостоятельное правило об абсолютной, вне связи с какими бы ни было иными привнесенными обстоятельствами, недопустимости обращения адвокатов в государственные (правоохранительные) органы на органы адвокатского самоуправления. С этой точки зрения решениями органов ответчика сформулировано новое материально-правовое основание для привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности.

Ошибка в оценке действительного содержания оспариваемых решений произошла в результате отказа суда исследовать как сами оспариваемые решения, так и представленные истцом доказательства.

Так, судом не были исследованы (оглашены) оспариваемые истцом Разъяснение 03/19 Комиссии по этике и стандартам по вопросу допустимости обращения адвокатов в правоохранительные органы и Решение Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации об утверждении Разъяснения 03/19 Комиссии по этике и стандартам по вопросу допустимости обращения адвокатов в правоохранительные органы, а также оспариваемая иными соистцами Резолюция IX Всероссийского съезда адвокатов «О соблюдении адвокатской этики».

Вынесение решения по поводу законности и содержания не исследованных в судебном заседании документов является абсурдным.

Более того, по ходатайству НО «Адвокатская палата Удмуртской Республики» суд приобщил к материалам дела следующие письменные доказательства и видеоаудиозапись:

– Комиссионное научно-консультативное лингвистическое заключение № 03-01/20 от 20 января 2020 года;

– Дополнительное комиссионное научно-консультативное лингвистическое заключение № 03-08/20 от 27 августа 2020 года;

– лингвистическое исследование информационных (текстовых) материалов от 27 декабря 2019 года;

– Заключение специалиста-лингвиста от 19 февраля 2020 года;

– статью за авторством Президента ФПА РФ Ю.С. Пилипенко «Адвокатура свой выбор сделала»;

– редакционную статью ФПА РФ «Порицание доносительства – традиция адвокатуры»;

– DVD-диск с видеозаписью фрагмента IX Всероссийского съезда адвокатов.

Требования истца об изучении всех названных выше приобщенных к делу доказательств были судом проигнорированы.

Названный DVD-диск с видеозаписью фрагмента IX Всероссийского съезда адвокатов суд попытался просмотреть, но секретарь суда доложила, что используемая аппаратура не позволяет воспроизвести записанный на нем звук (аппаратура была неисправна). На этом попытка исследования доказательства завершилась.

Между тем, согласно положениям ст. 181 ГПК РФ, письменные доказательства должны быть оглашены в судебном заседании, после чего лица, участвующие в деле, могут дать объяснения. Согласно положениям ст. 185 ГПК РФ видеозаписи также воспроизводятся в судебном заседании.

Указанные доказательства подтверждали заявленные НО «Адвокатская палата Удмуртской Республики» требования, в частности, свидетельствовали о противоречии Разъяснения 03/19 Комиссии по этике и стандартам и утвердившего это Разъяснение Решения Совета ФПА РФ от 17 апреля 2019 года основам правопорядка и нравственности.

Особое внимание стоит уделить произвольному и ничем не мотивированному отказу суда исследовать приобщенные к материалам дела в качестве доказательств заключения лингвистов, выводы которых противоречат голословному и ошибочному выводу суда о содержании оспариваемых решений:

– согласно Комиссионному научно-консультативному лингвистическому заключению № 03-01/20 от 20 января 2020 года специалистов Гильдии лингвистов-экспертов по документальным и информационным спорам в тексте Разъяснения 03/19 Комиссии по этике и стандартам по вопросу допустимости обращения адвокатов в правоохранительные органы от 17 апреля 2019 года, утвержденного решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации 17 апреля 2019 г., содержится обязательное для исполнения адвокатами и адвокатскими палатами правило (запрет) о недопустимости обращения адвокатов в органы государственной власти либо в правоохранительные органы с требованием проведения проверки в отношении органов адвокатского самоуправления;

– аналогичные выводы содержатся в лингвистическом исследовании информационных (текстовых) материалов от 27 декабря 2019 года;

– Согласно Дополнительному комиссионному научно-консультативному лингвистическому заключению специалистов Гильдии лингвистов-экспертов по документальным и информационным спорам № 03-08/20 от 27 августа 2020 года правило о недопустимости обращения адвокатов

в государственные органы власти либо в правоохранительные органы с требованием проведения проверки в отношении органов адвокатского самоуправления, сформулированное в Разъяснении 03/19, выражающее запрет на подобные обращения, не включает в себя каких бы то ни было дополнительных условий применения этого правила и этого запрета (то есть того, о чем пишет суд). При этом ни одно из упоминаемых в тексте Разъяснения 03/19 свойств и последствий обращения адвоката в государственные органы власти либо в правоохранительные органы не является сформулированным в тексте указанного Разъяснения условием применения содержащихся в тексте Разъяснения правила и связанного с ним запрета.

Таким образом, согласно заключениям специалистов-лингвистов, оспариваемое Разъяснение 03/19 содержит адресованный адвокатам абсолютный запрет на их обращение в органы государственной власти либо в правоохранительные органы с требованием проведения проверки в отношении органов адвокатского самоуправления.

В заключении специалиста-лингвиста от 19 февраля 2020 года аналогичные выводы сделаны и в отношении оспариваемой соистцами Резолюции IX Всероссийского съезда адвокатов «О соблюдении адвокатской этики».

В составлении названных заключений участвовали ведущие отечественные специалисты в области лингвистики – доктора и кандидаты филологических наук, профессора специализированных в области лингвистики и филологии кафедр ведущих вузов России, имеющие многолетний опыт научной и экспертной деятельности (более 30 и даже 40 лет). Эти заключения специалистов в области лингвистики судом проигнорированы по следующему немотивированному и противоречащему положениям закона основанию: «При этом лингвистические исследования и заключения доказательного значения при рассмотрении настоящего дела не имеют».

Очевидно, что приведенный судом довод абсурден. Лингвистика как отрасль специального познания занимается изучением продуктов речевой (письменной) деятельности. Соответственно, предметом проведенных лингвистических исследований является выявление смыслового содержания высказываний и текста оспариваемых по делу решений. Представляется очевидным, что разрешить спор, не выявив истинное смысловое содержание оспариваемых решений органов ФПА РФ, просто невозможно. Отказ суда огласить текст оспариваемых решений, а равно представленных истцом письменных доказательств и, прежде всего, заключений специалистов-лингвистов, противоречит требованиям ст. 181, 185 ГПК РФ, ст. 12, 53 ГПК РФ (осуществление правосудия на основе состязательности и равноправия сторон), ст. 157 ГПК РФ (непосредственность и устность судебного разбирательства).

10. Немотивированность судебного решения

Наряду с этим, анализ мотивировочной части решения суда показывает, что судом при составлении решения нарушены положения ч. 1 ст. 195 ГПК РФ, согласно которой решение суда должно быть законным и обоснованным, а также ч. 4 ст. 198 ГПК РФ, в которой устанавливается, что в мотивировочной части решения суда должны быть указаны не только выводы суда, вытекающие из установленных им обстоятельств дела, но и доказательства, на которых основаны выводы суда об обстоятельствах дела и доводы в пользу принятого решения, мотивы, по которым суд отверг те или иные доказательства, принял или отклонил приведенные в обоснование своих требований и возражений доводы лиц, участвующих в деле, законы и иные нормативные правовые акты, которыми руководствовался суд при принятии решения, и мотивы, по которым суд не применил законы и иные нормативные правовые акты, на которые ссылались лица, участвующие в деле.

Верховный Суд Российской Федерации в своем Постановлении от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении» указывал, что «Решение является обоснованным тогда, когда имеющие значение для дела факты подтверждены исследованными судом доказательствами, удовлетворяющими требованиям закона об их относимости и допустимости, или обстоятельствами, не нуждающимися в доказывании (статьи 55, 59–61, 67 ГПК РФ), а также тогда, когда оно содержит исчерпывающие выводы суда, вытекающие из установленных фактов».

В постановлениях ЕСПЧ также подчеркнуто значение мотивированности судебных актов: «… роль мотивированного решения состоит в том, что оно доказывает сторонам, что их позиции были выслушаны. Кроме того, мотивированное решение дает возможность какой-либо стороне обжаловать его, а апелляционной инстанции – возможность пересмотреть его» (Постановление от 11 января 2007 г. по делу «Кузнецов и другие против РФ», Постановление по делу «Хаджианастасиу против Греции»от 16.12.1992).

Таким образом, судом нарушены положения ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основ-

ных свобод. Требования закона и Постановлений Пленума Верховного Суда РФ судьей Н.С. Шевьевой при вынесении решения также проигнорированы.

Из содержания решения в сопоставлении с материалами дела усматривается, что доказательства, на которых основаны выводы суда об обстоятельствах дела и доводы в пользу принятого решения, в его тексте не приведены, как не перечислены и мотивы, по которым суд отверг представленные истцом доказательства, по которым суд отклонил приведенные в обоснование требований истца доводы, мотивы, по которым суд не применил законы и иные нормативные правовые акты, на которые ссылались истцы. Так, например, суд указал, что оспариваемые акты приняты в рамках компетенции органов адвокатского самоуправления, однако доводы об обратном, заявленные истцами и основанные на содержании этих актов и положений законодательства, а также Устава ФПА и Регламента КЭС ФПА, суд не учел и не опроверг.

При таких обстоятельствах судебное решение подлежит отмене ввиду несоответствия выводов суда первой инстанции, изложенных в решении суда, обстоятельствам дела, а также грубого нарушения норм процессуального права, повлекшего ошибочные выводы суда.

11. Незаконность состава суда

Наряду с этим, дело было рассмотрено незаконным составом суда. Дело изъято из производства судьи Г.Г. Бугынина и передано судье Н.С. Шевьевой без предусмотренных законом оснований и вне предусмотренного ГПК РФ процессуального порядка, что привело к принятию судебного решения в незаконном составе суда.

Вплоть до 30 июля 2020 года дело находилось в производстве судьи Г.Г. Бугынина. Согласно пояснениям судьи Н.С. Шевьевой, данным ей в рамках рассмотрения дела, дело было передано ей исключительно на основании рукописной записи Председателя Хамовнического районного суда г. Москвы К.А. Похилько. Эта запись содержится в материалах дела и представляет собой текст «Шевьева Н.С., 30.07.2020 г.» и нечитаемую подпись, являющуюся, по словам судьи Н.С. Шевьевой, подписью К.А. Похилько. Даже если абстрагироваться от иных приведенных ниже доводов, указанный текст не может свидетельствовать о намерении председателя Хамовнического районного суда г. Москвы «передать» дело для рассмотрения судье Н.С. Ше-вьевой.

Названную лишенную смысла запись невозможно воспринимать в качестве процессуального документа. Между тем любые судебные постановления принимаются в предусмотренной ГПК РФ процессуальной форме, в частности, в форме определений суда (ст. 13 ГПК РФ).

На основании ч. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона.

На основании ст. 47 Конституции Российской Федерации никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом. Исходя из положений ч. 2 ст. 157 ГПК РФ, разбирательство дела происходит при неизменном составе судей.

Согласно обязательной для правоприменения правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, выраженной в Определении от 24 октября 2013 г. № 1601-О, ГПК РФ «допускает возможность замены одного из судей в процессе рассмотрения дела в случае заявленного и удовлетворенного в порядке, установленном данным Кодексом, самоотвода или отвода судьи, длительного отсутствия судьи ввиду болезни, отпуска, пребывания на учебе, нахождения в служебной командировке, а также в случаях прекращения или приостановления его полномочий по основаниям, установленным федеральным законом… Гарантией процессуальных прав лиц, участвующих в деле, в случае замены одного из судей в процессе рассмотрения дела выступает правило, согласно которому разбирательство в этом случае должно быть произведено судом с самого начала (часть вторая статьи 157 ГПК Российской Федерации)».

Ни одного из указанных оснований для замены судьи Г.Г. Бугынина на судью Н.С. Шевьеву по делу не существовало.

При этом Конституционным Судом Российской Федерации указано, что «Положения части 3 статьи 35 Федерального конституционного закона «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации», подпункта 3 пункта 1 статьи 6.2 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации», определяющие полномочия председателя суда, в частности по организации работы суда и по распределению обязанностей между заместителями председателя, а также в порядке, установленном федеральным законом, – между судьями, не предполагают право председателя суда произвольно передавать дело от одного судьи другому судье этого же суда, т. е. без

наличия на то установленных процессуальным законом оснований».

Ни малейших процессуальных оснований для передачи дела судье Н.С. Шевьевой не имелось. Более того, согласно названному Определению Конституционного Суда Российской Федерации от 24 октября 2013 г. № 1601-О, подобная произвольная передача дела от судьи к судье ведет «к принятию судебного постановления судом, сформированным в незаконном составе».

Эта позиция Конституционного Суда Российской Федерации была продублирована в его Определении от 03 апреля 2014 года № 565-О, в котором было прямо указано, что установленный порядок замены судьи служит гарантией от произвольной передачи дела от одного судьи другому судье этого же суда либо от произвольной замены судей при коллегиальном рассмотрении дела. Конституционный Суд Российской Федерации указал, что если замена в составе суда, рассматривающего дело, произведена без наличия на то установленных процессуальным законом оснований, то сформированный подобным образом состав суда должен быть признан незаконным, «что в любом случае влечет отмену принятого им судебного акта».

Более того, в соответствии со ст. 14 ГПК РФ состав суда для рассмотрения каждого дела формируется путем использования автоматизированной информационной системы. Аналогичные требования содержатся в Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде (Утв. Приказом от 29 апреля 2003 г. № 36 Судебного департамента при Верховном Суде РФ). В Хамовническом районном суде г. Москвы возможности для использования автоматизированной информационной системы имеются. При таких обстоятельствах это требование закона является для рассматриваемого дела обязательным, однако оно было нарушено, что также привело к формированию незаконного состава суда.

Ко всему прочему, судьей Н.С. Шевьевой дело рассмотрено без оформления принятия его к производству суда в составе названного судьи, что исключает возможность его рассмотрения судьей Н.С. Шевьевой.

В соответствии со ст. 133 ГПК РФ судья в течение пяти дней со дня поступления искового заявления в суд обязан рассмотреть вопрос о его принятии к производству суда. О принятии заявления к производству суда судья выносит определение, на основании которого возбуждается гражданское дело в суде первой инстанции. В определении о принятии искового заявления указывается на подготовку дела к судебному разбирательству, действия, которые надлежит совершить лицам, участвующим в деле, в том числе для примирения, сроки их совершения. Копии определения о принятии искового заявления к производству суда направляются лицам, участвующим в деле, не позднее следующего рабочего дня после дня его вынесения.

При этом, исходя из требований ст. 14 ГПК РФ, под «составом суда», рассматривающим дело, понимается конкретный судья (председательствующий) либо коллегия из трех профессиональных судей. Таким образом, исходя из смысла положений ст. 14, 133 ГПК РФ, судья Н.С. Шевьева не имела права приступать к рассмотрению дела без вынесения определения о принятии дела к производству судом в составе этого судьи. Такого определения судьей не выносилось. При этом после незаконного фактического принятия дела к производству судьей Н.С. Шевьевой были грубо нарушены требования процессуального закона о подготовке дела к судебному разбирательству.

Согласно требованиям ст. 147 ГПК РФ после принятия заявления судья выносит определение о подготовке дела к судебному разбирательству, указав в нем конкретные действия, которые следует совершить сторонам и другим лицам, участвующим в деле, а также сроки совершения этих действий, при этом каждая из задач подготовки дела к судебному разбирательству, перечисленных в ст. 148 ГПК РФ, является обязательным элементом данной стадии процесса (Постановление ПВС РФ от 24 июня 2008 года № 11). Согласно требованиям ст. 150 ГПК РФ при подготовке дела к судебному разбирательству судья обязан совершить определенные процессуальные действия. При этом в соответствии со ст. 153 ГПК РФ судья, лишь признав дело подготовленным, выносит определение о назначении его к разбирательству в судебном заседании (Постановление ПВС РФ от 24 июня 2008 года № 11).

Исходя из императивного сформулированного в ч. 2 ст. 157 ГПК РФ правила, «в случае замены одного из судей в процессе рассмотрения дела разбирательство должно быть произведено с самого начала». Согласно обязательной для правоприменения правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, выраженной в Определении от 24 октября 2013 г. № 1601-О ГПК РФ, это правило является гарантией процессуальных прав лиц, участвующих в деле, в случае замены судьи в процессе рассмотрения дела.

Это императивное требование закона судом было нарушено. Определение о подготовке дела

к судебному разбирательству судьей Н.С. Шевьевой не выносилось, никаких процессуальных действий, связанных с данной стадией процесса, не производилось. Более того, судьей в нарушение положений ч. 2 ст. 157 ГПК РФ было отказано в удовлетворении ходатайства истца о распределении бремени доказывания по делу на том основании, что ранее при рассмотрении дела такое ходатайство ранее не заявлялось.

Наряду с этим, имеются основания полагать, что дело было рассмотрено судьей, заинтересованным в исходе дела в силу занимаемой им административной должности в структуре Хамовнического районного суда г. Москвы.

Поскольку судья Н.С. Шевьева является заместителем председателя Хамовнического суда г. Москвы, согласно возложенным на нее должностным обязанностям и в соответствии с требованиями ст. 35 ФЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации», в ее зону ответственности входят вопросы рассмотрения судьями этого суда (в том числе судьей Г.Г. Бугыниным) гражданских дел.

При таких обстоятельствах заместитель председателя Хамовнического суда г. Москвы Н.С. Шевьева прямо заинтересована в стабильности принятых судьями этого суда решений по гражданским делам, в том числе в оставлении без изменения обжалованного истцом решения по делу № 2-355/2020, ранее уже упомянутого решения, принятого по иску адвоката А.Р. Рамалданова к ФПА РФ.

Удовлетворение судьей Н.С. Шевьевой иска по делу № 2-0136/2020 (№ 2-3961/19) автоматически привело бы к одному из двух последствий: либо к отмене решения по делу № 02-0136/2020 (№ 2-3961/19), либо к отмене решения по делу № 2-355/2020, поскольку одновременное существование двух противоречащих друг другу судебных актов по одному и тому же предмету и основанию спора невозможно. При таких обстоятельствах судья Н.С. Шевьева была непосредственно и лично заинтересована в отказе в удовлетворении иска НО «Адвокатская палата Удмуртской Республики», что и обусловило принятие ей незаконного решения по делу в виде отказа в удовлетворении заявленного иска.

Вышеизложенное наглядно показывает, что имеются весомые правовые и фактические основания для отмены решения Хамовнического суда г. Москвы от 30 сентября 2020 г., принятого по иску в защиту права адвокатов на обращение в государственные органы относительно противоправных действий, совершаемых руководителями органов корпоративного управления адвокатурой. По данным основаниям истцами направлены апелляционные жалобы в Московский городской суд.

12. Об истинных функциях адвокатуры

Но вернемся к тексту анализируемого опуса. Дальнейшее свое повествование М.Н. Толчеев посвящает тому, что он и еще некоторые лица, очевидно, поддерживающие его взгляды на развитие российской адвокатуры, вынуждены вернуться к обсуждению неких «базовых ценностей» адвокатского сообщества, формирующих его как самостоятельный и независимый институт гражданского общества, однако затем он в крайне извращенном виде формулирует функцию адвокатуры, указывая, что она якобы состоит в том, что адвокатура «процессуально противостоит органам, осуществляющим контрольные функции и функции уголовного преследования», а потому она «должна защищать свою отделенность и независимость от процессуальных оппонентов», обеспечивая тем самым некий «общественный консенсус».

При этом автор опуса не принимает во внимание, что в действительности функция адвокатуры состоит совсем не в противостоянии с государственными органами, а в обеспечении оказания адвокатами квалифицированной юридической помощи. Это не адвокатура как социальный институт, а конкретный адвокат, назначенный государством или заключивший соглашение об оказании юридической помощи, пользующийся в силу закона определенными правовыми гарантиями и иммунитетами в зависимости от избранной совместно с конкретным доверителем стратегии оказания квалифицированной юридической помощи по конкретному делу, может выступать в качестве процессуального противника конкретных должностных лиц конкретных государственных органов и иных участников производства по конкретному делу. Но не адвокатура!

И здесь еще отметим, что не следует путать гарантии независимости адвоката и адвокатуры с личными гарантиями уголовно-правовой неприкосновенности адвокатов – членов органов корпоративного управления адвокатурой. Первые установлены законом, постепенно развиваются и, что называется, святы для адвокатурой. Вторых нет и не будет, несмотря на Ваши и Ваших соратников попытки их установить, сохранить и оправдать!

А то, что ФПА РФ их и юридически, и фактически установила, очевидно всем, но почему-то не автору опуса, не ФПА РФ, которые их же и установила, и суду. Странная картина, не правда ли?!

Из буквального понимания соответствующих актов в результате принятых Разъяснения 03/19

и Резолюции фактически был установлен запрет для всех адвокатов Российской Федерации под угрозой лишения статуса осуществлять обращения в любые органы государственной власти с заявлениями о проведении проверки в отношении органов адвокатского самоуправления, содержащими требования или призывы к вмешательству в их деятельность либо к осуществлению в отношении них проверочных и контрольных мероприятий.

Эти принятые оперативно и келейно, без предварительного широкого обсуждения, реакционные акты являются яркой демонстрацией отношения «руководителей органов адвокатского самоуправления» к «рядовым адвокатам», подчеркивают стремительно усугубляющееся разделение адвокатов на «адвокатских управленцев» и «адвокатскую улицу», преследуют цель создать очередной барьер на пути становления и развития истинной самоуправляемости в адвокатуре, способствуют подавлению прогрессивных демократических начал и «инакомыслия», формируют мнение об адвокатуре как об архаичном клане «мафиозного» типа, основным принципом которого является запрет на сообщение государственным органам о деяниях, совершаемых представителями «руководящей верхушки», способствуют стагнации в развитии адвокатуры и консервации значительного количества не решенных и с каждым днем усугубляющихся правовых и организационных проблем, с которыми ежедневно сталкивается адвокатура как институт гражданского общества и каждый адвокат в России.

В завершение вопроса о функциях адвокатуры отметим, что в рамках оказания юридической помощи адвокаты осуществляют защиту прав, свобод и интересов доверителей, причем хотя бы в силу положений ч. 2 ст. 2 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» эта защита не может сводиться только лишь к процессуальному или иному противостоянию государственным органам.

Адвокатура это не механизм противостояния государственным органам, а институт гражданского общества, обеспечивающий, помимо оказания квалифицированной юридической помощи всем лицам, во всех сферах и видах, еще и доступ к правосудию, общественный надзор за соблюдением правовых норм, совершенствование законодательства и практики его применения, профилактику социальных конфликтов, правовое просвещение, гармонизацию отношений между личностью, обществом и государством, а также осуществление защиты прав, свобод и интересов адвокатов [43]. При этом очевидно, что выполнение функций адвокатуры конкретными адвокатами возможно без процессуального противостояния государственным органам, но невозможно без конструктивного взаимодействия с государственными и иными институтами, с гражданами и их объединениями.

А то, к чему адвокатов призывает (сознательно или бессознательно) вице-президент ФПА РФ, вполне может быть рассмотрено как некое проявление экстремизма.

13. «Изворотливость» как норма поведения адвокатских управленцев?

Далее М.Н. Толчеев продолжает текстуально изворачиваться и в попытке «увернуться» от буквального понимания написанного в оспариваемых актах, принятых ФПА РФ, доступного, впрочем, любому здравомыслящему лицу содержания (как это, например, доступно большинству писавших о деле журналистов [44–53]), фактически фантазируя, выдвигает тезис о том, что «Сообщество не может поощрять требования лиц, не нашедших поддержки своим идеям в самой корпорации, о вмешательстве в разрешение внутреннего конфликта внешних сил, тем более что обеспечение независимости от влияния этих сил общественным консенсусом вменено в обязанность адвокатуры». Про общественный консенсус уже было написано выше, но относительно «сообщества», видимо, необходимо особо подчеркнуть, что не следует сообщество путать с фактически не избираемыми адвокатами органами ФПА РФ – организации, членами которой адвокаты даже и не являются! ФПА РФ сегодня не представитель адвокатов, а представитель интересов руководства адвокатских палат.

Далее М.Н. Толчеев, опять же оценивая других по себе и оговариваясь «по Фрейду», совершенно правильно применяя предупреждение, но к своему же тезису, подчеркивает: «Здесь не стоит вестись на очередную подмену: речь идет не о сообщении о преступлении. Мы говорим о требованиях проверочных и контрольных мероприятий».

Вот именно! На подмену вестись не стоит! В Разъяснении 03/19 и Резолюции речь идет именно о ЛЮБОМ обращении в ЛЮБЫЕ органы государственной власти с заявлениями о проведении проверки в отношении органов адвокатского самоуправления, содержащими требования или призывы к вмешательству в их деятельность либо к осуществлению в отношении них проверочных и контрольных мероприятий.

Ведь по смыслу терминов «вмешательство» предполагает осуществление активного воздей-

ствия на объект, на процесс или на деятельность упомянутых в Резолюции 03/19 органов с целью изменить ход их деятельности. Термины «контроль» и «проверка» являются в нормативной практике государственных органов однопорядковыми по своему значению, нередко интерпретируются друг с помощью друга и при использовании в совокупности с термином «мероприятие» обозначают организованное действие (или совокупность действий), направленное на достижение определенной процессуальной или процедурной цели, состоящей в установлении действительности или недействительности того или иного состояния, наличия или отсутствия в реальной действительности определенного юридического факта, наличия или отсутствия нарушения положений законодательства или иных нормативных правовых актов тем или иным действием или бездействием и т. п. [54].

Поэтому в действительности в сферу действия Разъяснения 03/19 и Резолюции, в отличие от утверждений пытающегося переистолковать содержание данных актов автора анализируемого опуса, попадают как заявления о совершении преступления, заявления о совершении административных правонарушений, обращения, поданные в связи с этими заявлениями и по другим основаниям, исковые заявления, административные исковые заявления, заявления о возбуждении исполнительного производства и другие обращения.

14. По себе людей не судят!

Затем М.Н. Толчеев ставит ряд риторических вопросов и при этом, пытаясь обвинить в неэтичных действиях истцов и поддерживающих их позицию адвокатов, обнаруживает в своем утверждении искаженную личностную каузальную атрибуцию, иначе говоря, начинает судить о других по себе и по лицам, активно распространяющим и поддерживающим его посты и ссылку на анализируемую публикацию в социальных сетях: «Неужели мы как юристы не понимаем, насколько часто право на обращение с таким требованием используется недобросовестно, в угоду далеким от разумного целям. Да и просто из мести или неприятия существующего положения вещей, стремления к разрушению или самоутверждению. Кто-то мстит за решение по дисциплинарному производству, кто-то сводит счеты за неучастие в органах самоуправления, а кто-то присвоил себе роль надзора за коллегами».

Ну что тут сказать, кроме того, что автор анализируемого опуса еще и других людей обвиняет в логических подменах и говорит что-то о гражданско-процессуальном доказывании! Результат налицо: вроде бы в статье обсуждалось судебное решение, а аргументация его правильности основана на бездоказательственной оценке личности процессуальных оппонентов!

15. Ложные исходные данные и законный порядок решения проблем

Затем автор, продолжая вводить читателя в заблуждение, пишет: «Неужели сообщество не вправе высказать нравственную оценку подобным поступкам? Неужели нам нельзя выразить свое отношение к поступкам адвоката, который записывает провокационный разговор с коллегой и передает запись правоохранительным органам с целью выбить его из процесса? Или мы не вправе осудить адвокатов, не признающих за коллегами целого субъекта Российской Федерации права самим разрешить свои проблемы так, как они считают нужным?».

Какое отношение к обстоятельствам, связанным с оспариванием Разъяснения 03/19 и Резолюции, имеет абстрактный факт передачи правоохранительным органам одним адвокатом записи разговора с другим адвокатом с целью выбить его из процесса, честно говоря, абсолютно не ясно. Ясно как раз, что никакого.

Что же касается «разрешения проблем», то как в адвокатуре, так и в любой другой сфере, оно должно строиться на основании и в соответствии с законом, который, кстати, разрешает обращения в государственные органы любым лицам по любым вопросам относительно любых обстоятельств, а также гарантирует защиту этих лиц, с чем, кстати, согласился Хамовнический районный суд в своем решении.

16. Все же запрет – есть?!

Далее вице-президент ФПА РФ подчеркивает: «Мы осуждаем использование такого способа решения вопросов внутрикорпоративного взаимодействия, как обращение к нашим процессуальным оппонентам с требованием провести проверочные или контрольные мероприятия в отношении коллег или органов адвокатского самоуправления», забывая при этом, что Обращение 32-х, как и реакционные акты ФПА РФ, последующие за ним, были посвящены не вопросу внутрикорпоративного взаимодействия, а вопросу, связанному с совершением руководством адвокатской палаты Республики Башкортостан преступлений, при том что ФПА РФ на обращения адвокатов из Башкортостана, выступивших заявителями о преступлении, способами, предусмотренными законом, со своей стороны не реагировала, а вопрос расследования уголовных дел

отнесен УПК РФ к компетенции исключительно государственных органов.

На анализе дальнейшего безапелляционного утверждения вице-президента ФПА РФ, почти дословно воспроизводящего текст оспариваемых актов о том, что «Такое обращение всегда создает угрозу другим ценностям адвокатского сообщества: независимости, корпоративности, авторитету адвокатуры, а также недопустимости для адвоката правового нигилизма, выражающегося, в том числе, в злоупотреблении законными правами», останавливаться в данной публикации смысла нет, ибо подобный тезис детально опровергнут в монографии А.В. Рагулина «Трактат об Обращении 32-х, принципах, дискриминации и демократии в российской адвокатуре» [55], в которой также обосновано, что Обращение 32-х на самом деле лишь защищает ИСТИННЫЕ ценности адвокатского сообщества, а не посягает на них. Поэтому книга, вероятно, стала «самой ругаемой» со стороны ФПА РФ книгой 2019–2020 гг., и это при том, что, по заявлению многих активных сторонников ФПА РФ, они не считают для себя необходимым ее прочесть [56]! Лишь отметим, что утверждение автора опуса дополнительно подтверждает выдвинутый истцами тезис о наличии запрета на обращения адвоката в Разъяснении 03/19 и Резолюции, что, как говорится, и требовалось доказать…

Свой тезис автор опуса безуспешно пытается подтвердить следующим суждением: «...проблема нахождения разумного баланса между несколькими базовыми ценностями во всяком случае представляет собой сложную этическую ситуацию. И сообщество вправе вынести суждение: было ли такое решение адвоката добросовестным и действительно необходимым и не противоречат ли действия адвоката нашим этическим воззрениям и нормам Кодекса профессиональной этики адвоката. Или же это обращение является банальным доносом».

Тут автор, наконец, сам попадает в собственную ловушку, ведь оспариваемые акты, исходя из их текста и из содержания запросов адвокатских палат, по которым было принято Разъяснение 03/19, прямо предписывают адвокатским палатам субъектов Российской Федерации считать обращения адвокатов в государственные органы относительно деятельности адвокатских палат и ФПА РФ нарушениями положений ст. 5 и ст. 9 КПЭА, а «сложная этическая ситуация», тем самым, именно вот таким вот образом УЖЕ разрешена КЭС ФПА РФ и Всероссийским съездом адвокатов!

17. Какие социальные модели современной адвокатуры поддерживаются ФПА РФ?

Далее М.Н. Толчеев отмечает: «…оппоненты не согласятся ни с какими доводами, поскольку просто не признают за органами корпорации, избранными адвокатами сегодня, права судить об этичности поступков членов сообщества и принимать решения от их имени. Но здесь уже речь идет о смене существующих социальных моделей и парадигм, а значит – о целях политического свойства и о желании поиграть в игры, далекие от интересов корпорации». Ну, хорошо, М.Н. Толчеев считает, что органы корпорации, которые в ней действуют сейчас, при том, что большинство из них не обновило свои составы по введенной с 1 марта 2020 г. процедуре избрания советов адвокатских палат, избраны, однако фактически в ряде регионов и в ФПА РФ это совсем не так. Но как можно заявлять, что существующие сегодня в адвокатуре «социальные модели» и парадигмы» отвечают ее интересам, и менять их не следует? А почему, собственно, не следует их менять?

Представляется необходимым отметить, что неплохо было бы в скором времени увидеть в открытой печати ответы на вопросы о том, почему российской адвокатуре XXI века НЕ СЛЕДУЕТ отказываться, например, от таких практикуемых в органах корпоративного управления адвокатурой «социальных моделей и парадигм», как:

– отсутствие эффективной системной деятельности в области осуществления конкретных действий по защите профессиональных прав адвокатов [57, 58];

– сращивание в ряде регионов органа управления крупнейшего в регионе адвокатского образования с органом корпоративного управления адвокатурой [59];

– поддержка законодательных инициатив, идущих вразрез с интересами адвокатов [60];

– противоправное получение денежных средств от претендентов на получение статуса адвоката [61–64], иные злоупотребления в сфере приема в адвокатуру [65];

– установление для претендентов на получение статуса адвоката, для отдельных групп адвокатов различного рода дискриминационных ограничений, в том числе введение имущественного [66, 67] и возрастного цензов [68–70];

– установление для адвокатов ничем не обоснованных денежных сборов в пользу адвокатских палат [71], финансовые злоупотребления, связанные со сбором и распоряжением денежными средствами, образуемыми за счет обязательных отчислений адвокатов [72–76];

– невыполнение или неполное выполнение предусмотренной законом обязанности по размещению на сайтах в сети «Интернет» информации о годовой финансовой отчетности, о решениях, принятых советом ФПА РФ и адвокатских палат субъектов РФ, о сделках, в совершении которых имеется заинтересованность членов совета палат [77];

– несоответствие формально закрепленной в КПЭА и актах адвокатских палат субъектов Российской Федерации процедуры осуществления производства по дисциплинарному делу в отношении адвокатов минимальным стандартам, отраженным в нормах международного права;

– бездействие в ответ на обращения адвокатов, их общественных объединений, требующие установить режим законности и правопорядка в адвокатуре, защитить адвокатов от необоснованных претензий и преследований со стороны адвокатских управленцев, в том числе от безосновательного прекращения статуса адвоката [78–81];

– отсутствие открытого широкого обсуждения в адвокатском сообществе положений действующих и принимаемых корпоративных норм, а фактически – «келейное нормотворчество» органов корпоративного управления адвокатурой [82];

– введение в ряде органов корпоративного управления адвокатурой принципа непотизма (предоставления преимуществ со стороны вышестоящего руководителя по признаку родства или свойства) как основы формирования их кадрового состава [83, 84];

– осуществляемое ФПА РФ вопреки закону вмешательство в деятельность органов управления адвокатских палат субъектов Российской Федерации [85], последовательное осуществление действий по включению в законодательство положений, которые расширяют права ФПА РФ в части возможности оказания воздействия на адвокатские палаты субъектов Российской Федерации с целью выстраивания в адвокатуре жесткой командно-административной системы, управляемой фактически не избираемыми адвокатами лицами [86, 87];

– отсутствие эффективных внутрикорпоративных механизмов, обеспечивающих личную ответственность президентов адвокатских палат, членов советов адвокатских палат, квалификационной и ревизионной комиссии за осуществляемые ими действия и принимаемые решения, а также возможности выражения адвокатами вотума недоверия этим лицам и отстранения их от исполнения своих обязанностей по требованию адвокатов;

– отсутствие надлежащего уровня регламентации правового статуса адвоката как лица, осуществляющего финансирование деятельности ФПА РФ, и как члена адвокатской палаты, вследствие чего создаются препятствия в реализации права на получение информации о деятельности органов корпоративного управления, на участие адвоката в обсуждении внутрикорпоративных инициатив, инициирование принятия корпоративных актов;

– отсутствие системы, позволяющей каждому адвокату реально реализовать свое право избирать и быть избранным в органы корпоративного управления адвокатурой, отсутствие эффективных демократических процедур избрания адвокатами членов органов корпоративного управления адвокатурой, членов ревизионной комиссии и адвокатов – членов квалификационной комиссии [88, 89];

– проведение порочащих информационных кампаний, различного рода угрозы, оскорбления, необоснованные дисциплинарные преследования в отношении адвокатов, не желающих мириться с перечисленными выше злоупотреблениями в деятельности руководителей органов корпоративного управления адвокатурой и негативными чертами современной адвокатуры и открыто высказывающих свое мнение [90–101].

18. «Изба» должна быть избавлена от «сора»!

Единственное, в чем, пожалуй, автор опуса прав, да и то частично, так это в трактовке выражения «не выносить сор из избы», которое, как он отмечает, «восходит к языческим поверьям о том, что, используя этот сор: волосы, вещи домочадцев и т. д., враги семьи могут наслать на них порчу и причинить вред. А потому сор необходимо сжигать в печи, не предоставляя врагам такой возможности» [102]. Хорошо, врагам не предоставим, ну а сами-то когда будем «сжигать»?! Конкретные полномочия по наведению «порядка» в регионах у ФПА РФ есть. Конкретные акты злоупотреблений в регионах, в частности в Республике Башкортостан, выявлены, обсуждены в СМИ и в социальных сетях, фактически подтверждены, но решений в совозглавляемой автором статьи организации по ним никаких не принято! Почему?

Также в качестве уточнения необходимо обратить внимание на то, что исследователями проблематики происхождения различных устойчивых выражений отмечается, что «сожжение сора в печке («сердце» дома) – это метафора самостоятельного и совместного преодоления неприят-

ностей и конфликтов, которые не замалчиваются (мусор не заметается под ковер или в темный угол)» [103]. Вот оно как оказывается! Вот о чем умолчал господин М.Н. Толчеев.

Из этого, естественно, возникают и новые, вполне не риторические вопросы:

1. До каких пор представители органов управления ФПА РФ будут, не реагируя на многочисленные обращения адвокатов из различных регионов Российской Федерации о нарушениях и злоупотреблениях, допускаемых адвокатскими управленцами, копить сор в нашей общей адвокатской «избе»?

2. Когда именно эти лица начнут самостоятельно «сжигать» накопившийся за период своего многолетнего управления адвокатурой «мусор» финансовых злоупотреблений, запретов, преследований, мздоимства, злословия, кумовства, непотизма и тому подобных аморальных и противоправных социальных моделей?

3. Не пора ли некоторым из этих лиц начать это делать с себя?

Пристатейный библиографический список

1. https://fparf.ru/polemic/opinions/isttsy-nedokazali-ustanovlenie-zapreta/.
2. https://tass.ru/obschestvo/9603203/.
3. https://news.ru/society/svoi-protiv-svoih-advokatam-so-vsej-strany-zapreshayut-obrashatsya-v-policiyu/.
4. https://www.ugpr.ru/news/3847-advokatam-zapretili-donosit-na-kolleg-i-rukovodstvo-pravoohranitelyam.
5. https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2019/04/18/799592-advokatam-zapretili-zhalovatsya.
6. https://pravo.ru/news/226252/.
7. https://zakon.ru/blog/2019/06/01/repressii_v_advokatskih_palatah_rf.
8. https://pasmi.ru/archive/234140/.
9. Рагулин А.В. Трактат об Обращении 32-х, принципах, дискриминации и демократии в российской адвокатуре: монография. Российская академия адвокатуры и нотариата, Евразийский научно-исследовательский институт проблем права, 2019. – 584 с.
10. https://www.facebook.com/groups/32lawyers/permalink/607458062993226/.
11. https://mos-gorsud.ru/rs/hamovnicheskij/services/cases/civil/details/30f9617c-54da-41c3-bcd5-98b898b49390?fbclid=IwAR0DQvvLMnUac_QcjHhbKHzcqi8ESdJxwO1zDhK_Cx4l6rkv2jZ6yUviyjM.
12. https://fparf.ru/documents/fpa-rf/documents-commissions/interpretation-no-03-19/.
13. https://fparf.ru/documents/fpa-rf/documents-of-the-congress/resolution-on-the-observance-of-legal-ethics/.
14. https://tass.ru/obschestvo/9603203.
15. https://news.ru/society/svoi-protiv-svoih-advokatam-so-vsej-strany-zapreshayut-obrashatsya-v-policiyu/.
16. https://www.ugpr.ru/news/3847-advokatam-zapretili-donosit-na-kolleg-i-rukovodstvo-pravoohranitelyam.
17. https://pasmi.ru/archive/234140/.
18. https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2019/04/18/799592-advokatam-zapretili-zhalovatsya.
19. https://pravo.ru/news/226252/.
20. https://fparf.ru/upload/medialibrary/f1b/Vkh-_-OB840_08_19-ot-09.08.2019.pdf.
21. https://fparf.ru/news/fpa/advokatura-svoy-vybor-sdelala/.
22. https://news.rambler.ru/other/43898062-razoblachenie-advokata-v-bashkirii-mnogoe-izmenit-v-rossii/?updated.
23. https://legal.report/protiv-prezidenta-advokatskoj-palaty-vozbudili-ugolovnoe-delo/.
24. https://pasmi.ru/archive/261688/.
25. http://utro-news.ru/bezzashhitnyj-advokat-jumadilov/.
26. https://tass.ru/proisshestviya/9656531.
27. https://proufu.ru/news/novosti/92693-na_zametku_fsb_kto_pytaetsya_spasti_yumadilovykh/.
28. https://www.kommersant.ru/doc/4550791?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop.
29. https://www.mos-gorsud.ru/rs/hamovnicheskij/services/cases/civil/details/a550a937-b683-48ac-8433-d7ec37b505f9?participants=Рамалданов&fbclid=IwAR1kgA8s0l03VLe8EJjTq2_TV4BWRX9fYnOf9MmC6TzkmKjVkEc5iOZJ3uQ.
30. https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43674600.
31. https://legal.report/mosgorsud-razreshil-fpa-nakazyvat-advokatov-za-donosy-na-kolleg/.
32. https://www.mos-gorsud.ru/rs/hamovnicheskij/services/cases/civil/details/a550a937-b683-48ac-8433-d7ec37b505f9.
33. https://www.mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/90e78ed9-0d1b-4969-b981-041f45fe2726?participants=Рамалданов.
34. https://tass.ru/obschestvo/9711541.
35. https://tass.ru/obschestvo/9711541?fbclid=IwAR2JiEKrGrkABrW9z9S2YJPA0BGr0I8OFNGUV-3HHKN0YAGtmoZBmQ9p0S8.
36. https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-documents-of-the-council/the-decision-of-the-council-of-the-federal-chamber-of-lawyers-of-the-russian-federation-Altai/?fbclid=IwAR2tog5Rp5K7g8uqBKXTYGhuNF8z0-uauxk5UhPvLbXEiwR-UdQCsrLdCo4.
37. https://mos-gorsud.ru/rs/hamovnicheskij/services/cases/civil/details/ed6b4c5f-7614-4d1d-9630-498ec95ce10f?participants=Ганжа.
38. https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43674588.
39. https://gorno-altaisky—ralt.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=24619900&delo_id=1540005&new= 0&text_number=1.
40. https://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=245934843065483&id=100029469069028.
41. https://www.facebook.com/romanmelnichenko/videos/3391984924197330/.
42. https://www.facebook.com/groups/EurasianAdvocacy/permalink/1456328577911182/.
43. https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43809100.
44. https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2019/04/18/799592-advokatam-zapretili-zhalovatsya/.
45. https://pravo.ru/news/210978/.
46. https://tass.ru/obschestvo/9603203.
47. https://news.ru/society/svoi-protiv-svoih-advokatam-so-vsej-strany-zapreshayut-obrashatsya-v-policiyu/.

48. https://news.rambler.ru/other/44940267-sud-ne-razreshil-advokatam-zhalovatsya-na-kolleg-i-rukovodstvo-pravoohranitelyam/.
49. https://www.ugpr.ru/news/3847-advokatam-zapretili-donosit-na-kolleg-i-rukovodstvo-pravoohranitelyam.
50. https://pasmi.ru/archive/234140/.
51. https://www.bfm.ru/news/454554.
52. https://news.rambler.ua/other/43069040-svoi-protiv-svoih-rossiyskim-advokatam-zapretili-zhalovatsya-na-nachalstvo/?updated.
53. https://legal.report/advokaty-prosjat-hamovnicheskij-sud-otmenit-reshenie-fpa-razreshiv-pisat-donosy-drug-na-druga/.
54. Рагулин А.В. Трактат об Обращении 32-х, принципах, дискриминации и демократии в российской адвокатуре: монография. Российская академия адвокатуры и нотариата, Евразийский научно-исследовательский институт проблем права, 2019. – 584 с.
55. Мельниченко А.В., Рагулин А.В. Трактат об обращении 32-х, принципах, дискриминации и демократии в российской адвокатуре // Евразийская адвокатура. 2019. № 5 (42). С. 7–18.
56. https://www.facebook.com/groups/32lawyers/permalink/758681174537580/.
57. https://www.facebook.com/groups/EurasianAdvocacy/permalink/1333762570167784/.
58. https://www.facebook.com/groups/EurasianAdvocacy/.
59. https://ap-rb.ru/about/council_members/council/.
60. https://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=525512258242944&id=100023525241219.
61. https://legal.report/glavu-advokatskoj-palaty-s-prokurorskim-proshlym-sudyat-za-torgovlju-statusom/.
62. https://legal.report/prezident-advokatskoj-palaty-zaderzhan-za-torgovlju-advokatskim-statusom/.
63. https://legal.report/zampred-kvalifkomissii-apbral-za-advokatskij-status-chetvert-milliona/.
64. https://legal.report/prezidenta-advokatskoj-palaty-opredelili-v-koloniju/.
65. https://ufa.sm.news/chlenov-advokatskoj-palaty-bashkirii-budut-massovo-lishat-statusov-5068/.
66. https://elibrary.ru/item.asp?id=43674588/.
67. https://www.facebook.com/groups/EurasianAdvocacy/permalink/1455296648014375/.
68. https://www.advgazeta.ru/diskussii/diskriminatsiya-ili-zabota-o-kachestve-okazyvaemoy-pomoshchi/.
69. https://legal.report/advokatura-reanimirovat-ili-pogubit/.
70. https://pravorub.ru/articles/1497.html.
71. https://www.facebook.com/groups/EurasianAdvocacy/permalink/1455296648014375/.
72. https://www.facebook.com/groups/EurasianAdvocacy/permalink/1060843174126393/.
73. https://www.facebook.com/groups/EurasianAdvocacy/permalink/1102177013326342.
74. https://www.facebook.com/groups/EurasianAdvocacy/permalink/1339768149567226.
75. https://zen.yandex.ru/media/id/5a4201f2c5feaf1ea16b8ac9/advokatskie-voiny-bitva-v-mordovii-5e2427f35d636200acbd1325.
76. https://www.facebook.com/groups/EurasianAdvocacy/permalink/1284401365103905/.
77. https://www.facebook.com/groups/i2018/permalink/2629213397362041/.
78. http://i-2018.ru/applications.
79. https://apur.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=1029:obrashchenie-v-federalnuyu-palatu-advokatov-rossijskoj-federatsii&catid=88&Itemid=100002.
80. https://www.facebook.com/groups/EurasianAdvocacy/permalink/1264166157127426/.
81. https://www.facebook.com/groups/i2018/permalink/2629203667363014/.
82. https://www.facebook.com/groups/EurasianAdvocacy/permalink/1102186256658751/.
83. https://www.facebook.com/groups/EurasianAdvocacy/permalink/1060843174126393/.
84. http://dostupkpravosudiyu.blogspot.com/2020/03/blog-post_56.html.
85. https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43674588.
86. https://legal.report/advokatura-reanimirovat-ili-pogubit/.
87. https://pravo.ru/review/view/111053/.
88. https://www.facebook.com/groups/EurasianAdvocacy/permalink/1037253556485355/.
89. https://www.facebook.com/groups/EurasianAdvocacy/permalink/1093860744157969/.
90. https://advstreet.ru/article/advokatu-voytsekhu-obnulili-status/https://www.youtube.com/watch?v=gchjlTzRjc4.
91. https://proufu.ru/news/society/96374-komandirovka_na_malorku_soveshchanie_na_kruiznom_laynere_advokat_bulat_yumadilov_sovershal_poezdki_z/.
92. https://advstreet.ru/article/advokat-valekh-abbasov-otsudil-status/?sphrase_id=1159.
93. https://www.agora.legal/news/2017.10.10/V-Mordovii-sud-priznal-nezakonnym-lishenie-advokata-statusa-za-vneshniy/582.
94. https://proufu.ru/news/society/94993-v_bashkirii_advokaty_zayaviteli_po_delu_yumadilova_soobshchayut_ob_ugrozakh/.
95. https://zen.yandex.ru/media/id/5a4201f2c5feaf1ea16b8ac9/advokatskie-voiny-volkov-protiv-amelina-5e42ddd0080a7476f0b7946d.
96. https://www.facebook.com/groups/EurasianAdvocacy/permalink/1277748789102496.
97. https://www.facebook.com/groups/32lawyers/permalink/599433237129042/.
98. https://www.advgazeta.ru/projects/ag-rakurs/nizkie-priemy/.
99. https://www.advgazeta.ru/projects/ag-rakurs/prezident-palaty-zamakhnulsya-na-oklad-v-1-rub/.
100. https://novayagazeta.ru/articles/2019/11/11/82691-hronika-pikiruyuschey-advokatury.
101. https://proufu.ru/news/society/79442-prezident_advokatskoy_palaty_rb_bulat_yumadilov_nabrosilsya_na_kollegu_iz_udmurtii/?sphrase_id=82799691.
102. https://fparf.ru/polemic/opinions/isttsy-ne-dokazali-ustanovlenie-zapreta/.
103. https://www.psychologies.ru/standpoint/ne-nujno-vyinosit-sor-iz-izbyi/.

References (transliterated)

1. https://fparf.ru/polemic/opinions/isttsy-ne-dokazali-ustanovlenie-zapreta/.

2. https://tass.ru/obschestvo/9603203/.
3. https://news.ru/society/svoi-protiv-svoih-advokatam-so-vsej-strany-zapreshayut-obrashatsya-v-policiyu/.
4. https://www.ugpr.ru/news/3847-advokatam-zapretili-donosit-na-kolleg-i-rukovodstvo-pravoohranitelyam.
5. https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2019/04/18/799592-advokatam-zapretili-zhalovatsya.
6. https://pravo.ru/news/226252/.
7. https://zakon.ru/blog/2019/06/01/repressii_v_advokatskih_palatah_rf.
8. https://pasmi.ru/archive/234140/.
9. Ragulin A.V. Traktat ob Obrashhenii 32-x, principax, diskriminacii i demokratii v rossijskoj advokature: monografiya. Rossijskaya akademiya advokatury` i notariata, Evrazijskij nauchno-issledovatel`skij institut problem prava, 2019. – 584 s.
10. https://www.facebook.com/groups/32lawyers/permalink/607458062993226/.
11. https://mos-gorsud.ru/rs/hamovnicheskij/services/cases/civil/details/30f9617c-54da-41c3-bcd5-98b898b49390?fbclid=IwAR0DQvvLMnUac_QcjHhbKHzcqi8ESdJxwO1zDhK_Cx4l6rkv2jZ6yUviyjM.
12. https://fparf.ru/documents/fpa-rf/documents-commissions/interpretation-no-03-19/.
13. https://fparf.ru/documents/fpa-rf/documents-of-the-congress/resolution-on-the-observance-of-legal-ethics/.
14. https://tass.ru/obschestvo/9603203.
15. https://news.ru/society/svoi-protiv-svoih-advokatam-so-vsej-strany-zapreshayut-obrashatsya-v-policiyu/.
16. https://www.ugpr.ru/news/3847-advokatam-zapretili-donosit-na-kolleg-i-rukovodstvo-pravoohranitelyam.
17. https://pasmi.ru/archive/234140/.
18. https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2019/04/18/799592-advokatam-zapretili-zhalovatsya.
19. https://pravo.ru/news/226252/.
20. https://fparf.ru/upload/medialibrary/f1b/Vkh-_-OB840_08_19-ot-09.08.2019.pdf.
21. https://fparf.ru/news/fpa/advokatura-svoy-vybor-sdelala/.
22. https://news.rambler.ru/other/43898062-razoblachenie-advokata-v-bashkirii-mnogoe-izmenit-v-rossii/?updated.
23. https://legal.report/protiv-prezidenta-advokatskoj-palaty-vozbudili-ugolovnoe-delo/.
24. https://pasmi.ru/archive/261688/.
25. http://utro-news.ru/bezzashhitnyj-advokat-jumadilov/.
26. https://tass.ru/proisshestviya/9656531.
27. https://proufu.ru/news/novosti/92693-na_zametku_fsb_kto_pytaetsya_spasti_yumadilovykh/.
28. https://www.kommersant.ru/doc/4550791?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop.
29. https://www.mos-gorsud.ru/rs/hamovnicheskij/services/cases/civil/details/a550a937-b683-48ac-8433-d7ec37b505f9?participants=Рамалданов&fbclid=IwAR1kgA8s0l03VLe8EJjTq2_TV4BWRX9fYnOf9MmC6TzkmKjVkEc5iOZJ3uQ.
30. https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43674600.
31. https://legal.report/mosgorsud-razreshil-fpa-nakazyvat-advokatov-za-donosy-na-kolleg/.
32. https://www.mos-gorsud.ru/rs/hamovnicheskij/services/cases/civil/details/a550a937-b683-48ac-8433-d7ec37b505f9.
33. https://www.mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/90e78ed9-0d1b-4969-b981-041f45fe2726?participants=Рамалданов.
34. https://tass.ru/obschestvo/9711541.
35. https://tass.ru/obschestvo/9711541?fbclid=IwAR2JiEKrGrkABrW9z9S2YJPA0BGr0I8OFNGUV-3HHKN0YAGtmoZBmQ9p0S8.
36. https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-documents-of-the-council/the-decision-of-the-council-of-the-federal-chamber-of-lawyers-of-the-russian-federation-Altai/?fbclid=IwAR2tog5Rp5K7g8uqBKXTYGhuNF8z0-uauxk5Uh-PvLbXEiwR-UdQCsrLdCo4.
37. https://mos-gorsud.ru/rs/hamovnicheskij/services/cases/civil/details/ed6b4c5f-7614-4d1d-9630-498ec95ce10f?participants=Ганжа.
38. https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43674588.
39. https://gorno-altaisky—ralt.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=24619900&delo_id=1540005&new=0&text_number=1.
40. https://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=245934843065483&id=100029469069028.
41. https://www.facebook.com/romanmelnichenko/videos/3391984924197330/.
42. https://www.facebook.com/groups/EurasianAdvocacy/permalink/1456328577911182/.
43. https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43809100.
44. https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2019/04/18/799592-advokatam-zapretili-zhalovatsya/.
45. https://pravo.ru/news/210978/.
46. https://tass.ru/obschestvo/9603203.
47. https://news.ru/society/svoi-protiv-svoih-advokatam-so-vsej-strany-zapreshayut-obrashatsya-v-policiyu/.
48. https://news.rambler.ru/other/44940267-sud-nerazreshil-advokatam-zhalovatsya-na-kolleg-i-rukovodstvo-pravoohranitelyam/.
49. https://www.ugpr.ru/news/3847-advokatam-zapretili-donosit-na-kolleg-i-rukovodstvo-pravoohranitelyam.
50. https://pasmi.ru/archive/234140/.
51. https://www.bfm.ru/news/454554.
52. https://news.rambler.ua/other/43069040-svoi-protiv-svoih-rossiyskim-advokatam-zapretili-zhalovatsya-na-nachalstvo/?updated.
53. https://legal.report/advokaty-prosjat-hamovnicheskij-sud-otmenit-reshenie-fpa-razreshiv-pisat-donosy-drug-na-druga/.
54. Ragulin A.V. Traktat ob Obrashhenii 32-x, principax, diskriminacii i demokratii v rossijskoj advokature: monografiya. Rossijskaya akademiya advokatury` i notariata, Evrazijskij nauchno-issledovatel`skij institut problem prava, 2019. – 584 s.
55. Mel`nichenko A.V., Ragulin A.V.: Traktat ob obrashhenii 32-x, principax, diskriminacii i demokratii v rossijskoj advokature // Evrazijskaya advokatura. 2019. № 5 (42). S. 7–18.
56. https://www.facebook.com/groups/32lawyers/permalink/758681174537580/.
57. https://www.facebook.com/groups/EurasianAdvocacy/permalink/1333762570167784/.
58. https://www.facebook.com/groups/EurasianAdvocacy/.
59. https://ap-rb.ru/about/council_members/council/.
60. https://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=525512258242944&id=100023525241219.

61. https://legal.report/glavu-advokatskoj-palaty-s-prokurorskim-proshlym-sudyat-za-torgovlju-statusom/.
62. https://legal.report/prezident-advokatskoj-palaty-zaderzhan-za-torgovlju-advokatskim-statusom/.
63. https://legal.report/zampred-kvalifkomissii-apbral-za-advokatskij-status-chetvert-milliona/.
64. https://legal.report/prezidenta-advokatskoj-palaty-opredelili-v-koloniju/.
65. https://ufa.sm.news/chlenov-advokatskoj-palaty-bashkirii-budut-massovo-lishat-statusov-5068/.
66. https://elibrary.ru/item.asp?id=43674588/.
67. https://www.facebook.com/groups/EurasianAdvocacy/permalink/1455296648014375/.
68. https://www.advgazeta.ru/diskussii/diskriminatsiya-ili-zabota-o-kachestve-okazyvaemoy-pomoshchi/.
69. https://legal.report/advokatura-reanimirovat-ili-pogubit/.
70. https://pravorub.ru/articles/1497.html.
71. https://www.facebook.com/groups/EurasianAdvocacy/permalink/1455296648014375/.
72. https://www.facebook.com/groups/EurasianAdvocacy/permalink/1060843174126393/.
73. https://www.facebook.com/groups/EurasianAdvocacy/permalink/1102177013326342.
74. https://www.facebook.com/groups/EurasianAdvocacy/permalink/1339768149567226.
75. https://zen.yandex.ru/media/id/5a4201f2c5feaf1ea16b8ac9/advokatskie-voiny-bitva-v-mordovii-5e2427f35d636200acbd1325.
76. https://www.facebook.com/groups/EurasianAdvocacy/permalink/1284401365103905/.
77. https://www.facebook.com/groups/i2018/permalink/2629213397362041/.
78. http://i-2018.ru/applications.
79. https://apur.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=1029:obrashchenie-v-federalnuyu-palatu-advokatov-rossijskoj-federatsii&catid=88&Itemid=100002.
80. https://www.facebook.com/groups/EurasianAdvocacy/permalink/1264166157127426/.
81. https://www.facebook.com/groups/i2018/permalink/2629203667363014/.
82. https://www.facebook.com/groups/EurasianAdvocacy/permalink/1102186256658751/.
83. https://www.facebook.com/groups/EurasianAdvocacy/permalink/1060843174126393/.
84. http://dostupkpravosudiyu.blogspot.com/2020/03/blog-post_56.html.
85. https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43674588.
86. https://legal.report/advokatura-reanimirovat-ili-pogubit/.
87. https://pravo.ru/review/view/111053/.
88. https://www.facebook.com/groups/EurasianAdvocacy/permalink/1037253556485355/.
89. https://www.facebook.com/groups/EurasianAdvocacy/permalink/1093860744157969/.
90. https://advstreet.ru/article/advokatu-voytsekhu-obnulili-status/https://www.youtube.com/watch?v=gchjlTzRjc4.
91. https://proufu.ru/news/society/96374-komandirovka_na_malorku_soveshchanie_na_kruiznom_laynere_advokat_bulat_yumadilov_sovershal_poezdki_z/.
92. https://advstreet.ru/article/advokat-valekh-abbasov-otsudil-status/?sphrase_id=1159.
93. https://www.agora.legal/news/2017.10.10/V-Mordovii-sud-priznal-nezakonnym-lishenie-advokata-statusa-za-vneshniy/582.
94. https://proufu.ru/news/society/94993-v_bashkirii_advokaty_zayaviteli_po_delu_yumadilova_soobshchayut_ob_ugrozakh/.
95. https://zen.yandex.ru/media/id/5a4201f2c5feaf1ea16b8ac9/advokatskie-voiny-volkov-protiv-amelina-5e42ddd0080a7476f0b7946d.
96. https://www.facebook.com/groups/EurasianAdvocacy/permalink/1277748789102496.
97. https://www.facebook.com/groups/32lawyers/permalink/599433237129042/.
98. https://www.advgazeta.ru/projects/ag-rakurs/nizkie-priemy/.
99. https://www.advgazeta.ru/projects/ag-rakurs/prezident-palaty-zamakhnulsya-na-oklad-v-1-rub/.
100. https://novayagazeta.ru/articles/2019/11/11/82691-hronika-pikiruyuschey-advokatury.
101. https://proufu.ru/news/society/79442-prezident_advokatskoy_palaty_rb_bulat_yumadilov_nabrosilsya_na_kollegu_iz_udmurtii/?sphrase_id=82799691.
102. https://fparf.ru/polemic/opinions/isttsy-ne-dokazali-ustanovlenie-zapreta/.
103. https://www.psychologies.ru/standpoint/ne-nujno-vyinosit-sor-iz-izbyi/.

ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА

Jus est ars boni et aequi

ЕВРАЗИЙСКИЙ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА

www.eurasniipp.ru info@eurasniipp.ru +7-917-40-61-340

Соловьев А.Г.

ДИСКРЕЦИОННЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ И СУДЕЙСКОЕ УСМОТРЕНИЕ ПРИ РАЗРЕШЕНИИ ВОПРОСА О ПРЕКРАЩЕНИИ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ С НАЗНАЧЕНИЕМ СУДЕБНОГО ШТРАФА

Цель: Целью данной статьи является выявление соотношения и процессуального значения дискреционных полномочий и судейского усмотрения применительно к обеспечению справедливости судебного решения о прекращении уголовного преследования с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа.

Методология: Использовались метод анализа и формально-юридический метод.

Результаты: Автором сделаны выводы: 1) о тесной взаимосвязи дискреционных полномочий как свободы выбора одного из легитимных решений и судейского усмотрения как оценки его целесообразности; 2) о вынесении судебного решения как результате реализации дискреционных полномочий и судейского усмотрения в совокупности; 3) о значении учёта личности обвиняемого для обеспечения справедливости судебного решения о прекращении уголовного преследования с назначением судебного штрафа.

Новизна/оригинальность/ценность: Новизна и ценность исследования определяются полученными выводами по вопросу о соотношении и процессуальном значении дискреционных полномочий и судейского усмотрения при прекращении уголовного преследования с назначением судебного штрафа и о роли учёта личности обвиняемого в обеспечении справедливости данного решения.

Ключевые слова: суд, судебный штраф, справедливость, дискреционные полномочия, судейское усмотрение, личность, виновный.

Soloviev A.G.

DISCRETIONARY POWERS AND JUDICIAL DISCRETION IN RESOLVING THE ISSUE OF TERMINATION OF CRIMINAL PROSECUTION WITH THE IMPOSITION OF A COURT FINE

Purpose: To identify the correlation and procedural significance of discretionary powers and judicial discretion in relation to ensuring the fairness of a court decision to terminate criminal prosecution with the appointment of a criminal law measure in the form of a court fine.

Methodology: The analysis method and the formal legal method were used.

Results: The conclusions of the author: 1) the close relationship between discretionary powers as the freedom to choose one of the legitimate decisions and judicial discretion as an assessment of its expediency; 2) the court decision as a result of the exercise of discretionary powers and judicial discretion in combination; 3) the importance of taking into account the identity of the accused to ensure the fairness of the court decision to terminate criminal prosecution with the appointment of a court fine.

Novelty/originality/value: The scientific novelty and value of the work are determined by the goal set and the results achieved, namely, the author's conclusions on the correlation and procedural significance of discretionary powers and judicial discretion in the termination of criminal prosecution with the appointment of a court fine and the role of taking into account the identity of the accused in ensuring the fairness of this decision.

Keywords: court, judicial fine, justice, discretion, judicial discretion, personality, guilty.

Роль судебной власти в жизни современного российского общества неуклонно возрастает одновременно с формированием и развитием правового государства. Судебную власть, безусловно, можно считать одним из основополагающих институтов демократического государства. Судебная власть необходима, в первую очередь, как для защиты конституционного строя, так и для защиты прав, свобод, а также законных интересов человека и гражданина. Помимо указанных фундаментальных задач, на судебную власть возложена важнейшая обязанность по разрешению конфликтов и споров, имеющих место во всех сферах жизни и деятельности общества и государства.

Стоит отметить, что вместе с развитием государства развивается и основная его составляющая – общество, внимание которого все чаще привлекают вопросы справедливости в целом, а также справедливости осуществления судебной власти в частности.

Для любого члена современного общества вполне очевидно, что судебное решение должно быть справедливым. Справедливость издавна считается общепризнанным принципом, находящим свое отражение в уголовно-процессуальном законодательстве как одной из основополагающих характеристик, свидетельствующих об эффективности не только отечественного правосудия, но и всей судебной системы в целом.

О.П. Копылова и А.И. Макарова абсолютно верно считают, что «справедливость является сложной этической категорией, поскольку охва-

тывает достаточно широкую сферу человеческих отношений, а также отражает многообразие условий жизни людей, тенденции их развития. Понятие справедливости, наряду с такими категориями, как добро, истина, честь, долг, совесть, достоинство, входит в мировосприятие человека с давних времен» [6, с. 84].

Подобное утверждение, несомненно, указывает на важность такой категории, как справедливость, а также демонстрирует ее тесную связь с обществом, тем самым укрепляя ее значимость в деятельности государства в целом и в осуществлении судебной власти в частности.

Говоря о самом понятии принципа справедливости, следует привести слова В.П. Нажимова, который дает указанному принципу исчерпывающее понятие, утверждая, что «это общее правовое требование разрешать вопросы дела в полном соответствии с объективной истиной, законом, правосознанием и собственной совестью, мотивируя принятые решения ясными и бесспорными доводами и установленными по делу фактами» [8, с. 10]. Отметим, что обязательное и безусловное исполнение данного правового требования должно являться одним из ключевых приоритетов не только на этапе судебного разбирательства, с учетом важности и судьбоносности принимаемого решения, но и на этапе предварительного расследования, являющегося не менее важной составной частью уголовного процесса.

Б.В. Сидоров, формируя понятие справедливости, придерживается более узких юридических рамок, указывая: «Справедливость – своеобразный эталон соразмерности, соответствия уголовно-правовых норм и применяемых на их основе мер ответственности и наказания нормам нравственности и справедливости оценки того преступления, которое является предметом судебного разбирательства» [12, с. 180].

Прямое указание на справедливость судебного решения в российском уголовно-процессуальном законодательстве содержится в нормах, относящихся непосредственно к приговору. По нашему мнению, данный факт не свидетельствует о том, что иные судебные решения не должны быть справедливыми. Исключением не является и институт прекращения уголовного дела или уголовного преследования.

Как нам кажется, на данном этапе развития российского уголовного и уголовно-процессуального законодательства наиболее ярким выражением осуществления принципа справедливости стоит считать интенсивно развивающиеся меры уголовно-правового характера, не являющиеся наказанием, применение которых, несомненно, позволяет осуществлять правосудие, руководствуясь в первую очередь указанным выше принципом в широком его толковании, также полностью отвечая требованиям законности.

Самой заметной из ряда подобных мер стала введенная Федеральным законом от 03.07.2016 № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» мера уголовно-правового характера в виде судебного штрафа.

Среди прочих нововведений, предоставленных указанным Федеральным законом, следует обратить внимание на ч. 1 ст. 25.1 УПК РФ, которая гласит: «Суд по собственной инициативе или по результатам рассмотрения ходатайства, поданного следователем с согласия руководителя следственного органа либо дознавателем с согласия прокурора, в порядке, установленном настоящим Кодексом, в случаях, предусмотренных статьей 76.2 Уголовного кодекса Российской Федерации, вправе прекратить уголовное дело или уголовное преследование в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести, если это лицо возместило ущерб или иным образом загладило причиненный преступлением вред, и назначить данному лицу меру уголовно-правового характера в виде судебного штрафа» [3].

В тексте ч. 1 ст. 25.1 УПК РФ говорится, что суд вправе прекратить уголовное дело или уголовное преследование, что прямо указывает на дискреционный характер данного нереабилитирующего основания. Решение по прекращению уголовного преследования с назначением судебного штрафа имеет право принять исключительно суд, невзирая на мнение стороны обвинения (за исключением принятия их доводов к сведению). Также стоит отметить важное обстоятельство, заключающееся в праве судьи не прекращать уголовное преследование с назначением судебного штрафа в случае наличия всех оснований, указанных в ст. 76.2 УК РФ.

Исходя из сказанного выше, отметим, что принятие решения о прекращении уголовного дела или уголовного преследования с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа полностью зависит от реализации судьей своих дискреционных полномочий.

З.В. Макарова абсолютно верно считает, что «справедливым может быть человек, и в конеч-

ном счете существование справедливости зависит от человека, особенно в правовой сфере, где законы и их соблюдение полностью зависят от конкретных людей, их решений и действий» [7, с. 54]. Заметим, что суд по своей сути является гарантом не только правосудия, но и справедливости, что в своем роде делает его своеобразным оплотом законности, подкрепленным высокой моралью и нравственностью. Как нам кажется, важную, а порой и первостепенную роль в принятии итоговых решений по уголовным делам в рамках судебного заседания играют непосредственно дискреционные полномочия суда, судейское усмотрение, а также личность виновного лица, которой суд должен уделять особое значение в рамках каждого отдельно взятого уголовного дела. Указанные элементы, безусловно, в достаточной мере влияют на исход любого уголовного дела, вне зависимости от того, будет он прекращено или виновный понесет справедливое наказание.

Сущность дискреционных полномочий достаточно ясно определяет К.В. Пронин, который считает, что дискреционные полномочия – это «полномочия суда применять на основе собственного внутреннего убеждения один из нескольких легитимных вариантов решения правовых вопросов в целях наиболее эффективного осуществления уголовного судопроизводства» [11, с. 9].

Отметим, что в России осуществление правосудия регулируется Конституцией РФ, Федеральным конституционным законом «О судебной системе Российской Федерации» [1], законом «О статусе судей в Российской Федерации» [4], а также Кодексом судейской этики [2].

Дискреционные полномочия являются законным правом суда, позволяющим ему разрешать различные жизненные ситуации правового характера, исходя из собственного усмотрения. Судья обязан применять нормы права в строгом соответствии со ст. 120 Конституции РФ, руководствуясь законом, а не делая это произвольно и бесконтрольно.

Стоит заметить, что сами нормы права, а также правовые принципы, в них содержащиеся, могут быть источниками дискреционных полномочий судей, что, по нашему мнению, свидетельствует о невозможности принятия решения судьями, полагаясь лишь на собственное внутреннее убеждение.

Статья 25.1 УПК РФ как раз дает суду в полной мере реализовать свои дискреционные полномочия, прекратив уголовное преследование и назначив виновному лицу судебный штраф либо отказав в его прекращении. По сути, при наличии оснований, предусмотренных ст. 76.2 УК РФ, судья направляет свое усмотрение в сторону одного из возможных вариантов развития событий, руководствуясь помимо закона моральными принципами, целесообразностью принятия того или иного решения, имеющимися данными о личности виновного лица, а также прогнозируя эффективность примененной меры впоследствии.

Считаем необходимым отметить прочную связь дискреционных полномочий суда и судейского усмотрения. Несмотря на, казалось бы, очевидное сходство указанных институтов, а также общую для них цель, они имеют принципиальные различия.

Дискреционные полномочия, как нам кажется, в большей степени направлены на совершенствование правоприменительной деятельности, являясь достаточно эффективным инструментом защиты прав и свобод человека и гражданина. В свою очередь, А.Д. Татарова абсолютно верно утверждает, что «задачами судейского усмотрения (как самостоятельного аспекта деятельности судьи) являются достижение оптимальной организации судебного разбирательства и оценка целесообразности проведения процессуальных действий» [13, с. 113]. Судейское усмотрение также имеет под собой правовую основу, что говорит о необходимости осуществления такой деятельности в установленных законом пределах.

Исходя из сказанного выше, отметим, что совокупность применения дискреционных полномочий суда и судейского усмотрения кардинальным образом влияют на прекращение уголовного преследования с назначением судебного штрафа, учитывая их прочную связь. Данное утверждение основано как на наличии у судьи возможности выбора в случае назначения указанной меры уголовно-правового характера либо отказа в таковой, так и на возможности в случае назначения суммы судебного штрафа учитывать ее размер, исходя из особенностей личности виновного лица и его материального положения. Важно заметить, что случае с прекращением уголовного дела или уголовного преследования по основаниям ст. 25.1 УПК РФ судейское усмотрение должно, как нам кажется, в первую очередь опираться на нормы законодательства, учитывая при этом как основания для применения судебного штрафа, указанные в ст. 76.2 УК РФ, так и пределы судейского усмотрения, а непосредственно после этого брать во внимание нормы морали, без наличия которых о справедливости в современном обществе не может идти и речи.

В дополнение к вышесказанному добавим, что только беспристрастная оценка всех матери-

алов конкретного уголовного дела с позиции законодательства и нравственная ответственность судьи перед участниками уголовного процесса и обществом способны формировать верный вектор развития судебного усмотрения.

М.В. Иванова, развивая тему судейского усмотрения, абсолютно верно считает: «усмотрение во многом зависит от личности правоприменителя, его правосознания и в целом нравственно-психологических аспектов, что, несомненно, приводит к выводу о существовании внутренних (нравственных) пределов принятия усмотренческого решения» [5, с. 67]. Подобное утверждение наглядно демонстрирует наше видение о том, что нравственно-этические стандарты и морально-этические принципы так же, как и закон, можно считать своего рода пределами судейского усмотрения. Однако стоит заметить, что в случае давления морали на закон о правосудии говорить уже не придется.

Судья, по нашему мнению, безусловно, должен обладать превосходным знанием законодательства, а также быть человеком высоких моральных и нравственных принципов. Данные качества способствуют надлежащему применению судейского усмотрения (в том числе при применении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, учитывая ее дискреционные основы), не нарушая права личности, охраняемые Конституцией Российской Федерации.

Говоря о судейском усмотрении, а также о реализации дискреционных полномочий, нельзя обойти стороной важнейший аспект, заключающийся в отношении судьи к личности виновного лица, его социальной и психологической характеристике. Зачастую именно личность виновного играет решающую роль в исходе уголовного дела, связанного с назначением судебного штрафа либо с отказом в применении данной меры уголовно-правового характера.

Развивая тему влияния личности обвиняемого на вынесение судебных решений, приведем слова Т.В. Непомнящей, которая справедливо считает, что «личность и деяние неразрывно связаны друг с другом. Нельзя дать оценку преступному деянию, не дав оценку личности, и наоборот. Можно сказать, что личность характеризует преступления, а преступления – личность. С учетом вышеуказанного вынесение решения без учета свойств личности будет нарушением принципа справедливости» [9, с. 59].

На современном этапе развития отечественного уголовного судопроизводства судьи при вынесении решений зачастую руководствуются поверхностными знаниями о личности виновного лица, а также собственными выводами, сделанными на основании материалов уголовного дела, что, как нам кажется, негативно отражается на справедливости выносимых решений, выражающихся в применении к виновному более жесткого наказания, чем тот заслуживает.

Учет личности виновного лица при прекращении в отношении него уголовного преследования с назначением судебного штрафа имеет большое значение с учетом социально-правового предназначения указанной меры уголовно-правового характера. Судебный штраф по своей сути несет «воспитательную» функцию, обеспечивая исправление виновных, а также предупреждая совершение ими новых преступлений. Назначение данной меры предполагает готовность лица к исправлению своих ошибок, что в обязательном порядке должно учитываться судом и служить основанием для детального изучения личности виновного. Человек, совершавший преступления ранее, неоднократно привлекавшийся к административной ответственности, а также ведущий антиобщественный образ жизни, по нашему мнению, вряд ли будет демонстрировать позитивное посткриминальное поведение, а назначенная ему мера уголовно-правового характера не возымеет должного эффекта. В то же время законопослушный гражданин, являющийся ответственным родителем и положительно характеризующийся по месту работы, по стечению обстоятельств нарушивший закон, с большой вероятностью сделает все, чтобы не совершать подобных действий впредь, вследствие чего прекращение в отношении него уголовного преследования с назначением судебного штрафа возымеет должный эффект и позволит ему избежать негативных последствий в виде судимости.

К.А. Плиев, по нашему мнению, в полном объеме отражает обстоятельства, подлежащие учету при вынесении судебного решения, указывая: «для назначения справедливого наказания и достижения целей наказания суд должен учитывать не только те черты личности, которые обусловили совершение преступления, но и все другие ее стороны: национальность, место жительства, образование, вид занятий, профессию, место работы, участие в общественной жизни, поведение в коллективе, административные взыскания, награды, семейное положение, судимость, состояние здоровья (физического и психического), взгляды, убеждения, способности, характер, отношение к людям, отношение к власти, отношение к труду и т. д.» [10, с. 67].

Из вышеуказанного напрашивается вывод о том, что в случае отсутствия достаточного количества данных, ясно характеризующих личность лица, обвиняемого в совершении преступления, суд должен требовать от органов предварительного расследования их восполнения с целью вынесения справедливого решения по уголовному делу.

Подводя итог всему вышесказанному, хочется отметить, что российское правовое государство стремительно набирает обороты в своем развитии, расставляя акценты на проявлении принципов справедливости, целесообразности и гуманизма в отечественном уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве путем совершенствования институтов дискреционных полномочий и судейского усмотрения.

Как нам кажется, реализация судьями дискреционных полномочий, а также судейского усмотрения должна способствовать укреплению законности, сокращению количества судебных ошибок и фактов злоупотребления полномочиями, не нарушая при этом права граждан. Детальный учет особенностей личности виновного лица при назначении наказания либо иной меры уголовно-правового характера, в частности судебного штрафа, по нашему мнению, будет способствовать корректному применению судами дискреционных полномочий и судейского усмотрения, что в конечном итоге позитивно повлияет на реализацию принципа справедливости в российском уголовном судопроизводстве.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 30.10.2018) «О судебной системе Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/ cons_doc_LAW_12834//.
2. Кодекс судейской этики (утв. VIII Всероссийским съездом судей 19.12.2012) (ред. от 08.12.2016) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139928/.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 15.10.2020) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/.
4. Закон РФ «О статусе судей в Российской Федерации» от 26.06.1992 № 3132-1 (последняя редакция) [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_648/.
5. Иванова М.В. Оптимизация пределов судебного усмотрения как фактор повышения эффективности правосудия // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики: в 2-х ч. Тамбов: Грамота, 2012. № 3 (17). Ч. II. С. 67–71.
6. Копылова О.П., Макарова А.И. Постановление судом справедливого приговора // ПРАВО: история и современность. 2018. №1. С. 83–89.
7. Макарова З.В. Справедливость в уголовном судопроизводстве // Вестник ЮУрГУ. 2012. № 7. С. 54–56.
8. Нажимов В.П. Справедливость как принцип правосудия и важнейшее свойство приговора в СССР // Принцип справедливости при осуществлении правосудия по уголовным делам: межвузовский тематический сб. науч. трудов. Калининград, 1989. С. 3–12.
9. Непомнящая Т.В. Назначение уголовного наказания: теория, практика, перспективы. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2006.
10. Плиев К.А. Проблема оценки личности преступника при назначении ему уголовного наказания // Общество и право. 2017. № 4 (62). С. 65–68.
11. Пронин К.В. Дискреционные полномочия суда в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2010.
12. Сидоров Б.В. Судейское усмотрение: служение закону и совести или стихия беззакония и коррупции // Вестник экономики, права и социологии. 2013. № 2. С. 176–181.
13. Татарова А.Д. Понятие и признаки дискреционных полномочий судей // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2014. № 9. С. 110–114.

References (transliterated)

1. Federal`ny`j konstitucionny`j zakon ot 31.12.1996 № 1-FKZ (red. ot 30.10.2018) «O sudebnoj sisteme Rossijskoj Federacii» [E`lektronny`j resurs]. URL: http://www.consultant.ru/document/ cons_doc_LAW_12834//.
2. Kodeks sudejskoj e`tiki (utv. VIII Vserossijskim s``ezdom sudej 19.12.2012) (red. ot 08.12.2016) [E`lektronny`j resurs]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139928/.
3. Ugolovno-processual`ny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 18.12.2001 № 174-FZ (red. ot 15.10.2020) [E`lektronny`j resurs]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/.
4. Zakon RF «O statuse sudej v Rossijskoj Federacii» ot 26.06.1992 № 3132-1 (poslednyaya redakciya) [E`lektronny`j resurs] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_648/.
5. Ivanova M.V. Optimizaciya predelov sudebnogo usmotreniya kak faktor povy`sheniya e`ffektivnosti pravosudiya // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul`turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy` teorii i praktiki: v 2-x ch. Tambov: Gramota, 2012. № 3 (17). Ch. II. C. 67–71.
6. Kopy`lova O.P., Makarova A.I. Postanovlenie sudom spravedlivogo prigovora // PRAVO: istoriya i sovremennost`. 2018. №1. S. 83–89.
7. Makarova Z.V. Spravedlivost` v ugolovnom sudoproizvodstve // Vestnik YuUrGU. 2012. № 7. S. 54–56.
8. Nazhimov V.P. Spravedlivost` kak princip pravosudiya i vazhnejshee svojstvo prigovora v SSSR // Princip spravedlivosti pri osushhestvlenii pravosudiya po ugolovny`m delam: mezhvuzovskij tematicheskij sb. nauch. trudov. Kaliningrad, 1989. S. 3–12.

9. Nepomnyashhaya T.V. Naznachenie ugolovnogo nakazaniya: teoriya, praktika, perspektivy`. SPb.: Yurid. centr Press, 2006.

10. Pliev K.A. Problema ocenki lichnosti prestupnika pri naznachenii emu ugolovnogo nakazaniya // Obshhestvo i pravo. 2017. № 4 (62). S. 65–68.

11. Pronin K.V. Diskrecionny`e polnomochiya suda v ugolovnom sudoproizvodstve: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Saratov, 2010.

12. Sidorov B.V. Sudejskoe usmotrenie: sluzhenie zakonu i sovesti ili stixiya bezzakoniya i korrupcii // Vestnik e`konomiki, prava i sociologii. 2013. № 2. S. 176–181.

13. Tatarova A.D. Ponyatie i priznaki diskrecionny`x polnomochij sudej // Vestnik Baltijskogo federal`nogo universiteta im. I. Kanta. 2014. № 9. S. 110–114.

Цифровая Академическая Библиотека «Автограф»

Времена меняются, но книга остается ценностью. Благодаря современным технологиям огромные стеллажи книг умещаются сегодня в руке человека — в маленьком смартфоне. Данное обстоятельство не делает книгу менее значимой, менее ценной, и библиотеки по-прежнему продолжают играть свою главную роль — хранилища мысли и талантов. Фонд библиотеки «Автограф» де-факто создавался в конце прошлого века.

В 90-е годы двое выпускников факультета журналистики МГУ организовали издательство с выразительным названием «Автограф». Видимо, в силу своего академического образования они взяли изначально курс в большей степени на теоретическую, справочную литературу. За годы существования «Автографа» вышли в свет издания по литературе, истории, русскому, английскому и французскому языкам, но главное направление касалось все-таки издания литературы юридической тематики, причем изданий дореволюционных, большая часть которых в силу конъюнктурных обстоятельств советского периода держалась в спецхранах. Можно сказать, что это была исследовательская, научная работа. Самой главной заслугой издательства «Автограф» явился выпуск в свет серии «Юридическое наследие». Они были первыми в этом направлении. Тысячные тиражи разошлись, книги серии приобрели крупнейшие мировые национальные библиотеки. Являясь, в сущности, правопреемниками и продолжателями классических традиций издательства «Автограф», создатели Цифровой Академической Библиотеки «Автограф» решили, что соединение продуманных принципов книгоиздания и библиотечного дела может принести несомненную пользу посетителям сайта.

В помощь читателям библиотеки все издания систематизированы по указателям. Их пять: алфавитный, именной, биографический, тематический и указатель оглавлений. Данный подход функционально облегчает поиск необходимого издания, дает расширенную возможность для целенаправленной научной и исследовательской работы, кроме того, информация, которая содержится в указателях, сама является серьезным познавательным фундаментом.

Читателям библиотеки предоставляется возможность открыть для себя произведения величайших ученых в области юриспруденции, философии, истории, экономики. Кроме того, документы, законодательные акты, периодика прошлых лет могут служить значимым фактором в осмыслении сегодняшних событий, явлений, научных заключений. Стиль, язык изложения, фундаментальность мысли почти всех произведений, которые составляют фонд ЦАБ «Автограф», располагают к глубокому и неторопливому их прочтению.

На сайте можно также найти издания современных авторов, которые заслуживают внимания и самого положительного отклика. Так что двери «аптеки для души» открыты, а ее «общество», безусловно, окажется для каждого приятным и полезным.

Пользование информацией ЦАБ «Автограф» имеет свои особенности — в свободном доступе находятся все указатели и информация, размещенная на главной странице. Вход в фонд библиотеки предполагает приобретение абонемента, стоимость которого — 150 рублей на 24 часа.

Контент библиотеки пополняется каждый день.

Адрес сайта библиотеки: www.avtograf-library.ru

Левушкин А.Н., Татар О.

СОДЕРЖАНИЕ И СПЕЦИФИКА ДОГОВОРНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В СФЕРЕ РЕКЛАМНЫХ УСЛУГ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА

Цель: Целью исследования является правовой анализ некоторых тенденций в отношении правового регулирования содержания и специфики договорных обязательств в сфере рекламных услуг в современной России и Республике Молдова на основе доктринальных взглядов и правоприменительной деятельности.

Методология: В качестве методологической базы настоящей работы выступили общенаучные методы познания правовых явлений, такие как синтез, метод аналогии, формальной логики, сравнительно-правовой метод и другие, а также частно-научные методы исследования договорного регулирования.

Результаты: Авторы приходят к выводу, что рекламная индустрия продвигается большими темпами как в Российской Федерации, так и в Республике Молдова, и заинтересованные в этом субъекты активно изобретают новейшие механизмы правового регулирования и способы влияния на потребителей рынка рекламных услуг на основе договорных обязательств. Законодатель, прослеживая все изменения в различных сферах человеческого общества, допустил регулирование различных новых видов договорных отношений посредством заключения новых договоров, образуемых посредством принципа свободы договора, и в дальнейшем введения этих договоров в общую систему гражданско-правовых договоров, что позволит более законно, эффективно и масштабно регулировать гражданско-правовые отношения и договорные обязательства в России и Молдове.

Новизна/оригинальность/ценность: Статья обладает высокой научной ценностью, поскольку ранее в доктрине не изучались содержание и специфика договорных обязательств в сфере рекламных услуг в Российской Федерации и Республике Молдова. Высказаны оригинальные суждения в отношении установления условий различных видов договоров при оказании рекламных услуг в указанных государствах.

Ключевые слова: реклама, прогресс, рекламные услуги, договор, договорные обязательства, наружная реклама.

Levushkin A.N., Tatar O.

CONTENT AND SPECIFICS OF CONTRACTUAL OBLIGATIONS IN THE FIELD OF ADVERTISING SERVICES IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF MOLDOVA

Purpose: The purpose of the research is to analyze some trends in the legal regulation of the content and specifics of contractual obligations in the field of advertising services in modern Russia and the Republic of Moldova based on doctrinal views and law enforcement activities.

Methodology: The methodological basis of this work is General scientific methods of cognition of legal phenomena, such as synthesis, the method of analogy, formal logic, comparative legal method, and others, as well as private scientific methods of research of contractual regulation.

Results: The authors come to the conclusion that the advertising industry is moving rapidly both in the Russian Federation and in the Republic of Moldova, and interested entities are actively inventing the latest legal regulation mechanisms and ways to influence consumers of the advertising services market based on contractual obligations. The legislator, following all the changes in various spheres of human society, allowed the regulation of various, new types of contractual relations, through the conclusion of new contracts formed through the principle of freedom of contract and further introduction of these contracts into the General system of civil law contracts, which will allow more legally, effectively and extensively regulate civil law relations and contractual obligations in Russia and Moldova.

Novelty/originality/value: The Article has a high scientific value, since previously the doctrine did not study the content and specifics of contractual obligations in the field of advertising services in the Russian Federation and the Republic of Moldova. Original opinions were expressed regarding the establishment of conditions for various types of contracts for the provision of advertising services in these States.

Keywords: advertising, progress, advertising services, contract, contractual obligations, outdoor advertising.

На сегодняшний день договор выступает первостепенным источником зарождения договорных обязательств, выполнить которые возможно посредством осуществления ряда активных действий. Свобода, которая реализуется в пределах обязательственных и договорных правоотношений, разрешает применить и использовать необходимую юридическую конструкцию, что открывает возможность скорого реагирования на возникшие новые желания всего общества [12, с. 48–54]. Суть, содержание, объем такого рода действий формируется различными условиями договора, в границах которого работают субъекты договора. Как замечал О.С. Иоффе, «Как только оборот принимает новые формы, так сразу рождаются новые виды обязательств» [6, с. 64].

Так, ч. 1 ст. 774 Гражданского кодекса Республики Молдова (ГК РМ) предусмотрено: «В силу

обязательственного отношения кредитор имеет право требовать от должника производства исполнения, а должник обязан произвести его. Исполнение может состоять в предоставлении чего-либо, определенном действии или воздержании от определенного действия» [4]. Особенно явно прослеживается такая трансформация отношений в области рекламной деятельности, так как урегулирование рекламных отношений посредством имеющихся в наличии названных договоров не столь удобно и не всегда эффективно. Тогда зарождается идея о заключении такого договора, который позволит решить проблемы всех субъектов договора с наименьшими затратами.

Деление обязательств на договорные и внедоговорные позволяет установить, что, например, в сфере рекламы договорные обязательства устанавливаются следующими субъектами: рекламодатели, рекламораспространители, а также рекламопроизводители; в свою очередь, внедоговорные обязательства в области рекламы в большинстве случаев появляются в силу причинения вреда. Заключение неназванных договоров в области рекламы объясняется их необходимостью и дозволенностью со стороны законодателя, подтвержденными закрепленным принципом свободы договора, как фактором, порождающим возникновение неназванных договоров.

Именно к числу таких востребованных моделей неназванных договоров можно причислить, например, договор на производство рекламы, договор о размещении рекламы и другие. Изучение правовой сути представленных и заключаемых в дальнейшем неназванных договоров даст возможность устранить пробелы при квалификации договоров и правильно использовать их.

В действительности договор на размещение рекламы ошибочно подводят под договор оказания услуг. Например, А.А. Кирилловых обосновывает это тем, что в рассматриваемом договоре результат неотделим от самой деятельности [7, с. 120], с чем мы не согласны и аргументируем это тем, что законодатель РМ посредством принципа свободы договора предлагает возможность заключать разного вида гражданско-правовые договоры, и договор на размещение рекламы характеризуется особым объектом, целенаправленностью, индивидуальностью, высоким уровнем правовой культуры, непротиворечием закону, образуется на общих началах договорного и обязательственного права и имеет право существовать как самостоятельный, неназванный, договор, необходимость применения которого весьма велика. По мнению А.Н. Левушкина и Т.Э. Рахматуллина, позицию судебной практики, которая относит анализируемый договор к категории непоименованных, следует считать верной [9, с. 116], что, на наш взгляд, является обоснованным.

Сама реклама представляет собой обращение, направленное субъектом-рекламодателем в адрес потребителя-рекламополучателя (лица, заинтересованного в ней) с целью заключения договора на взаимовыгодных для его субъектов условиях. На сегодняшнем этапе функционирования рекламного рынка мы сталкиваемся с плачевной ситуацией и невозможностью регулировать те отношения, которые реально возникают между рекламодателем и рекламополучателем, между заказчиком и исполнителем в рамках поименованного договора – договора оказания услуг. Заключение законно и правомерно договоров в области рекламы позволит поэтапно закрепить возникающие договорные обязательства в рамках договора. Согласно ч. 1 ст. 992 ГК РМ «Договором признается соглашение двух или более лиц об установлении, изменении или прекращении правоотношений».

Цель заключаемых рекламных договоров прослеживается в продуктивности распространения разного рода информации рекламного характера, при этом с применением любых средств, вовлечением в этот круг неограниченного количества рекламных потребителей. В качестве особого объекта договорных обязательств рекламного характера выступает деятельность, напрямую сопряженная с производством либо распространением информации рекламного характера. В зависимости от вида рекламной деятельности и возникает разновидность договорных обязательств, влекущая за собой определенные последствия. Стоит отметить, что важную роль при оказании рекламных услуг играет также этика рекламы [2, с. 47]. Предупреждение негативного воздействия рекламы на ее потребителей является первостепенной задачей [11, с. 67].

Разрешая поставленные задачи, рассмотрим весьма распространенные виды рекламы:

– информационный вид рекламы, ознакомляющий с новым видом товара, сферами его применения и особенностями товара, при этом рассеивая неверные предположения о товаре и о фирме, представляющей его;

– увещевательный вид рекламы, формирующий зрелое и приоритетное видение преимуществ товара по отношению к другим видам товаров и при этом убеждающий покупателя в необходимости покупки именно этого товара;

– напоминающий вид рекламы напоминает о товаре, желаемом быть приобретенным покупателем, а также о том, где данный товар можно приобрести;

– реклама, которая публикуется в журналах, различных книгах, справочниках;

– реклама на радио и телевидении;

– реклама на различных транспортных средствах, размещаемая с использованием различных средств;

– реклама в виде различных изображений-сувениров;

– реклама, позволяющая оформить торговые помещения, витрины различных магазинов;

– спонсорская реклама, в ходе которой спонсором реализуются программы, мероприятия общественного значения, выраженные в виде вкладов (денежных средств);

– социальная реклама, направленная на реализацию благотворительных целей, а также задач социального значения;

– реклама в иных печатных изданиях;

– реклама в кино-, видеообслуживании;

– печатный вид рекламы, передающий информацию на бумажном носителе и обеспечивающий восприятие и принятие нужной информации путем чтения ее, включает:

1) рекламный лист, несущий в себе чисто рекламный текст. Его предназначение – быть броским, ярким, красочным и детально раскрывать объект рекламы;

2) письмо информационного характера, оформленное на фирменном, официальном бланке, которое адресовано определенному лицу. В письме может быть заложена подробная информация, касающаяся различных сфер деятельности фирмы;

3) каталог в виде брошюры, в которой содержится перечень предлагаемых товаров с наглядным и красочным их изображением, а также перечень предлагаемых услуг;

4) буклет, позволяющий наглядно представить фирму, содержащий рекламный материал по ней, по продукту или услуге;

5) рекламный проспект в виде красочной книжки высокого качества с различными картинками и рисунками. Обычно издается к наступившей юбилейной дате;

6) пресс-релиз – рекламный материал, предложенный для работы с прессой, а также в случае необходимости высылаемый в редакции. В нем содержится информация, относимая непосредственно к фирме, ее деятельности, связанной с благотворительностью, и сведения о той продукции, которая пользуется наибольшим спросом.

Печатная реклама является одним из главных средств рекламы, намеренно направлена на восприятие, ведь на сегодняшний день благодаря предлагаемому широкому спектру услуг пресса представлена в роли рекламоносителя. С помощью этих услуг представляется возможным влияние на зрителя с продвижением при этом стратегии рекламодателя. Приоритетность прессы как переносчика рекламы выражается в том, что именно она позволяет воплотить в жизнь различные интересы рекламодателей, независимо от того, является рекламодатель транснациональным или местным. Даже при наличии других востребованных рекламоносителей реклама в прессе продолжает быть востребованной; связано это с тем, что она несет в себе: публикации, различные объявления и сообщения. Основное внимание направлено на идею о рекламе, но при этом желательно избегать чрезмерных подробностей, и ориентирована она на конкретного адресата.

Любая рекламная кампания стремится использовать самые популярные СМИ; при этом рекламодатель старается брать во внимание такие критерии, как:

– уровень влияния СМИ в данной области;

– уровень популярности СМИ у определенных рекламопотребителей;

– поддержание хорошего настроя у потребителя;

– повышение уровня заинтересованности читателя в СМИ;

– правильный выбор направленности при размещении рекламы.

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что такой вид рекламы, как печатная, – это внешняя обертка, глядя на которую, делают выводы и о фирме, и о изготовленном ею товаре. Реклама – это своего рода послание, направленное одним субъектом – рекламодателем другому субъекту – потребителю рекламы, хранящее информацию о товарах и побуждающее заключить договор с одной лишь целью – получение особых прав на данный товар, причем в момент изготовления и распространения будут задействованы особые знания и опыт.

На сегодняшний день на рынке рекламы сложилась следующая ситуация: в пределах договора об оказании услуг, согласно ч. 1 ст. 1375 ГК РМ, предусмотрено, что «По договору об оказании услуг одна сторона (исполнитель) обязуется оказать определенные услуги другой стороне (заказчику), а заказчик обязуется выплатить обусловленное вознаграждение». Невозможно объять реально возникающие отношения в рекламной индустрии,

складывающиеся между субъектами, ввиду вовлечения в эту индустрию множества специалистов разного уровня и подготовки.

Исходя из того, что производство и распространение рекламы – весьма трудоемкий и длительный процесс, для реализации его субъектам необходимо заключать новый независимый неназванный договор. Результативность правового закрепления определяется не только выполнением законодательных предписаний, но и строгим и последовательным исполнением обязательств между сторонами.

Гражданским законодательством Республики Молдова, а именно ст. 993 ГК РМ, предписано, что «Всякий вправе свободно выбирать сторону договора, если законом не предусмотрено иное. В пределах императивных правовых положений договаривающиеся стороны свободны в заключении договоров и в определении их содержания».

Следовательно, возможно заключение нового, целенаправленного, не противоречащего закону договора, образованного посредством принципа свободы договора, целью которого выступает эффективное производство и распространение любого рода рекламной информации и привлечение большего круга потребителей.

В ст. 1 Закона Республики Молдова «О рекламе» № 1227 от 27.06.1997 [5] предусмотрено: «Субъект рекламной деятельности – рекламодатель, рекламопроизводитель, рекламораспространитель:

– рекламодатель – лицо, являющееся источником или объектом рекламной информации, предназначенной для производства, размещения и последующего распространения рекламы;

– рекламопроизводитель – лицо, полностью или частично придающее рекламной информации форму, допустимую для ее распространения;

– рекламораспространитель – лицо, осуществляющее размещение и распространение рекламы (рекламной информации) через любые средства информации;

– потребитель рекламы – лицо, которое пользуется или может пользоваться рекламой (рекламной информацией)».

Таким образом, мы говорим о двух видах складывающихся правоотношений:

– между одним субъектом – рекламодателем и вторым субъектом – рекламораспространителем;

– между одним субъектом – рекламодателем и вторым субъектом – рекламопроизводителем.

Изобилие форм, а также методов, с помощью которых распространяется реклама, и провоцирует на заключение весьма объемных, независимых, неназванных договоров, участники которых будут производить, распространять и размещать рекламу. Такие договоры, как договор на производство рекламы и договор о размещении рекламы, смело можно назвать теми новыми договорными конструкциями, которые призваны регулировать обязательства в сфере рекламы.

В ст. 6 Закона Республики Молдова «О рекламе» № 1227 от 27.06.1997 установлено: «К объектам рекламной деятельности относятся любые формы, методы, носители и средства аудиовизуальной или иной связи, используемые для передачи рекламной информации потребителям рекламы».

Важными субъектами такого рода отношений выступают рекламодатели и непосредственно те, в чей адрес отведена информация рекламного характера. Но проблема заключается в том, что на сегодняшний день обеспечить эффективность такого рода информации не представляется возможным без активных рекламных агентов, которые разрабатывают тактику поведения при проведении различных исследований рекламного рынка и средств массовой информации, а также образовании и внедрении рекламного продукта.

Согласно договору на производство рекламы один субъект – рекламопроизводитель берет на себя обязательство произвести по заданию заказчика, а впоследствии и передать заказчику рекламный продукт, за что заказчик, в свою очередь, обязуется заплатить.

Для уяснения правовой сущности договора на производство рекламы важно учитывать следующие составляющие: окончательный к размещению продукт рекламного характера – это готовая к восприятию информация рекламного предназначения, зафиксированная на конкретном носителе; важный признак такого рода информации содержится в зарождении спроса на данный объект с помощью различных эмоциональных и ярких призывов, адресованных потребителям. Возникает убеждение, что рекламный продукт есть не что иное, как следствие интеллектуальной, творческой деятельности автора рекламы либо коллектива и может выступать интеллектуальным объектом при наличии оригинальности и научной новизны. Такого рода договорная конструкция вобрала в себя следующие обязательства:

– обязательство по производству заказанного рекламного продукта, объединяющего в себе несколько защищенных результатов интеллектуальной деятельности. Особенность в том, что рекламодатель сотрудничает и формирует отношения

непосредственно с отобранным рекламным агентством, а не с создателями произведений. В ответ перед исполнителем возникает задача – обязательство по производству рекламного продукта и заключению сопутствующих договоров;

– обязательство по производству заказанного тиража продукта рекламного характера.

В связи с тем, что дальнейшее распространение таких продуктов подразумевает публичный показ посредством трансляции в эфире, что ознаменуется потреблением произведения, в данный договор вводятся обязательства по передаче заказчику особых исключительных прав на применение в обиход произведений, которые включены в рекламный продукт.

Исполнитель берет на себя обязанность произвести заказанный продукт в строгом соответствии с указаниями заказчика. В российской рекламной практике задание заказчика называется «бриф» (англ. Brief – краткое изложение, задание в сжатой концентрированной форме) и представляет собой весьма объемный документ, содержащий не только основные параметры будущего рекламного продукта, но и значительный массив маркетинговой информации об объекте рекламирования, особенностях покупательских предпочтений, что совершенно необходимо для создания эффективной рекламы [10, с. 385].

В таком неназванном договоре, как договор на производство рекламы, оговаривается условие о заранее одобренном макете рекламного продукта самим заказчиком до того, как данный продукт будет реализован согласно договору. Большинство агентств, занимающихся рекламой, предоставляют на рассмотрение, а в дальнейшем на утверждение несколько вариантов, а заказчик отбирает лучший по своему усмотрению. В обязанность рекламоисполнителя входит передача уже усовершенствованного рекламного продукта, который будет являться собственностью заказчика и может быть размещен в том количестве, того качества и в том месте, как это прописано договором.

При передаче заказчик вправе проверять уже готовый к использованию рекламный продукт на соответствие его всем условиям и требованиям, прописанным договором, а также законодательством Республики Молдова. Параллельно с этим немаловажно заключить договор о передаче исключительных, особых прав на данный рекламный продукт. Что касается такого условия, как срок в договоре, то должны быть оговорены: срок начала проведения работ, срок завершения проведения работ, срок передачи заказчику предварительных макетов, если возникнет необходимость предоставления дополнительного срока и т. д.

В отличие от неназванного договора на производство рекламы другой вид договора, касающийся размещения рекламы, характеризуется заметным разнообразием, так как различны способы размещения рекламного продукта. Тут можно говорить о наружной рекламе, рекламе посредством СМИ, рекламе, выложенной в интернете, на радио, на телевидении, на транспорте и т. д.

В современном мире при столь обширном круговороте информации в различных областях рекламной промышленности такие неназванные договоры, как договор на производство рекламы и договор о размещении рекламы, представляют собой весьма интересный продукт, требующий законодательного внимания и поддержки. Правильный подход к рекламе приводит к правильному способу ее восприятия и оценки [1, p. 34].

Рассмотрим, какого рода обязательства возникают при заключении неназванного договора на размещение рекламы в СМИ между исполнителем данного договора в лице представленного заказчиком рекламного агентства и непосредственно самим заказчиком. Объектом данного договора выступают услуги по размещению информационных материалов рекламного характера в СМИ, включая размещение рекламы на радио и телевидении. Оказание такого рода услуг аргументируется в соответствии с предписанными требованиями законодательства РМ о рекламе. Все сопутствующие корректировки и замечания относительно данного договора должны быть согласованы между заказчиком и исполнителем. Заказчик обязан передать исполнителю через электронную почту или иным способом уже готовую к размещению рекламу за 10 дней до того, как ее разместят в СМИ, включая тексты, звуки, аудиоматериалы, плакаты, ролики, различные сувениры, буклеты и т. д.

Данный субъект договора обязан оплачивать работу исполнителя в рамках тех договоренностей, которые были урегулированы сторонами, на основании предоставленных исполнителем счетов, а заказчик обязан перечислить на данный расчетный счет в оговоренный договором срок денежную сумму за проделанную работу. В противном случае исполнитель наделен правом изменить на свое усмотрение сроки, в течение которых будет размещена реклама, или вовсе приостановить такого рода деятельность. Однако если со своей стороны исполнитель не выполнил обязательств по размещению рекламы, он обязан вернуть аванс, выплаченный заказчиком, и вы-

платить по данному договору неустойку за такого рода просрочку. В свою очередь, если наблюдается невыполнение заказчиком выполненных услуг согласно договору на размещение рекламы в СМИ, заказчик будет обязан выплатить другому субъекту неустойку за каждый последующий день просрочки.

Если провинившаяся сторона устранит нарушения, связанные с такого рода деятельностью, и наладит весь процесс, то стороны могут согласовать дополнительные условия касательно размещения рекламы и оплаты за ее размещение. Могут возникнуть обстоятельства, не позволяющие своевременно исполнить возложенные на сторону обязательства, о чем в незамедлительные сроки необходимо поставить в известность другую сторону. Доказательством исполнения взятого сторонами обязательства по размещению рекламы в СМИ служат накладная либо подписанный сторонами акт относительно сдачи и приема выполненных услуг. Если такого рода документы не будут возвращены либо сторонами не будут предъявлены претензии друг к другу, то может считаться, что исполнитель выполнил взятые на себя обязательства в полной мере, и заказчик со своей стороны должным образом оценил добросовестные и качественные услуги исполнителя, за что и был поощрен.

Если сторонами ненадлежащим образом исполнены взятые на себя обязательства либо вообще не исполнены, то они понесут ответственность согласно законодательству РМ. Также учитывается тот факт, что неисполнение могло быть вызвано непредвиденными обстоятельствами либо обстоятельствами чрезвычайного характера: землетрясение, наводнение, война либо иные обстоятельства, не контролируемые сторонами.

Договор действителен с момента подписания сторонами и действует в течение одного года. Если в силу каких-либо обстоятельств та или иная сторона примет решение о расторжении данного договора, то она должна уведомить о своем намерении расторгнуть договор другую сторону за 30 дней, иначе договор будет считаться продленным еще на год по молчаливому согласию субъектов договора.

Датой, когда обязательство исполнено, считается момент подписания акта о приеме и, одновременно с этим, сдаче предусмотренных договором услуг, а также предъявления исполнителем договора счета-фактуры. Гарантом сохранности исключительных, особых прав третьих лиц на те или иные произведения, которые охвачены рекламой, выступает заказчик. Если возникнут претензии к исполнителю относительно такого рода нарушений в рекламе, заказчик обязан разрешить спор, выступая на стороне субъекта – исполнителя договора, при этом возмещая любого рода расходы, которые понес исполнитель договора, и параллельно с этим выплачивая денежные суммы третьим лицам за то, что были нарушены их исключительные права.

Договор также может быть досрочно прекращен, и это может быть вызвано желанием одной из сторон его досрочно расторгнуть. По волеизъявлению сторон условия договора могут подлежать изменениям или дополнениям. Субъекты договора лишены права передачи своих обязательств другим лицам без наличия на то согласия, выраженного в письменной форме.

Рассмотрим содержание и договорные обязательства по договору о размещении наружной рекламы. В данном договоре один субъект – исполнитель берет на себя обязательство по оказанию ряда услуг, связанных с размещением наружной рекламы, по заказу другого субъекта – заказчика на рекламном щите, при этом не исключая техническое обслуживание щита, поддержание его надлежащего состояния в течение согласованного периода, а впоследствии и его демонтаж за оговоренное вознаграждение, выплату которого берет на себя заказчик. Но данный договор – лишь малая доля тех обязательств, которые возникают между субъектами в гигантской пирамиде рекламной промышленности. В договоре должным образом должны быть расписаны адрес, где предполагается разместить данную конструкцию рекламного характера, ее внешний вид и параметры рекламного носителя, их количество, размеры.

В обязательном порядке должен быть указан срок, на который предполагается разместить рекламу, само содержание представленной рекламы, а также иные составляющие и дополнительные условия рекламной конструкции, которые более подробно описываются в приложениях, являющихся дополнениями к договору и представляющих не меньшую ценность в договоре.

Размещение новой рекламной конструкции на заранее намеченной территории должно строго соответствовать намеченным схемам. На стадии проектирования необходимо пройти экспертизу процесса как в момент эксплуатации, так и после монтажа. Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что подписание договора о размещении наружной рекламы – сложный и объемный процесс. Заключая такого рода договорную конструкцию, стороны (исполнитель и заказчик) могут договориться между собой о возможности

выполнения работы, связанной с производством рекламной конструкции, что оговаривается в самом договоре.

Договор – это один из главных, основных регуляторов гражданско-правовых, предпринимательских, организационных и иных общественных отношений, складывающихся между субъектами предпринимательской деятельности [8, с. 30–35].

Договорные обязательства сторон по данному договору охватывают ряд их прав и обязанностей. В обязанности исполнителя входят:

– подготовка выбранного и необходимого макета рекламы с целью последующего размещения на специальном рекламном щите с последующей передачей макета заказчику, который имеет право его утверждения;

– размещение рекламы после получения положительного ответа на макет, а также перечисления предварительного взноса на имеющийся банковский счет;

– распространение такой рекламы на рекламной конструкции в период, оговоренный договором;

– проверка надежности и прочности рекламных щитов и носителей, а также их техническое обслуживание в период действия договора;

– организация световой подсветки рекламы, если для размещенной рекламы требуется электрическое оснащение;

– после истечения срока договора демонтаж рекламы с рекламного щита;

– в случае необходимости по запросу заказчика подтверждение резонности использования щита для того, чтобы разместить рекламу на нем.

Права исполнителя по договору выражаются в следующем:

– затребовать доказательства соответствия размещенной рекламы установленным требованиям законодательства РМ о рекламе, а если другая сторона не обеспечит подтверждающими и соответствующими сведениями это соответствие и не ликвидирует те обстоятельства, по причине которых данная реклама будет считаться недобросовестной либо неправдивой, – расторгнуть данный договор, при этом требуя компенсации убытков;

– удалить с рекламного щита рекламный продукт и расторгнуть договор, если заказчик не произвел любого рода платеж;

– вовлекать в работу третьи лица и брать ответственность за их действия на себя.

Обязанности заказчика в договоре:

– снабдить исполнителя сведениями, которые играют значимую роль при изготовлении задуманного макета рекламы;

– обеспечить исполнителя законно обоснованными сведениями о соответствии данной рекламы установленным законным критериям;

– организовать оплату услуг;

– одобрить макет рекламы, адресованный исполнителю;

– установить конкретное месторасположение желаемой рекламной конструкции, ее количество, ее тип, размер и т. д.

Права заказчика:

– запрашивать от исполнителя весь объем исполненных обязательств;

– возражать относительно несоответствующего качества предоставляемых услуг;

– настаивать на проведении ремонта либо восстановительных работ рекламной конструкции при каких-либо повреждениях, при этом продлевая время распространения рекламы на период проведения восстановительных работ либо ликвидации недостатков;

– если проведен демонтаж рекламной конструкции, который не способствует дальнейшему распространению представленной рекламы, запросить от исполнителя гарантию обеспечения распространения, а также размещения рекламного продукта в этот период на ином рекламном щите в другом месте. В противном случае цена предъявленных услуг будет сокращена, и исполнитель обязан будет вернуть заказчику часть внесенных им денежных средств;

– истребовать доказательства правомерности эксплуатации рекламной конструкции.

После того, как будет размещена реклама, субъекты договора подписывают акт, в котором прописаны все виды услуг по ее размещению и распространению. В доказательство проведения работы исполнитель предоставляет заказчику фотоотчет. Если будут выявлены недостатки в процессе приема оказанных услуг, обязанность заказчика – указать их, а также свои замечания, письменно отражая их в акте. Исполнитель, в свою очередь, внимательно изучив замечания заказчика, оповещает о результатах. Выявленные недостатки, возникшие по вине исполнителя, будут устранены последним.

Срок, в течение которого будет осуществлено размещение наружной рекламы, а также фиксированная цена договора согласуются сторонами договора. Договором также предусматривается ответственность сторон за неисполнение договорных обязательств в виде выплаченной неустойки за просроченные дни. Однако уплата неустойки и компенсация причиненных убытков не дают оснований освобождения виновника от выполне-

ния тех обязательств, которые предполагаются в натуре.

Согласно договору исполнитель может быть освобожден от ответственности в случаях:

– когда рекламный носитель на конструкции содержит какой-либо дефект либо вообще отсутствует по вине других лиц;

– если для рекламной конструкции необходимо электрическое оснащение, которое не может быть обеспечено в связи с перебоями энергоснабжения.

В случае невозможности исполнения обязательств ввиду непреодолимой силы либо если предугадать и предотвратить определенные обстоятельства оказалось невероятным, бремя доказывания лежит на виновной стороне, которая была обязана поставить в известность другого субъекта договора о приближении таких обстоятельств. Если в процессе исполнения договора возникают разногласия либо споры, то разрешение их возможно в ходе переговоров.

Договор считается действительным, когда он подписан субъектами; продолжительность договора ограничивается сроком, на который предусмотрено распространение данного вида рекламы. Также договор может быть либо видоизменен, либо вовсе расторгнут при одобрении этого сторонами.

Рекламная индустрия продвигается большими темпами, и заинтересованные в этом личности активно изобретают новейшие механизмы и способы влияния на потребителей. Законодатель, прослеживая все изменения в различных сферах человеческого общества, допустил регулирование различных новых видов договорных отношений посредством заключения новых договоров, образуемых посредством принципа свободы договора и в дальнейшем введения этих договоров в общую систему гражданско-правовых договоров, что позволит более законно, эффективно и масштабно регулировать гражданско-правовые отношения и договорные обязательства.

Благодаря тому влиянию, которое реклама оказывает на индивидуальные и социальные структуры, тому, что она передается средствами массовой информации и основана на них, она стала одним из факторов, существенно влияющих на социальную жизнь, иногда даже вызывающих серьезные изменения в ней [3, p. 7].

Таким образом, проведенный нами анализ открывает реальную картину того, что именно реклама приносит человечеству огромную пользу, при этом являясь движущим инструментом развития всей экономики, но все же оставаясь мощным манипулятором желаний людей, которые при помощи рекламы создают свою антизаконную индустрию, нарушая все законные предписания и нанося травму потребителю. В связи с этим доверие к рекламе резко падает.

Сфера рекламы как экономической деятельности активно развивается на постсоветском пространстве. Рекламораспространители используют новые способы распространения рекламы. Действующее законодательство должно учитывать тенденции изменения рекламной технологии. Все это свидетельствует о необходимости закрепления на законодательном уровне универсального договора на распространение рекламных материалов, а также дополнительного урегулирования таких средств распространения рекламы, как распространение в сети «Интернет» и на ярмарках и выставках. При этом универсальный договор должен регулировать отношения по распространению рекламного материала независимо от способа такого распространения. Указанный договор позволит учитывать появление новых способов распространения рекламы, а также урегулировать всю группу договоров по распространению рекламы [8, с. 30–35].

Для их упорядочения предлагаем:

1. Разработать единообразный кодекс «О рекламе», который очень подробно и детально распишет полномочия субъектов рекламной деятельности, в том числе контроль за ними специализирующих органов, многочисленные виды рекламы, структуру договорных обязательств относительно каждого вида рекламы, а также наступление ответственности в случае причинения вреда.

2. Сгруппировать и систематизировать как установленные гражданским законодательством принципы законности, справедливости, добросовестности, непротиворечия основам правопорядка и нравственности, так и международные стандарты, предъявляемые к такого рода деятельности, в единый законодательный документ, обладающий юридической силой и мощью, воздействующий на весь круг вовлеченных в эту деятельность субъектов.

Пристатейный библиографический список

1. Chelcea Septimiu. Psihosociologia publicității: despre reclamele vizuale. Iaşi: Polirom, 2012.

2. Cojocari Eugenia. Publicitatea (reclama) şi rolul ei în dezvoltarea economiei de piaţă // Revista naţională de drept. 2010. № 5–6. P. 46–55.

3. Petre D., Nicola M. Introducere în publicitate. București: Comunicare.ro, 2009.

4. Гражданский кодекс Республики Молдова № 1107-XV от 06.06.2002 // Monitorul Oficial al Republicii Moldova. 2002. № 82–86; 2019. № 66–75.

5. Закон Республики Молдова № 1227 от 27.06.1997 «О рекламе» // Monitorul Oficial al Republicii Moldova. 1997. № 67–68.

6. Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву: из истории цивилистической мысли. М.: Статут, 2020.

7. Кирилловых А.А. Реклама и рекламная деятельность. Проблемы правового регулирования. М.: Деловой двор, 2013.

8. Левушкин А.Н. Организационные предпринимательские договоры в системе норм обязательственного права и судебной практике // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 8. С. 30–35.

9. Левушкин А.Н., Рахматуллина Т.Э. Договор на распространение рекламы: правовая природа и практика применения // Вестник Московского государственного областного университета. 2019. № 1. С. 112–121.

10. Пугинский Б.И. Коммерческое право. М.: Юрайт, 2019.

11. Сушкова О.В. Актуальные проблемы и перспективы развития правового регулирования рекламы лекарственных средств, медицинских изделий и биологически активных добавок // Вестник ЮУрГУ. 2019. № 1. С. 67–76.

12. Татар О. Понятие, предмет и содержание непоименованных договоров // Legea și viața. 2018. № 8. С. 48–54.

References (transliterated)

1. Chelcea Septimiu. Psihosociologia publicității: despre reclamele vizuale. Iaşi: Polirom, 2012.

2. Cojocari Eugenia. Publicitatea (reclama) şi rolul ei în dezvoltarea economiei de piață // Revista națională de drept. 2010. № 5–6. P. 46–55.

3. Petre D., Nicola M. Introducere în publicitate. București: Comunicare.ro, 2009.

4. Grazhdanskij kodeks Respubliki Moldova № 1107-XV ot 06.06.2002 // Monitorul Oficial al Republicii Moldova. 2002. № 82–86; 2019. № 66–75.

5. Zakon Respubliki Moldova № 1227 ot 27.06.1997 «O reklame» // Monitorul Oficial al Republicii Moldova. 1997. № 67–68.

6. Ioffe O.S. Izbranny`e trudy` po grazhdanskomu pravu: iz istorii civilisticheskoj my`sli. M.: Statut, 2020.

7. Kirillovy`x A.A. Reklama i reklamnaya deyatel`nost`. Problemy` pravovogo regulirovaniya. M.: Delovoj dvor, 2013.

8. Levushkin A.N. Organizacionny`e predprinimatel`skie dogovory` v sisteme norm obyazatel`stvennogo prava i sudebnoj praktike // Zakony` Rossii: opy`t, analiz, praktika. 2018. № 8. S. 30–35.

9. Levushkin A.N., Raxmatullina T.E`. Dogovor na rasprostranenie reklamy`: pravovaya priroda i praktika primeneniya // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. 2019. № 1. S. 112–121.

10. Puginskij B.I. Kommercheskoe pravo. M.: Yurajt, 2019.

11. Sushkova O.V. Aktual`ny`e problemy` i perspektivy` razvitiya pravovogo regulirovaniya reklamy` lekarstvenny`x sredstv, medicinskix izdelij i biologicheski aktivny`x dobavok // Vestnik YuUrGU. 2019. № 1. S. 67–76.

12. Tatar O. Ponyatie, predmet i soderzhanie nepoimenovanny`x dogovorov // Legea și viața. 2018. № 8. S. 48–54.

EURASIAN LEGAL PORTAL

ЕВРАЗИЙСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ПОРТАЛ

Наш портал состоит из следующих разделов:

- *Законопроекты*
- *Принятые законы*
- *Судебная практика*
- *Пресс-релизы*
- *Юридические статьи*
- *Юридические вузы*
- *Юридическая школа в лицах*
- *Новости*
- *Наши партнеры*
- *Институт законодательства*
- *Бесплатная юридическая консультация*

www.eurasialegal.info

Целями проекта являются:

1. Создание информативной актуальной научной базы в области права для успешного ориентирования в современном юридическом мире.

2. Свободный обмен теоретическими и практическими знаниями в области права в рамках Содружества Независимых государств (СНГ).

Наша задача заключается в постоянном усовершенствовании портала, предоставлении полной и достоверной информации пользователям, внедрении новых актуальных проектов, интересных юридических источников и привлечении к развитию проекта профессиональных юристов для взаимовыгодного сотрудничества.

Шевчук С.С., Петров Н.В.

ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ ОХРАНЫ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ ГРАЖДАНИНА ПРИ ОКАЗАНИИ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ

Цель: Исследование осуществления и защиты права граждан на медицинскую тайну, выявление проблем и противоречий в действующем законодательстве, предложение путей его совершенствования и развития.

Методология: Использовались как общие методы научного познания, так и специальные методы системного, формально-догматического, сравнительно-правового познания.

Результаты: В статье проанализирован правовой режим медицинской (врачебной) тайны, обосновано, что врачебная тайна является непременным условием защиты социального и правового статуса пациента. Установлено, что право на врачебную тайну, возникшее первоначально как этическое предписание, трансформируется в правовое правило, влекущее юридическую ответственность за его нарушение. Авторы исходят из того, что соблюдение и охрана врачебной тайны сводятся к недопущению противоправного вторжения в частную жизнь гражданина. Обосновывается, что правовые основания для ограничения права на неприкосновенность врачебной тайны должны устанавливаться только законом.

Новизна/оригинальность/ценность: Статья обладает высокой научной ценностью, поскольку является одной из первых попыток через призму практики ЕС выявить правовой режим врачебной тайны и ее правовое регулирование в Российской Федерации.

Ключевые слова: личные неимущественные права, охрана частной жизни гражданина, медицинская тайна, право на врачебную тайну, ограничения принципа неприкосновенности врачебной тайны.

Shevchuk S.S., Petrov N.V.

LEGAL GUARANTEES OF PROTECTION OF PRIVATE LIFE OF A CITIZEN IN THE PROVISION OF MEDICAL SERVICES

Purpose: To study the implementation and protection of the right of citizens to medical secrecy, to identify problems and contradictions in the current legislation, to suggest ways to improve and develop it.

Methodology: Both General methods of scientific knowledge and special methods of system, formal-dogmatic, comparative-legal were used.

Results: The article analyzes the legal regime of medical (medical) secrecy, justifies that medical secrecy is an indispensable condition for protecting the social and legal status of the patient. It is established that the right to medical secrecy, which originally arose as an ethical prescription, is transformed into a legal rule that entails legal responsibility for its violation. The authors assume that the observance and protection of medical confidentiality is reduced to preventing illegal invasion of a citizen's privacy. It is proved that the legal grounds for restricting the right to inviolability of medical confidentiality should be established only by law.

Novelty/originality/value: The Article has a high scientific value, as it is one of the first attempts to identify the legal regime of medical secrecy and its legal regulation in the Russian Federation through the prism of EU practice.

Keywords: personal non-property rights, protection of private life of a citizen, medical secrecy, right to medical secrecy, restrictions on the principle of inviolability of medical secrecy.

Основополагающей для утверждения социально-правового статуса гражданина является сложившаяся и охраняемая система нравственных и правовых ценностей, важное место в которой по праву принадлежит медицинской тайне (в узком смысле – врачебная тайна). Соблюдение и охрана права на врачебную тайну сводятся, прежде всего, к использованию кем бы то ни было информации о личной жизни гражданина, в том числе информации о состоянии его здоровья, лишь с его согласия.

Современная медицина непрерывно развивается: разрабатываются новые лекарства, появляются революционные методы лечения, изменяются подходы к диагностике. Все это отражается не только на отрасли в классическом понимании, но и на соответствующих правовых отношениях. Так, в Российской Федерации наблюдается значительный рост правовой грамотности населения в области медицины, а на первый план выходит обеспечение приватности частной жизни и, как следствие, сохранность личных данных человека и гражданина, включая медицинские данные. Судами все чаще рассматриваются споры о неправомерном разглашении или отказе в предоставлении медицинских сведений, в том числе увеличивается количество подобных дел и в Суде ЕС.

Разглашение обозначенных сведений может стоить пациенту места работы или даже жизни, поэтому в современном мире остро стоит вопрос о защите такой информации. В ЕС для обозначения медицинских данных используется термин

«чувствительные данные» – sensitive data. Однако российские законодатель и суды по факту занимают позицию, согласно которой охраняются только те медицинские сведения, которые можно отнести к врачебной тайне. В ст. 4 Федерального закона Российской Федерации «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в качестве основного принципа охраны здоровья закрепляется принцип соблюдения врачебной тайны. Тем самым право на врачебную тайну, возникшее первоначально как этическое правило, которому должен следовать каждый медик, трансформируется в правовое предписание, нарушение которого влечет предусмотренную законом юридическую ответственность.

Одновременно следует учитывать то, что тезис об абсолютном праве на врачебную тайну без учета интересов всего общества не может быть признан состоятельным. Если сохранение врачебной тайны грозит вредом обществу в целом или окружающим больного лицам, следует исходить из необходимости защиты их интересов, что нашло отражение в п. 3 ст. 55 Конституции РФ. Анализируя вышеизложенное, полагаем, что сущность соблюдения и охраны неприкосновенности частной жизни вообще и врачебной тайны в частности заключается в законодательном определении правового режима врачебной тайны.

В основу режима правового регулирования соответствующих отношений должны быть положены объективно-правовые требования, не обусловленные субъективным отношением к охране права на врачебную тайну пациента или каким-либо его поведением. Полагаем, что не должно иметь значения то, обращался ли пациент к врачу по поводу охраны соответствующих сведений или он относится к их разглашению безразлично. Не должно допускаться разглашение сведений, составляющих врачебную тайну, также лицами, которым они стали известны при обучении, прохождении практики, исполнении профессиональных или служебных обязанностей [1, с. 104].

Под правовым режимом обеспечения врачебной тайны понимается определенный в законодательстве режим овладения, использования и распространения любой информации о здоровье пациента. Объектом правовой охраны врачебной тайны будут являться сведения об определенном заболевании и факт обращения за медицинской помощью, в том числе режим оказания медицинских услуг, результаты медицинских исследований и т. п. [1, 7].

Мы поддерживаем позицию авторов, полагающих, что не должны подлежать огласке не только данные о самой болезни, но и сведения о функциональных особенностях организма больного, физических недостатках, вредных привычках, особенностях психики, интимных и семейных сторонах жизни [2, с. 15]. С учетом этого, на наш взгляд, понятие врачебной тайны, закрепленное в п. 1 ст. 13 ФЗ РФ «Об охране здоровья граждан в Российской Федерации», не может претендовать на полноту и объективность, в чем мы можем убедиться, обратившись к данной норме.

Обязанность соблюдения врачебной тайны возложена не только на врачей, но и на иных сотрудников медицинских организаций, участвующих в процессе оказания медицинской помощи. Вполне очевидно, что употребление в законодательстве термина «врачебная тайна» недостаточно корректно, поскольку при этом происходит неоправданное сужение круга лиц, обязанных сохранять тайну информации, полученной при исполнении должностных обязанностей, в связи с чем предлагаем использовать более широкое понятие – «медицинская тайна» [7].

Таким образом, в Российской Федерации для полноценной защиты персональных медицинских данных они должны быть квалифицированы судом как врачебная тайна. На наш взгляд, такой подход является слишком ограниченным и может мешать полноценной правовой защите персональных медицинских данных. Косвенно на это указывает и незначительное число судебных прецедентов, касающихся утечки медицинской информации. Иной подход прослеживается в практике Суда ЕС.

В отличие от отечественных судебных органов Суд ЕС уделяет особое внимание не только врачебной тайне, но и в принципе любой информации медицинского характера, которая стала известна третьим лицам или была ими разглашена.

Первый прецедент на данную тему был рассмотрен в 2003 г. (дело C-101/01, Lindquist, 06.11.2003) [3]. Заявитель обжаловал действия ответчика – миссис Линдквист, которая опубликовала в интернете данные о своих 18 коллегах без их согласия (имена, место работы, хобби, номера телефонов, семейное положение), а также тот факт, что один из них повредил ногу и находился на больничном. Она удалила данные, как только кто-то из коллег выразил свое несогласие, однако ей все равно было предъявлено обвинение в нарушении законодательства о защите данных. Суду необходимо было ответить на вопрос, является ли информация на домашней странице о том, что упомянутый коллега повредил ногу и находится на больничном по медицинским показаниям,

персональными медицинскими данными, которые согласно ст. 8 (1) Директивы не могут быть обработаны (Директива 95/46/ЕС Европейского парламента и Совета ЕС от 24 октября 1995 г. о защите физических лиц в отношении обработки личных данных и о свободном перемещении таких данных [4]; в 2000 году в ее развитие был принят Регламент Европейского парламента и Совета ЕС № 45/2001 от 18 декабря 2000 г. о защите отдельных лиц в отношении обработки персональных данных учреждениями и институтами Сообщества и о свободном перемещении таких данных [5] (далее – Регламент № 45/2001)). Европейский суд постановил: «Информация о том, что человек повредил ногу и находится на больничном, входит в понятие «персональные данные» по смыслу статьи 8 (1), так как это положение следует толковать широко, с тем чтобы охватить все аспекты как физического, так и психического здоровья человека».

Данный кейс дал толчок дальнейшему рассмотрению дел о неправомерном обращении с персональными медицинскими данными.

В деле F-46/09, V & EDPS v. European Parliament ответчик обжалует решение Европейского парламента об отказе заявителю в трудоустройстве на основании профессиональной непригодности. В период с февраля 1997 г. по март 2006 г. заявительница работала с перерывами в нескольких отделах Европейской комиссии (далее – Комиссия) на должности помощника или временного сотрудника совокупно около трех лет. Последняя должность, которую она занимала с сентября 2005 г. по март 2006 г., – помощник в Европейском бюро по борьбе с мошенничеством. 27 февраля 2006 г. заявительница получила уведомление о том, что она прошла отборочные испытания для занятия должности агента по полноценному рабочему контракту. В связи с этим ее имя было включено в окончательную базу данных кандидатов Европейского бюро по отбору персонала, успешно прошедших необходимые тестирования для занятия должности. Статус «успешного кандидата» сохраняется в течение трех лет.

В июне 2006 г. два главных управления Комиссии выразили желание принять на работу заявительницу. Она была приглашена для прохождения медицинского осмотра, по результатам которого должно было быть вынесено решение о ее пригодности для выполнения обязанностей в соответствии со ст. 83 Положений о персонале. 26 июня 2006 г. медицинская служба Комиссии в Брюсселе (Бельгия) провела медицинское обследование: заявительницу осмотрел доктор К. Уже 29 июня 2006 г. заявительница отправила электронное письмо г-ну Ф., главе медицинской службы Комиссии, с жалобой на предполагаемое ненадлежащее поведение д-ра К. по отношению к ней во время медицинского осмотра 26 июня 2006 г.

Г-н Ф. принял меры по расследованию жалобы, и, несмотря на отсутствие доказательств в отношении фактов ненадлежащего поведения врача К., было решено поручить рассмотрение дела заявителя другому доктору. 26 сентября 2006 г. медицинский работник Комиссии опубликовал медицинское заключение о том, что заявительница физически непригодна для занятия должности. Заявительница попыталась обжаловать данное решение, однако жалоба была отклонена.

Спустя два года заявительница была приглашена для занятия контрактной должности в парламенте. Для окончательного утверждения кандидатуры также было необходимо пройти медицинскую комиссию. Чтобы не затягивать процедуру, парламент запросил копию медицинской карты заявительницы у медицинской службы Комиссии. Оценив состояние здоровья заявительницы на основе предоставленной информации, парламент отозвал свое предложение о работе на том основании, что она не может работать ни в одном из учреждений ЕС. Заявительница подала жалобу на решение парламента на основании ст. 90 (2) Положений о персонале, которую парламент отклонил. Тогда заявительница решила обратиться в Суд. В исковом заявлении она утверждала, что ее медицинское досье, собранное Комиссией, должно было использоваться только в отношении ее найма Комиссией. По мнению истицы, парламент нарушил право на уважение частной жизни и правила, касающиеся защиты персональных данных, в частности относительно распространения медицинских данных и передачи медицинской карты, а также неправомерности вынесенного медицинским работником парламента решения. Она аргументировала это тем, что:

– во-первых, медицинский работник вынес свое заключение на основании документов Комиссии;

– во-вторых, эти документы должны были храниться в архивах Комиссии в соответствии с Руководством по процедурам медицинской службы не более шести месяцев, и, более того, поскольку заявительница не заняла должность в Комиссии, медицинские данные, полученные в ходе осмотра, не должны были быть внесены в медицинскую карту;

– в-третьих, ст. 6, 7 Регламента № 45/2001 запрещают передачу медицинских данных из Комиссии в парламент. Медицинские данные, хранящиеся в архивах Комиссии, были собраны исключительно с целью принятия заявительницы на работу в Комиссию, а значит, они не могут быть использованы в других целях и обработаны другой организацией;

– в-четвертых, задача медицинского работника парламента состоит в том, чтобы провести независимое медицинское обследование перед приемом на работу, а не расследовать историю болезни заявителя.

По мнению парламента, данное решение не нарушает правила о защите персональных данных, так как ст. 7 Регламента № 45/2001 предусматривает, что передача личных данных между учреждениями возможна, если они необходимы для законного выполнения задач, которые входят в компетенцию получателя. Рассматриваемый перевод был сделан для того, чтобы дать возможность парламенту выполнить одну из своих задач – проверку физической подготовленности кандидата перед устройством на работу. Кроме того, такая передача данных была оправдана заботой о том, чтобы избежать ненужных медицинских осмотров и дать администрации возможность получить полную информацию.

Рассмотрев доводы двух сторон, Суд постановил, что право на уважение частной жизни, закрепленное в ст. 8 ЕКПЧ и вытекающее из общих конституционных традиций государств-членов, является одним из основных прав, охраняемых правопорядком ЕС. В частности, оно включает в себя право человека хранить в тайне состояние своего здоровья. Передача третьему лицу, в том числе другому учреждению, персональных данных, относящихся к состоянию здоровья человека, собранных учреждением, представляет собой вмешательство в частную жизнь соответствующего лица независимо от того, каким образом получена информация. Регламент № 45/2001 действительно предусматривает осуществление межведомственных трансфертов, однако ст. 7 носит весьма общий характер. Кроме того, в ст. 6 говорится, что персональные данные обрабатываются только для целей, для которых они были собраны. Цель сбора Комиссией данных заключалась в определении пригодности заявителя для выполнения обязанностей на посту Комиссии. Использование их для определения ее пригодности к должности в парламенте означало бы изменение цели. Каждое учреждение является независимым работодателем и автономно в управлении своим персоналом. Изменение цели не предусмотрено ни в одном правовом тексте.

Суд отметил, что право на конфиденциальность медицинских данных охраняется законодательством ЕС не только для защиты частной жизни больных, но и для сохранения их доверия к медицинскому органу и медицинским услугам в целом. Ввиду чрезвычайно интимного и чувствительного характера медицинских данных возможность передачи или передача такой информации третьей стороне, даже если эта сторона является другим учреждением или органом ЕС, без согласия соответствующего лица запрещены. Регламент № 45/2001 предусматривает в связи с этим в ст. 10 (1), что обработка медицинских данных в принципе запрещена с учетом ограничений согласно ст. 10 (2).

Кроме того, парламент ни в коем случае не мог утверждать, что заявительница намеренно отказалась сообщить ему, что она работала в Комиссии или что она уже прошла медицинское обследование в другом учреждении. Из пунктов 29, 31 решения о непригодности очевидно, что администрация и заявительница договорились о том, что последняя должна направить в парламент в январе 2009 г. требуемый пакет документов. Таким образом, заявительница могла предоставить парламенту эту информацию до того, как она приступила к исполнению своих обязанностей, или по случаю медицинского осмотра, на который она была приглашена и который должен был состояться 7 января 2009 г.

Таким образом, Суд пришел к выводу, что, во-первых, заявительница не дала согласия на передачу своих данных. Во-вторых, перевод не был «необходим для целей соблюдения конкретных прав и обязанностей нанимателя в области трудового права» в соответствии со ст. 10 (2) (b). Обязанность парламента контролировать пригодность к службе могла быть достигнута менее интрузивными средствами. Суд ЕС присудил аннулировать решение парламента и выплатить заявительнице компенсацию в размере: 5 тыс. евро – материальный ущерб, 20 тыс. – моральный ущерб.

Обязанность сохранять врачебную тайну не должна прекращаться со смертью гражданина. Право на врачебную тайну, принадлежавшее умершему, может осуществляться и защищаться другими лицами, прежде всего, его наследниками. В данном случае прослеживается известный праву феномен «переживания» личными правами своего носителя. Полагаем, что защита прав лица после его смерти может осуществляться третьими лицами и в собственных интересах, на-

пример, если право на врачебную тайну касается наследственных заболеваний.

В п. 4. ст. 13 ФЗ РФ «Об охране здоровья граждан в Российской Федерации» закреплен перечень оснований предоставления сведений, составляющих врачебную тайну, без согласия гражданина или его законного представителя. В целом мы поддерживаем позицию законодателя по ограничениям права на неприкосновенность врачебной тайны, поскольку их основания оправданы публичными интересами и соответствуют требованиям ч. 2 п. 2 ст. 1 ГК РФ. Однако, судя по редакции п. 4 ст. 13 обсуждаемого закона, данный перечень является исчерпывающим и не подлежит расширительному толкованию, что не соответствует действительности [6, с. 103]. Многочисленными подзаконными правовыми актами значительно расширен перечень оснований для предоставления сведений, составляющих врачебную тайну, без согласия пациента (например, утвержденное Постановлением Правительства Российской Федерации Положение о военно-врачебной экспертизе). Полагаем, что признать правомерными ограничения субъективных прав граждан на врачебную тайну, предусмотренные подзаконными правовыми актами, не представляется возможным, поскольку гражданские права могут быть ограничены, как было отмечено ранее, только на основании федерального закона.

Пробелом представляется тот факт, что законом не определен круг лиц, имеющих право сообщать сведения, составляющие врачебную тайну. На наш взгляд, принятие решения о сообщении уполномоченным лицам сведений, составляющих врачебную тайну, должно входить в компетенцию администрации лечебной организации, что должно найти отражение в законе [7].

Следует иметь в виду, что некоторые лечебные организации обязуются оказывать медицинские услуги анонимно, не устанавливая личности пациента. Такая возможность предусмотрена законодательными актами. Например, ФЗ РФ «О предупреждении в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита (ВИЧ-инфекции)» гарантируется доступность медицинского освидетельствования, в том числе и анонимного. В данном случае возникает серьезная проблема достижения оптимального сочетания публичных и частных интересов. Несмотря на то, что анонимность лечения мешает искоренению многих распространенных заболеваний, тем не менее, обязательную диагностику предрасположенности к болезни законодатель не форсирует по той причине, что любое принуждение приводит к немедленной потере доверия к государственной медицине и повальному оттоку пациентов в частный сектор. Отсутствие достаточно развитого и сильного частного медицинского сектора может привести, в свою очередь, к тому, что принудительная регистрация больных повлечет потерю групп риска организациями государственной медицины, поэтому последствия принятия любых норм в этом отношении должны тщательно просчитываться. Тем не менее, представляется, что право пациента на анонимность также не должно иметь абсолютного, ничем не ограниченного характера [6].

Пристатейный библиографический список

1. Шевчук С.С., Петров Н.В. Проблемы ограничения личных неимущественных прав граждан в сфере оказания медицинских услуг: монография. Ставрополь, 2016.
2. Сергеев Ю.Д. Врачебная тайна и ее правовое обеспечение // Медицинский вестник. 2000. № 1.
3. Case C-101/01/ Criminal proceedings against Bodil Lindqvist [Электронный ресурс]. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:62001CJ0101&from=EN.
4. Directive 95/46/EC of the European Parliament and of the Council of 24 October 1995 on the protection of individuals with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data [Электронный ресурс]. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=CELEX%3A31995L0046.
5. Regulation (EC) № 45/2001 of the European Parliament and of the Council of 18 December 2000 on the protection of individuals with regard to the processing of personal data by the Community institutions and bodies and on the free movement of such data [Электронный ресурс]. URL: https://publications.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/0177e751-7cb7-404b-98d8-79a564ddc629/language-en.
6. Шевчук С.С. Правовой механизм ограничения личных неимущественных прав граждан в сфере здравоохранения: монография. Ставрополь: Ставрополь-сервисшкола, 2004.
7. Шевчук С.С., Ландина О.В. О некоторых проблемах ограничения субъективных гражданских прав в сфере здравоохранения // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 5. С. 102–110.

References (transliterated)

1. Shevchuk S.S., Petrov N.V. Problemy`ogranicheniya lichny`x neimushhestvenny`x prav grazhdan v sfere okazaniya medicinskix uslug: monografiya. Stavropol`, 2016.
2. Sergeev Yu.D. Vrachebnaya tajna i ee pravovoe obespechenie // Medicinskij vestnik. 2000. № 1.
3. Case C-101/01/ Criminal proceedings against Bodil Lindqvist [E`lektronny`j resurs]. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:62001CJ0101&from=EN.

4. Directive 95/46/EC of the European Parliament and of the Council of 24 October 1995 on the protection of individuals with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data [E`lektronny`j resurs]. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=CELEX%3A31995L0046.

5. Regulation (EC) № 45/2001 of the European Parliament and of the Council of 18 December 2000 on the protection of individuals with regard to the processing of personal data by the Community institutions and bodies and on the free movement of such data [E`lektronny`j resurs]. URL: https://publications.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/0177e751-7cb7-404b-98d8-79a564ddc629/language-en.

6. Shevchuk S.S. Pravovoj mexanizm ogranicheniya lichny`x neimushhestvenny`x prav grazhdan v sfere zdravooxraneniya: monografiya. Stavropol`: Stavropol`servisshkola, 2004.

7. Shevchuk S.S., Landina O.V. O nekotory`x problemax ogranicheniya sub``ektivny`x grazhdanskix prav v sfere zdravooxraneniya // Leningradskij yuridicheskij zhurnal. 2015. № 5. C. 102–110.

Проведем оценку имущества для любых целей:

- ✓ Недвижимости для оспаривания кадастровой стоимости
- ✓ Ущерба от залива, пожара, действий третьих лиц, после ДТП
- ✓ Бизнеса, ценных бумаг, нематериальных активов
- ✓ Движимого и недвижимого имущества
- ✓ Машин и оборудования

Бесплатная консультация
Срок исполнения от 1 часа
Доставка отчетов курьером

Выполнение с учетом требований законодательства

Проведем профессиональную экспертизу:

Строительно-техническую
Землеустроительную
Инженерно-технологическую
Пожарно-техническую
Автотехническую
Почерковедческую
Подлинности документов
Оценочную
Товароведческую
Бухгалтерскую

Профессионализм экспертов и современные методики проведения исследований в сжатые сроки обеспечивают максимально достоверные результаты!

Входим в ТОП-70 крупнейших компаний России, работающих на рынке оценки. *

*По итогам 2017 года согласно рейкингу Рейтингового агентства RAEX («Эксперт РА»)

Платинум
группа компаний

м. Электрозаводская,
г. Москва, пл. Журавлева, д. 2, стр. 2, офис 321
ocenka-m.com • info@ocenka-m.com
8 (800) 100-50-01 • 8 (495) 308-15-15

Чудиновских М.В.

КОНТРОЛЬ ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ДИСТАНЦИОННЫХ РАБОТНИКОВ: ПРЕДЕЛЫ, ВОЗМОЖНОСТИ, СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

Цель: Исследование законности механизмов контроля за деятельностью дистанционных работников в условиях цифровой экономики.

Методология: Использовались сравнительно-правовой метод и анализ судебной практики, в том числе Европейского суда по правам человека.

Результаты: В статье представлен обзор теоретических концепций российских и зарубежных ученых в области организации контроля за деятельностью дистанционных работников. Дана оценка методам контроля за дистанционными работниками, особое внимание уделено возможностям организации гласного и негласного наблюдения с помощью специального программного обеспечения. На основании анализа практики Европейского суда по правам человека сделан вывод о том, что негласное наблюдение, контроль за перепиской относятся к избыточному контролю, который нарушает права человека и может стать причиной конфликтов и судебных споров.

Новизна/оригинальность/ценность: На основании синтеза теоретических и практических методов исследования разработаны рекомендации по организации контроля за деятельностью дистанционных работников.

Ключевые слова: дистанционная работа, контроль, цифровая экономика, программы слежения, законность, Европейский суд по правам человека.

Chudinovskikh M.V.

CONTROLLING TELEWORKERS: LIMITS, OPPORTUNITIES, JUDICIAL PRACTICE

Purpose: Research the legality of mechanisms for monitoring the activities of teleworkers in the digital economy.

Methodology: Comparative legal method and analysis of judicial practice, including the practice of the European court of human rights.

Results: The article provides an overview of the theoretical concepts of Russian and foreign scientists in the field of organization of control over the activities of teleworkers. The methods of monitoring are evaluated, and special attention is paid to the possibilities of organizing public and secret surveillance using special software. Based on the analysis of the practice of the European court of human rights, it is concluded that covert surveillance and monitoring of correspondence refers to excessive control that violates human rights and can cause conflicts and legal disputes.

Novelty/originality/value: Based on the synthesis of theoretical and practical research methods, recommendations for the organization of controlling teleworkers are developed.

Keywords: telework, control, digital economy, tracking programs, legality, European court of human rights.

В условиях цифровой экономики все большее распространение получает дистанционная работа. Дополнительным импульсом к увеличению дистанционных рабочих мест стала эпидемия COVID–19. Большинство организаций столкнулось с необходимостью экстренного перехода к дистанционному режиму работы. В США и странах Европейского союза накоплен достаточно большой опыт организации дистанционной работы, в то время как многие российские компании и органы государственной власти практически не сталкивались с подобным форматом до 2020 г. [1]. Переход на дистанционный режим работы требует организации эффективной системы постановки задач и контроля за их исполнением. Интеграция цифровых технологий в кадровую политику и практику должна приносить пользу общему благосостоянию сотрудников и оцениваться не только с точки зрения их эффективности и действенности, но также с точки зрения законности, равенства и справедливости для всех сотрудников.

Вопрос организации контроля в сфере дистанционной работы рассматривается зарубежными исследователями уже более 20 лет [2, 3]. Как указывает Ван Оммерен, основная проблема контроля за дистанционными работниками заключается в том, что трудно проверить присутствие работника, время и качество его работы [4]. Выбор метода контроля определяется спецификой и отраслевой принадлежностью компании, а также имеющимся опытом организации взаимодействия с дистанционными работниками. По данным российских исследователей, именно вопрос контроля за дистанционными работниками является одним из наиболее трудных вопросов организационного характера [5, с. 9–16]. Отсутствие опыта организации дистанционной работы привело к тому, что многие российские компании начали внедрять «жесткие» методы контроля, в том числе с использованием специального программного обеспечения, которое позволяет, в том числе, делать скрытую видео- и аудиозапись. Показатель-

ными являются и названия некоторых программ, которые предлагают не просто контролировать дистанционного работника, но и «убивать» его за лень и бездействие. Невысокая цена программного обеспечения способствует реализации желания работодателя негласно контролировать своих работников. Особенно остро стоит проблема избыточного контроля для наименее квалифицированных дистанционных работников, например секретарей, диспетчеров, операторов.

Для определения пределов и возможностей организации контроля необходимо систематизировать и нормы законодательства, и практику его применения. В соответствии со ст. 15 Трудового кодекса РФ работник должен выполнять свою трудовую функцию лично под управлением и контролем работодателя. Статья 22 ТК РФ закрепляет за работодателем право требовать соблюдения правил внутреннего трудового распорядка, принимать локальные нормативные акты (в том числе в части регулирования процедур контроля за деятельностью работников), а также привлекать работников к дисциплинарной и материальной ответственности. В российской правоприменительной практике уже накоплен опыт разрешения споров по вопросам организации контроля с применением компьютерных технологий. Так, работница была уволена за то, что использовала компьютер в личных целях для игр и развлечений, а также незаконное копирование служебной информации на съемные носители.

С помощью специального программного обеспечения был сделаны снимки рабочего стола, доказывающие запуск компьютерной игры в рабочее время. Ответчица сослалась на то, что снимок рабочего стола не может быть доказательством того, что именно она запускала игру. Однако суд счел убедительным довод работодателя о том, что в организации локальными нормативными актами был установлен порядок использования компьютерной техники, согласно которому для доступа используется индивидуальный логин и пароль, закрепленный за работником. Суд в рассматриваемом деле встал на сторону работодателя [6]. Представленный пример показывает, что контроль и слежка за работниками может оказать существенное влияние на их карьеру, деловую репутацию, состояние здоровья. Увольнение по дисциплинарным основаниям негативного влияет на статус работника, его здоровье, дальнейшую карьеру.

В мировой практике вопрос о правомерности контроля с помощью компьютерных программ, пределах вмешательства в частную жизнь неоднократно становился предметом судебного разбирательства. И решения все чаще выносятся в пользу работников. Показательным является дело «Барбулеску против Румынии» [8]. Румынский инженер в 2007 г. был уволен за то, что использовал для личной переписки мессенджер в рабочее время. Как работник компании он был уведомлен о запрете использования рабочего оборудования в личных целях. Заявитель жаловался на то, что прекращение его контракта было вызвано нарушением его права на уважение личной жизни и корреспонденции, а суды страны не защитили это право. Первоначально ЕСПЧ принял решение не в пользу работника. Однако затем в 2017 г. дело повторно было рассмотрено Большой Палатой ЕСПЧ. В деле были учтены не только доводы румынской стороны, но также и комментарии от властей Франции и Европейской конфедерации профсоюзов, участвовавших в деле в качестве третьих сторон. В решении 2017 г. по делу Барбулеску ЕСПЧ выявил нарушение статьи 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, так как суды Румынии не установили относящиеся к делу факты и не смогли уравновесить надлежащим образом право заявителя на уважение его личной жизни и корреспонденции и интересы работодателя. По делу была установлена значительная компенсация морального вреда – в размере 200 тыс. евро.

В 2017 г. ЕСПЧ принял знаковое решение по жалобе Антович и Миркович против Черногории [9]. Заявители оспаривали законность установления видеонаблюдения в аудиториях университета. Первоначально они подавали жалобу в агентство по защите персональных данных. Агентство приняло решение о снятии камер. Однако суды Черногории впоследствии встали на сторону университета. ЕСПЧ в своем решении указал, что «скрытое видеонаблюдение за сотрудниками на их рабочем месте может рассматриваться как существенное вторжение в их личную жизнь, влекущее фиксированную и воспроизводимую документацию поведения на рабочем месте, которой не могли избежать сотрудники, связанные договорным обязательством работать в этом месте» [10]. Продолжая эту логику, можно сделать вывод о том, что установление видеонаблюдения за дистанционным работником также представляет собой существенное вторжение в личную жизнь, причем не только самого работника, но и членов его семьи. Учитывая такую практику, можно сделать вывод о том, что заявленный функционал возможности формирования скриншотов с вебкамер дистанционных работников является незаконным.

Анализ судебной практики показывает, что избыточный контроль отрицательно влияет на благополучие работников. В случае судебного разбирательства ЕСПЧ присуждает достаточно высокие компенсации морального вреда (таблица 1).

Представляется справедливым мнение С. Станева о том, что само наличие технических возможностей контроля за дистанционными работниками не означает их законность и уместность [11]. Организация правомерного и эффективного контроля за действиями работниками в российской практике требует соблюдения ряда условий. Работодатель имеет право контролировать деятельность работников, в том числе дистанционных. Использование специального программного обеспечения само по себе не запрещается. Однако его негласное использование является незаконным. Работник имеет право на получение полной и достоверной информации о процедурах контроля. На необходимость принятия работодателем локального нормативного акта указывает Конституционный Суд Российской Федерации [12]. В случае возникновения трудового спора работодатель должен будет доказать, что предпринял все меры для защиты своих прав и интересов и прав работника, в том числе разработал и утвердил внутренний документ. Работник должен быть ознакомлен с таким актом под подпись, что следует из требований ст. 68 и 86 ТК РФ.

Степень контроля должна соответствовать защите законных прав и интересов работодателя. К избыточному контролю могут быть отнесены следующие действия: использование скрытого видеонаблюдения и аудиозаписей, установка специального программного обеспечения без уведомления работника, контроль за личной перепиской и телефонными переговорами. При разработке мер контроля необходимо учитывать, что работодатель обязан обеспечить неприкосновенность личной жизни работника. Сложность организации контроля за дистанционными работниками связана с тем, что их деятельность часто осуществляется из дома. Проведение скрытой аудио- и видеозаписи приводит к нарушению прав не только самого работника, но и членов семьи.

Признавая необходимость контроля за дистанционными работниками, следует определять его разумные пределы и не допускать нарушения права на защиту частной жизни. Оптимальным вариантом представляется осуществление контроля не путем слежки, а путем планирования задач, которые работник должен выполнить за определенный период времени. Методы жесткого контроля с развитием организационной культуры следует постепенно заменять на мягкие, ориентируюсь на систему KPI, систему командного контроля, развитие инструментов самоконтроля.

Таблица 1

Компенсации морального вреда в случаях избыточного контроля за работниками в практике ЕСПЧ

Дело	Фабула	Компенсация морального вреда
Бэрбулеску (Barbulescu) против Румынии [8]	Заявитель обжаловал увольнение за использование электронной почты и мессенджеров в рабочее время в личных целях	200 тыс. евро
Антович и Миркович против Черногории [9]	Преподаватели оспаривали законность видеонаблюдения в университете	1 тыс. евро
Лопес Рибалда и другие против Испании [10]	Кассиры оспаривали законность скрытого видеонаблюдения	4 тыс. евро

Пристатейный библиографический список

1. Чудиновских М.В. Государственная политика управления дистанционной занятостью: опыт России и США // Известия Байкальского государственного университета. 2019. № 4. С. 646–652.
2. Handy C. Trust and the virtual organization: How do you manage people whom you do not see? // Harvard Business Review. 1995. № 73. С. 40–50.
3. Dimitrova D. Controlling teleworkers: Supervision and flexibility revisited // New Technology, Work and Employment. 2003. № 18. С. 181–195.
4. Van Ommeren J. Performance management and compensation // Managing telework. Perspectives from human resource management and work psychology. London: Thomas Learning, 2000. С. 149–157.
5. Конобевцев Ф.Д., Лаас Н.И., Гурова Е.В., Романова И.А. Удаленная работа: технологии и опыт организации // Вестник ГУУ. 2019. № 7. С. 9–16.
6. Апелляционное определение Тульского областного суда от 26.05.2016 по делу № 33-1715/2016 [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru.
7. Cabeza Pereiro J., Rodríguez Rodríguez E. Is the Employer Entitled to Survey Employee's Internet Communications in the Workplace? Case of «Barbulescu v. Romania» // Freire F., Rúas Araújo X., Martínez Fernández V., García X. (eds). Media and Metamedia Management. Advances in Intelligent Systems and Computing. Vol. 503. Springer, 2017.
8. Постановление ЕСПЧ от 05.09.2017. Дело «Бэрбулеску (Barbulescu) против Румынии» (жалоба № 61496/08) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru.

9. Информация о Постановлении ЕСПЧ от 28.11.2017 по делу «Антович и Миркович (Antovic and Mirkovic) против Черногории» (жалоба № 70838/13) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru.

10. Информация о Постановлении ЕСПЧ от 09.01.2018 по делу «Лопес Рибалда и другие (Lopez Ribalda and Others) против Испании» (жалоба № 1874/13) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2018. № 7.

11. Станев С. Контроль за перепиской работников в свете практики Европейского суда по правам человека // Трудовое право. 2018. № 7. С. 63–70.

12. Постановление Конституционного Суда РФ от 26.10.2017 № 25-П «По делу о проверке конституционности пункта 5 статьи 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в связи с жалобой гражданина А.И. Сушкова» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru.

References (transliterated)

1. Chudinovskix M.V. Gosudarstvennaya politika upravleniya distancionnoj zanyatost`yu: opy`t Rossii i SShA // Izvestiya Bajkal`skogo gosudarstvennogo universiteta. 2019. № 4. S. 646–652.

2. Handy C. Trust and the virtual organization: How do you manage people whom you do not see? // Harvard Business Review. 1995. № 73. S. 40–50.

3. Dimitrova D. Controlling teleworkers: Supervision and flexibility revisited // New Technology, Work and Employment. 2003. № 18. S. 181–195.

4. Van Ommeren J. Performance management and compensation // Managing telework. Perspectives from human resource management and work psychology. London: Thomas Learning, 2000. S. 149–157.

5. Konobevcev F.D., Laas N.I., Gurova E.V., Romanova I.A. Udalennaya rabota: texnologii i opy`t organizacii // Vestnik GUU. 2019. № 7. S. 9–16.

6. Apellyacionnoe opredelenie Tul`skogo oblastnogo suda ot 26.05.2016 po delu № 33-1715/2016 [E`lektronny`j resurs]. URL: http://www.consultant.ru.

7. Cabeza Pereiro J., Rodríguez Rodríguez E. Is the Employer Entitled to Survey Employee's Internet Communications in the Workplace? Case of «Barbulescu v. Romania» // Freire F., Rúas Araújo X., Martínez Fernández V., García X. (eds). Media and Metamedia Management. Advances in Intelligent Systems and Computing. Vol. 503. Springer, 2017.

8. Postanovlenie ESPCh ot 05.09.2017. Delo «Be`rbulesku (Barbulescu) protiv Rumy`nii» (zhaloba № 61496/08) [E`lektronny`j resurs]. URL: http://www.consultant.ru.

9. Informaciya o Postanovlenii ESPCh ot 28.11.2017 po delu «Antovich i Mirkovich (Antovic and Mirkovic) protiv Chernogorii» (zhaloba № 70838/13) [E`lektronny`j resurs]. URL: http://www.consultant.ru.

10. Informaciya o Postanovlenii ESPCh ot 09.01.2018 po delu «Lopes Ribalda i drugie (Lopez Ribalda and Others) protiv Ispanii» (zhaloba № 1874/13) // Byulleten` Evropejskogo Suda po pravam cheloveka. Rossijskoe izdanie. 2018. № 7.

11. Stanev S. Kontrol` za perepiskoj rabotnikov v svete praktiki Evropejskogo suda po pravam cheloveka // Trudovoe pravo. 2018. № 7. S. 63–70.

12. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 26.10.2017 № 25-P «Po delu o proverke konstitucionnosti punkta 5 stat`i 2 Federal`nogo zakona «Ob informacii, informacionny`x texnologiyax i o zashhite informacii» v svyazi s zhaloboj grazhdanina A.I. Sushkova» [E`lektronny`j resurs]. URL: http://www.consultant.ru.

ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Мы рады представить вашему вниманию

ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА

Деятельность нашего института направлена на разработку актуальных проблем юридической науки в евразийском правовом пространстве. Институт проводит фундаментальные и прикладные исследования в области государственно-правовых наук, международного права, адвокатуры и нотариата, социологии права, политологии, интерэкоправа, изучает закономерности правотворческой, правоприменительной и правоохранительной деятельности, разрабатывает на этой основе практические рекомендации, принимает участие в разработке законопроектов, содействует повышению профессионального уровня юристов, организует и участвует в проведении научных мероприятий, оказывает консультационные услуги в области права, а также редакционно-издательские услуги.

Приглашаем вас к сотрудничеству!

Контактная информация:

Website: www.eurasniipp.ru E-mail: info@eurasniipp.ru Телефон: +7-917-40-61-340

Растегари С.

ПРЕДЕЛЫ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА НА ИНФОРМАЦИЮ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Цель: Цель исследования – изучить вопросы пределов ограничения доступа к информации. Актуальность выбранной темы подчеркивается внимательным отношением стран к способам получения информации, обмена данными, в том числе и в сети «Интернет».

Методология: При исследовании вопросов применялись теоретико-правовой и сравнительно-аналитический методы. Новизна работы заключается в анализе оборота информации на таких веб-ресурсах, как Darknet и Deepweb.

Результаты: Приведены основные положения, которыми следует руководствоваться законодательным органам государств и международным организациям, чтобы сохранить баланс между правом на получение информации и его ограничением.

Новизна/оригинальность/ценность: В работе поднимаются проблемы квалифицированного обеспечения безопасности личных сведений о гражданах при их размещении в открытом и закрытом доступе. Исследуются международные, европейские и российские нормы права, которые обеспечивают доступ к информационным ресурсам и регулируют ограничение на получение закрытых сведений.

Ключевые слова: информация, личные данные, конвенции ООН, международное право, интернет.

Rastegari S.

LIMITS OF THE RESTRICTION OF THE HUMAN RIGHT TO INFORMATION IN INTERNATIONAL LAW

Purpose: To study the limits of restricting access to information. The relevance of the chosen topic is emphasized by the careful attitude of countries to the ways of obtaining information and exchanging data, including on the Internet.

Methodology: Theoretical and legal and comparative-analytical methods were used to study the issues. The novelty of the work lies in the analysis of information turnover on such web resources as Darknet and Deepweb.

Results: The main provisions that should guide the legislative bodies of States and international organizations in order to maintain a balance between the right to receive information and its restriction are presented.

Novelty/originality/value: The paper raises the problems of qualified security of personal information about citizens when they are placed in open and closed access. International, European and Russian legal norms that provide access to information resources and regulate restrictions on obtaining private information are studied.

Keywords: information, personal data, UN conventions, international law, restriction of access to information.

Кто владеет информацией – тот владеет миром. Это великолепное высказывание наиболее актуальным кажется в нашем современном обществе, где тотальная цифровизация всех без исключения сфер общественной жизни приводит к новым горизонтам, дает новые возможности. Но вместе с тем поднимает новые вопросы, о которых раньше не приходилось задумываться. И именно юридическая область подвергается поэтапному реформированию. На международной арене диктуются новые правила игры. Роль права во внешней политике, безусловно, носит главенствующий характер. Закрепляя основополагающие принципы взаимоотношений стран, нормы права часто не коррелируют с трансформацией самой природы отношений индивидуума и государства. И в этих случаях такой вид фундаментального права, который заложен в самой сути эволюции, как право человека на информацию, уже не может быть истолкован однозначно. Основные принципы, касающиеся взаимоотношений государства, общества, юридических и физических лиц, имеющие прямую отсылку к обороту информации, способам ее получения и ограничения, закреплены на внутринациональном и международном уровне. Внутригосударственное закрепление таких прав обычно отражается в конституциях стран, а на международном уровне важнейшим актом является Всеобщая декларация прав человека ООН, в статье 19 которой указано право человека на получение и распространение информации [1]. Некоторые правоведы предрекают становление новой отрасли международного права – информационной, отводя ей самостоятельную роль [2, с. 6].

Как отмечают ученые-правоведы, роль международно-правовых стандартов в сфере регулирования информационных прав и свобод – важная и активно развивающаяся часть предмета регулирования международного публичного права и международного информационного права [3, с. 52].

По уровню доступа данные можно условно делить на личные, общественно доступные и закрытые. Ограничение права доступа граждан или организаций к определенному виду информации, безусловно, продиктовано в первую очередь, исходя из интересов национальной безопасности. К личной информации мы относим персональные данные, информацию о здоровье, частную жизнь.

В России права на неприкосновенность личной жизни закреплены в статье 23 Конституции. Важнейшее право человека на самовыражение неразрывно связано с правом получать и передавать информацию, идеи и мысли без вмешательства и независимо от границ.

Не секрет, что сегодня большую часть информации граждане получают из сети «Интернет» и публикуют там же. Именно этот ресурс является важнейшим способом реализации принципов статьи 19 Всеобщей декларации прав человека [4, с. 189]. Одновременно повышается уровень угроз, которые происходят по вине недобросовестных пользователей сети. Интернет имеет несколько уровней и делится на общепринятые обозначения: непосредственно сам Internet, Darknet и Deepweb. Deepweb – это та область интернета, на сайты которой по разным причинам невозможно попасть с помощью стандартных гиперссылок. Некоторые ресурсы скрывают данные для индексации ботами поисковых систем с помощью файла robots.txt. Все, что касается Даркнета, может представлять потенциальную угрозу. Попасть туда можно, только используя специальные подключения, обмен данными происходит с использованием туннелей. Принято считать, что любую закрытую информацию можно получить в Даркнете. Безусловно, правительства и органы безопасности всех стран глубоко обеспокоены существованием подобного рода возможностей коммуникации и обмена данными, когда практически никак нельзя повлиять на ситуацию, и риск распространения секретных данных очень велик. То и дело происходят утечки важных данных. В открытый доступ попадают личные данные пользователей, информация о счетах, имуществе, здоровье, персональные данные. Поэтому приоритетом в международном праве в области распространения, хранения информации и доступа к ней является урегулирование и регламентирование действий пользователей и владельцев ресурсов по обеспечению безопасной навигации по сети. Противодействие преступности в компьютерной сфере – это всегда проблемный и противоречивый аспект [5, с. 165]. С одной стороны, нужно обеспечить свободу, с другой – полную безопасность пользователей и сведений, которые они могут оставлять на ресурсах. Европейские страны разрабатывают рекомендации для пользователей интернета, подтверждая право на получение и поиск информации. Сюда можно отнести Рекомендацию Комитета Министров Совета Европы к Руководству по правам человека для интернет-пользователей и Рекомендацию о свободном трансграничном движении информации в интернете. Акты подтверждают, что интернет является общественно значимым ресурсом. Пользователям должна быть обеспечена поддержка, чтобы они могли понимать и активно пользоваться своими правами и свободами онлайн [6].

Немаловажным актом в этой области является Конвенция о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды (Орхусская конвенция). Учитывая масштабы последствий экологических катастроф, таких как авария атомного реактора на АЭС Фукусима–1 или загрязнение акватории на Камчатке 2020 года, мы понимаем, что власти обязаны своевременно информировать не только своих граждан, но и соседние государства в обязательном порядке. И пределов здесь быть не может, грифы «секретно» для таких крупных аварий не просто неуместны, но являются прямым преступлением против жизни и здоровья. Принципы доступа к информации, указанные в этой Конвенции, закрепляют права граждан на благоприятную окружающую среду [7, с. 62].

Обращаясь к проблемам пределов доступа, мы понимаем, что предоставление прав на поиск информации не должно нарушать права на защиту частной жизни, защиту от внешних и внутренних угроз, защиту коммерческих, профессиональных и личных тайн. В связи с этим в России действует несколько законов, регламентирующих оборот информации. В первую очередь стоит отметить Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ и Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ. Персональные данные – все те данные, по которым можно идентифицировать личность: имя, адрес e-mail, адрес прописки. Часто приходится заполнять сведения о себе, и операторы обязаны соблюдать правила обработки таких сведений. Если идет речь о приобретении товара онлайн, то, указывая адрес доставки и имя, люди передают свои личные данные администрации сайта, которая, в свою очередь, становится обработчиком и обязана охранять их от недобросовестного внимания со стороны третьих лиц. Как было указано выше, личные данные людей по всему миру с устрашающей регулярностью оказываются по тем или иным причинам в общественном доступе. Штраф за нарушение законодательства Российской Федерации в области персональных данных предусмотрен статьей 13.11 КоАП РФ и может достигать восемнадцати миллионов ру-

блей. Более того, обработчик должен быть официально зарегистрирован в Роскомнадзоре. Для этого необходимо указать, какие данные будут собираться, кто и как их будет обрабатывать, у каких лиц с какими полномочиями есть доступ, будет ли проводиться трансграничная передача данных или нет. Нужно понимать, что могут быть и исключения. Если человек по своей воле разместил о себе персональную информацию в открытом доступе, то тогда уже на ознакомление с конкретно этими данными не будет распространяться режим ограничения. Он добровольно их сделал общедоступными.

Ярким примером ограничения возможности ознакомиться с определенными материалами является Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», его принятие стало вполне логичным и своевременным решением, учитывая объем негативно влияющих материалов на несовершеннолетних. Надо отметить, что подобный вид цензуры на международном уровне не новелла. Американская Конвенция о правах человека 1969 года также предусматривает цензуру в отношении материалов для подростков [8].

В каких случаях еще мы можем найти примеры оправданной политики ограничения доступа к информации? Стоит понимать, что определенный вид информации попадает под понятие «государственная тайна» в целях государственной безопасности. Эти вопросы регулируются внутренним законодательством стран. В России действует Федеральный закон «О государственной тайне» от 21.07.1993 № 5485-1. Перечень данных, в отношении которых может действовать режим ограничения, и цели введения ограничения доступа указаны в ст. 9 ФЗ № 149. Важно, что лимит устанавливается только федеральными законами [9, с. 82].

Если приводить в пример нормы иностранных государств, можно сказать, что во многом они схожи с российскими. Например, Федеральная комиссия по регулированию энергетики США разработала свои стандарты понятий того, что может попасть под гриф «секретно». Это материалы, связанные с национальной безопасностью, которые требуют максимальной степени защиты. Проверка на присвоение категории «Совершенно секретно» заключается в ответе на вопрос, можно ли разумно ожидать, что несанкционированное разглашение информации нанесет исключительно серьезный ущерб национальной безопасности. Примеры особо серьезных случаев могут включать боевые действия против Соединенных Штатов или их союзников; нарушение международных отношений, влияющее на национальную безопасность; компрометацию жизненно важных планов национальной обороны или сложных криптологических и информационных систем связи; выявление секретных разведывательных операций; раскрытие научных или технологических достижений, жизненно важных для национальной безопасности [11].

Сложности применения общих стандартов, принятых на международном уровне, для России заключаются, как ни странно, именно во внутренних нормах. Основной закон нашей страны в последних поправках закрепил приоритет внутреннего законодательства над международным. Таким образом, мы понимаем, что некоторые нормы международных пактов просто не будут применяться.

Международный пакт о гражданских и политических правах в статье 20 налагает прямой запрет на пропаганду войны, выступления с заявлениями, дискриминирующими людей по половой, религиозной или расовой принадлежности. А это и есть явный предел ограничения свободы на распространение определенного вида материалов.

Разумные и оправданные пределы, безусловно, должны быть. Но тотальный контроль за гражданами, внедрение интернет-цензуры (на примере Китайской Республики) может привести, скорее, к обратным последствиям – изоляции и деградации стран, которые планируют внедрять такую политику в отношении своих граждан. Люди уже научились обходить запреты с помощью VPN. Федеральный закон от 01.05.2019 № 90-ФЗ, который предполагает создание суверенного интернета в России, заслуживает пристального внимания со стороны правозащитников. Функционирование сетей связи попадает под абсолютную зависимость от органов исполнительной власти [10, с. 336].

Резюмируя вышеизложенное, стоит сделать следующие выводы.

По объему передаваемой информации интернет выходит на первое место в мире, опережая СМИ. Будущее информационных потоков абсолютно точно за интернетом, который будет меняться, трансформироваться и усложняться. Вместе с этим будет увеличиваться и уязвимость безопасности всех IT-систем и ресурсов. Создание внутреннего резерва безопасной среды обмена данными на случай глобальных изменений должно стать приоритетом внутренней политики раз-

вития государств в IT-сфере. Нужно устанавливать разумные пределы допуска к информации, особенно для уязвимых слоёв – несовершеннолетних. Идея свободы поиска данных и самовыражения, закрепленная в самых разных конвенциях, должна оставаться приоритетом, наряду с обеспечением безопасности такого поиска.

Пристатейный библиографический список

1. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/3f30b673efce96c7eae8e3d78c44ad34994ffa3c.
2. Середа В.В., Карась А.Ю. Международный обмен информацией в рамках международно-правового регулирования // Научные стремления. 2015. № 16. С. 54–57.
3. Нугманов Н.А. Международно-правовое регулирование информационных прав человека и границы их возможного правового ограничения // European Science. 2016. № 11 (21). С. 48–53.
4. Мылтыкбаев М.Ж. Право на доступ к интернету: проблемы международно-правового признания и защиты // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9. № 3-1. С. 188–193.
5. Степанов-Егиянц В.Г. Безопасное обращение компьютерной информации и проблемы международного правотворчества // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 2. С. 164–170.
6. Рекомендация CM/Rec(2014)6 Комитета министров государствам – членам Совета Европы к Руководству по правам человека для интернет-пользователей [Электронный ресурс]. URL: https://www.refworld.org.ru/pdfid/55cb537c4.pdf.
7. Барбашова Н.В. Проблемы реализации права свободного доступа к экологической информации // Известия Юго-Западного государственного университета. История и право. 2019. Т. 9. № 5. С. 58–67.
8. Американская Конвенция о Правах Человека. Принята Межамериканской конференцией по правам человека 22 ноября 1969 г. в Сан-Хосе [Электронный ресурс]. URL: https:// https://www.refworld.org.ru/pdfid/561292294.pdf.
9. Минбалеев А.В. Принципы информационного права // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Право. 2015. Т. 15. № 1. С. 79–84.
10. Терёхина А.В. Правовое регулирование «суверенного интернета» в системе обеспечения безопасности государства // Актуальные проблемы науки и практики: Гатчинские чтения–2019: сборник научных трудов по материалам VI Международной научно-практической конференции. 2019. С. 333–336.
11. Electronic Code of Federal Regulations (e-CFR) [Электронный ресурс]. URL: https://www.law.cornell.edu/cfr/text/18/3a.11.

References (transliterated)

1. Vseobshhaya deklaraciya prav cheloveka (prinyata General`noj Assambleej OON 10.12.1948) [E`lektronny`j resurs]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/3f30b673efce96c7eae8e3d78c44ad34994ffa3c.
2. Sereda V.V., Karas` A.Yu. Mezhdunarodny`j obmen informaciej v ramkax mezhdunarodno-pravovogo regulirovaniya // Nauchny`e stremleniya. 2015. № 16. S. 54–57.
3. Nugmanov N.A. Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie informacionny`x prav cheloveka i granicy ix vozmozhnogo pravovogo ogranicheniya // European Science. 2016. № 11 (21). S. 48–53.
4. My`lty`kbaev M.Zh. Pravo na dostup k internetu: problemy` mezhdunarodno-pravovogo priznaniya i zashhity` // Voprosy` rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. 2019. T. 9. № 3-1. S. 188–193.
5. Stepanov-Egiyancz V.G. Bezopasnoe obrashhenie komp`yuternoj informacii i problemy` mezhdunarodnogo pravotvorchestva // Istoricheskaya i social`no-obrazovatel`naya my`sl`. 2015. T. 7. № 2. S. 164–170.
6. Rekomendaciya CM/Rec(2014)6 Komiteta ministrov gosudarstvam – chlenam Soveta Evropy` k Rukovodstvu po pravam cheloveka dlya internet-pol`zovatelej [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.refworld.org.ru/pdfid/55cb537c4.pdf.
7. Barbashova N.V. Problemy` realizacii prava svobodnogo dostupa k e`kologicheskoj informacii // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya i pravo. 2019. T. 9. № 5. S. 58–67.
8. Amerikanskaya Konvenciya o Pravax Cheloveka. Prinyata Mezhamerikanskoj konferenciej po pravam cheloveka 22 noyabrya 1969 g. v San-Xose [E`lektronny`j resurs]. URL: https:// https://www.refworld.org.ru/pdfid/561292294.pdf.
9. Minbaleev A.V. Principy` informacionnogo prava // Vestnik Yuzhno-Ural`skogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. 2015. T. 15. № 1. S. 79–84.
10. Teryoxina A.V. Pravovoe regulirovanie «suverennogo interneta» v sisteme obespecheniya bezopasnosti gosudarstva // Aktual`ny`e problemy` nauki i praktiki: Gatchinskie chteniya–2019: sbornik nauchny`x trudov po materialam VI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. 2019. S. 333–336.
11. Electronic Code of Federal Regulations (e-CFR) [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.law.cornell.edu/cfr/text/18/3a.11.

Гармаев Ю.П.

ТИПИЧНЫЕ ЗАБЛУЖДЕНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И МЕР ПО БОРЬБЕ С НИМИ. ОПРОВЕРЖЕНИЕ ЗАБЛУЖДЕНИЙ

Цель: Повышение эффективности реализации мер по профилактике коррупционных преступлений.

Методология: В статье использованы аналитический, формально-юридический, сравнительно-правовой, классификационный методы, ситуационный, практико-ориентированный и просветительский подходы.

Результаты: Выделены и проанализированы три группы типичных заблуждений (и опровержений к ним):

– по поводу противоправности и наказуемости коррупционных преступлений (уголовно-правовые заблуждения);

– криминалистического и оперативно-розыскного характера;

– по поводу защиты от обвинения в коррупционном и / ином преступлении.

Обобщение, анализ и опровержение типичных заблуждений относительно коррупционных преступлений и мер по борьбе с ними позволит повысить эффективность комплексных, междисциплинарных мер по профилактике коррупции, антикоррупционному просвещению, антикоррупционному комплаенсу.

Новизна/оригинальность/ценность: В статье типичные заблуждения относительно коррупционных преступлений и мер по борьбе с ними впервые классифицированы на три группы. В предшествующих немногочисленных работах на сходную тему рассматривались лишь заблуждения уголовно-правового характера. Оригинальность и ценность предложенного подхода – в его междисциплинарности, а также в ориентированности на адаптированные для населения средства антикоррупционного просвещения, которые могут быть реализованы, в том числе, адвокатами по уголовным делам.

Ключевые слова: антикоррупционное просвещение, профилактика коррупции, антикоррупционный комплаенс, борьба с коррупцией, оперативно-розыскная деятельность, типичные заблуждения, защита от обвинения в коррупционном преступлении.

Garmaev Y.P.

TYPICAL MISCONCEPTIONS ABOUT CORRUPTION CRIMES AND MEASURES TO COMBAT THEM. REFUTATION OF DELUSIONS

Purpose: To improve the efficiency of the implementation of measures to prevent corruption crimes.

Methodology: Analytical, formal-legal, comparative-legal, classification methods, situational, practice-oriented and educational approaches are used.

Results: Three groups of typical misconceptions (and refutations to them) were identified and analyzed:

– on the unlawfulness and punishability of corruption crimes (criminal delusions);

– forensic and operational-search character;

– regarding the defense against charges of corruption and / other crimes.

Generalization, analysis and refutation of typical misconceptions about corruption crimes and measures to combat them will increase the effectiveness of comprehensive, interdisciplinary measures to prevent corruption, anti-corruption education, and anti-corruption compliance.

Novelty/originality/value: In the article, typical misconceptions about corruption crimes and measures to combat them are for the first time classified into three named groups. In the few previous works on a similar topic, only delusions of a criminal law nature were considered.

The originality and value of the proposed approach lies in its interdisciplinarity, as well as in focus on anti-corruption education tools adapted for the population, which can be implemented, among other things, by lawyers in criminal cases.

Keywords: anti-corruption education, prevention of corruption, anti-corruption compliance, fight against corruption, operational investigative activities, typical delusions, protection from accusations of corruption crimes.

Как известно, заблуждение – это разновидность ошибки, характеризующаяся принятием за истину того, что ею не является. Это уклонение от истины в сторону ложного суждения, неверного по существу. Это может быть ложная парадигма, ложная цель, неверное мнение, ошибочный вывод, выдвигаемые как истинные и составляющие убеждение, принципы, правила действия человека. Не зря говорят, что за свои заблуждения человек расплачивается. Заблуждение часто соседствует с истиной, но ею не является. В быту слово «заблуждение» также употребляется в значении «уйти с дороги», «бродить», «ошибаться», «погрешить» [1].

Изучение уголовных дел о коррупционных преступлениях показывает, что большинство осужденных граждан были вовлечены в преступную деятельность, как говорится, не только и не столько по злому умыслу или паталогической склонности к коррупции, а в силу заблуждений относительно непреступности, ненаказуемости, невыявляемости этих преступлений. Эти заблуждения активно используются опытными коррупционерами с целью вовлечения в преступную деятельность наивных, беспечных и малокомпетентных в уголовно-правовой сфере людей.

Другой разновидностью опасных для населения заблуждений являются те, что связаны с неверным отношением к защите от обвинения в целом и к профессиональной защите в частности; с неэффективным, несвоевременным выбором адвоката-защитника.

Изложенная гипотеза дает основания для ее разработки в том смысле, что один из основных методов профилактики коррупционных преступлений и псевдоборьбы с коррупцией заключается в описании и опровержении существующих вокруг нее типичных заблуждений или мифов.

Например, если говорить о профилактике коррупции в коммерческих и иных организациях в рамках мер по антикоррупционному комплаенсу [3], сотрудникам соответствующих уполномоченных подразделений (комплаенс-офицеры, кадровая служба и др.) следует изучить самим и довести до всех сотрудников и менеджмента компании перечисленные ниже заблуждения и их опровержения, по возможности сопровождая эту информацию практическими примерами, изложенными в доступной форме. Например, так, как это изложено в данной статье. В целом в контексте антикоррупционного и, шире, правового просвещения населения следует ознакомить с этой информацией как можно больше людей из самых широких кругов населения.

Предлагаемая просветительская информация будет не менее полезна адвокатам, которым зачастую, наряду с юридическими консультациями и разъяснениями по поводу прав и законных интересов доверителей, необходимо заниматься просветительской деятельностью. Особенно если речь идет о постоянных «клиентах», о представителях организаций на абонентском обслуживании и т. п.

Типичные заблуждения по поводу противоправности и наказуемости коррупционных преступлений

Здесь речь идет о заблуждениях, которые возникают в связи с незнанием норм Уголовного кодекса РФ. Это ошибочные ментальные установки по поводу противоправности либо правомерности тех или иных действий, бездействия. Чтобы их опровергнуть, необходимо распространять адаптированную информацию об основных уголовно-правовых признаках типичных коррупционных преступлений. Приведем неполный перечень соответствующих заблуждений с опровержениями (подобный, но не идентичный перечень был ранее сформулирован П.С. Яни и Н.В. Прохоровым [9]).

1. Предмет взятки и коммерческого подкупа – это не только деньги, ценные бумаги, как многие заблуждаются, но и иное имущество либо незаконное оказание услуг имущественного характера, предоставление иных имущественных прав (см. ч. 1 ст. 290 УК РФ). Так, по одному из уголовных дел было признано предметом коммерческого подкупа (ч. 5 ст. 204 УК РФ в действующей редакции) получение председателем некоммерческого партнерства «Водно-моторный клуб» трех бутылок коньяка за предоставление места для стоянки маломерного судна от его собственника. По другому делу сотрудника полиции привлекли к уголовной ответственности за взятку в виде двух бутылок пива. Множество лиц осуждены за взятки и коммерческий подкуп в виде оказания возмездных услуг: ремонт жилья, автомашины, освобождение от оплаты обучения в вузе и т. п.

2. Получение / дача взятки, или предмета коммерческого подкупа, – это не только вознаграждение до предоставления «услуги» (взятка-подкуп или, как говорится, «деньги вперед»), как многие заблуждаются, но и после ее оказания (взятка-благодарность). Например, одного из руководителей налоговых органов осудили за взятку в виде телевизора, переданного через два года после увольнения его с должности, но за действия, которые он совершил ранее по службе.

3. Вопреки распространенному заблуждению коммерческий подкуп или взятка за законные действия по службе, за то, что управленец или должностное лицо и так вправе или обязаны были сделать, – это тоже преступление (сравним ч. 1 (за законные действия) и п. «б» ч. 3 ст. 204 УК РФ (за незаконные действия).

4. Дача взятки должностному лицу (предмета коммерческого подкупа – управленцу) – это передача ему вознаграждения не только за действия, входящие в его должностные (служебные) полномочия, как многие заблуждаются, но и за то, чему он может способствовать в силу должностного (служебного) положения. А если речь идет о должностном лице, то передача ему взятки является преступным деянием еще и за общее покро-

вительство или попустительство по службе (см. ч. 1 ст. 290 УК РФ, ч. 1 ст. 291.2 УК РФ; ч. 1 ст. 204 УК РФ). Например, коммерческим подкупом может быть признана регулярная передача управленцу коммерческой организации якобы подарков за то, что он, будучи сам не вправе принимать соответствующее решение, но могущий ему способствовать, регулярно рекомендует совету директоров своей организации конкретного поставщика продукции, услуг.

5. Вопреки распространенному заблуждению, у предмета взятки и коммерческого подкупа фактически нет минимального размера. Есть мелкая взятка (мелкий коммерческий подкуп) – до 10 000 рублей (ст. 291.2 и 204.2 УК РФ), «обычная» взятка (коммерческий подкуп) – от 10 000 до 25 000 рублей (ч. 1 ст. 290, ч. 5 ст. 204 УК РФ) (напоминаем, что передача взятки (предмета коммерческого подкупа), посредничество в этих преступлениях также уголовно наказуемы, но по иным статьям УК РФ: ст. 291, ч. 1–4 ст. 204 УК РФ, ст. 291.1, 204.1 УК РФ), взятка (коммерческий подкуп) в значительном размере – от 25 000 до 150 000 рублей (ч. 2 ст. 290, ч. 6 ст. 204 УК РФ), взятка (коммерческий подкуп) в крупном и особо крупном размере – от 150 000 и 1 000 000 рублей и свыше 1 000 000 рублей соответственно (ч. 5 и 6 ст. 290, п. «г» ч. 7 и ч. 8 ст. 204 УК РФ). Однако все эти виды взяток и коммерческого подкупа преступны и уголовно наказуемы. Даже в самой недавней судебной практике есть примеры осуждения за взятку и подкуп в размере 100–200 рублей.

Но не все, что передается должностным лицам и управленцам, дарится им, является взяткой. Есть то, что они принять вправе. Либо это наказуемо, но не по уголовному закону, а, например, в дисциплинарном порядке. Речь идет об «обычном подарке» и «протокольном подарке».

6. «Обычный подарок» – это не взятка и не коммерческий подкуп, независимо от размера. Но надо знать, условно говоря, два отличия. Обычный подарок – это то, что: 1) подарено в соответствии с неким обычаем, традицией, например подарки ко дню рождения, профессиональным и иным праздникам, женщинам – к 8 Марта и т. п.; 2) является предметом, условно говоря, договора дарения, то есть сделки без условий, что никак не подходит под понятие взятки или коммерческого подкупа.

Например, зачастую гражданин, предприниматель настойчиво хочет отблагодарить должностное лицо за добросовестно выполненную им просьбу. Так, в практике встречаются случаи попыток подарить чиновнику от лица коммерческой организации персональный компьютер под предлогом, что это «для работы». Если в организации, где работает чиновник, нет специального регламента приема подарков, пожертвований от различных лиц, должностное лицо обязано отказаться от любого подобного «подарка», даже если это всего лишь пачка бумаги для печати рабочих документов. Согласие на получение подобных «благодарностей» также, в зависимости от конкретных обстоятельств, образует состав преступления (получение взятки или превышение полномочий и т. п.) либо дисциплинарного правонарушения. К тому же чиновники должны понимать, что есть высокая вероятность провокации преступления со стороны недобросовестного гражданина, предпринимателя (в том числе со стороны лиц, сотрудничающих с оперативно-розыскными подразделениями правоохранительных органов), а также шантажа, попыток манипулировать «уже прикормленным» должностным лицом.

7. Если складывается ситуация, в которой нужно официально вручить подарок должностному лицу, то важно понимать следующее. От обычного подарка и от взятки (коммерческого подкупа) следует отличать подарок в связи с протокольными мероприятиями, служебными командировками и другими официальными мероприятиями (протокольный подарок). Лицам, замещающим государственные (муниципальные) должности, государственным (муниципальным) служащим и некоторым иным категориям физических лиц [6] запрещено сразу обращать эти подарки в свою собственность. Они могут их получить. Однако в течение трех рабочих дней на них лежит обязанность представить письменное уведомление в уполномоченное подразделение своей организации. В случае если стоимость подарка превышает 3000 рублей (или стоимость неизвестна), его необходимо сдать, однако остается возможность в дальнейшем выкупить его по установленной процедуре. Подарок стоимостью менее 3000 рублей может быть возвращен получившему его лицу.

Типичные заблуждения, связанные с незнанием некоторых малоизвестных или относительно новых норм Уголовного кодекса РФ

Вопреки распространенному заблуждению, помимо взяточничества и коммерческого подкупа в УК РФ предусмотрены наказания за иные коррупционные, иные служебные и при этом почти незнакомые многим предпринимателям и иным гражданам преступления, например:

8. Злоупотребив своими полномочиями (ст. 285, 201 УК РФ), должностное лицо или управ-

ленец может сесть на скамью подсудимых, даже если он не имел при этом корыстной заинтересованности, но имел при этом «иную личную заинтересованность» (Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 (ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий», п. 16).

9. Должностные лица (для управленцев коммерческих и иных организаций аналогичная норма не предусмотрена), допустив по неосторожности преступную халатность (ст. 293 УК РФ), могут получить судимость, даже не имея умысла, прямого намерения причинить какой-либо вред.

10. Многие ошибочно полагают, что коррупция – это только незаконная деятельность чиновников и управленцев. Между тем стать коррупционером, иным преступником по УК РФ можно, не только будучи должностным лицом или управленцем. Например, дающим взятку или предмет коммерческого подкупа (ст. 291, 291.2, ч. 1–4 ст. 204, 204.2 УК РФ) или коррупционным посредником (ст. 291.1 и 204.1 УК РФ) может стать буквально любой, кому исполнилось 16 лет. Каждому следует предупредить своих родственников, друзей и близких. В отдельных регионах бóльшая часть всех зарегистрированных коррупционных преступлений – это покушение на дачу взятки (ст. 33 и 291 УК РФ), а не получение взятки (ст. 290 УК РФ).

11. Вопреки распространенному заблуждению, стать соучастником (ст. 3 УК РФ) получения взятки, коммерческого подкупа, злоупотребления полномочиями, хищения по службе, иного коррупционного и, шире, служебного преступления может любой человек. Причем даже если он не имел целью наживу, а, например, просто выполнял приказ, поручение, просьбу своего начальства.

12. Заблуждение: «Это не преступление, а просто маленькая деловая хитрость». Это заблуждение зиждется на существующем в массовом сознании представлении о том, что некоторые коррупционные преступления, например «подарок» должностному лицу или управленцу в связи с профессиональным праздником, а на деле (скрыто) – за общее покровительство в вопросах государственных закупок, являются вовсе не преступлением, а проявлением искренней человеческой благодарности. И / или это своего рода справедливое соревнование между конкурирующими субъектами предпринимательства. И если один из предпринимателей оказался умнее и энергичнее другого, то незаконно полученное им преимущество на торгах – это не преступление, а «выигрыш в игре». Однако следует помнить, что любой из приводимых в настоящей статье видов и способов коррупционных деяний преступен и уголовно наказуем. А критерии малозначительности по отношению к их правовой оценке работают слабо.

13. Заблуждение: «Если человек попытался дать взятку, «откат», похитить что-либо с использованием служебного положения, но ничего не получилось, то это не преступление». На самом деле в УК РФ предусмотрена уголовная ответственность не только за оконченное преступление, но и за приготовление к нему и покушение. Приготовление является преступным, только если оно совершено применительно к тяжкому или особо тяжкому преступлению, но при этом любое покушение преступно (см. ст. 30 УК РФ). Например, гражданин решил незаконно получить пособие по безработице, попытавшись для этого вступить в преступный сговор с должностным лицом – инспектором центра занятости населения. Уже только начав с ним разговор о предоставлении за взятку поддельной справки о получении статуса безработного, проситель, вероятно, совершает сразу два преступления:

– приготовление или покушение на дачу взятки должностному лицу за незаконные действия (ч. 1 или 3 ст. 30, ч. 3 ст. 290 УК РФ) – тяжкое преступление;

– приготовление к мошенничеству при получении выплат (ч. 1 ст. 30 и ч. 3 или 4 ст. 159.2 УК РФ) – тяжкое преступление.

Итак, коррупционные преступления – это разнообразные общественно опасные деяния, даже за попытку совершения которых (приготовление или покушение) виновным зачастую грозит не только лишение свободы, но и иные уголовные наказания, например крупные штрафы. Помимо собственно уголовных наказаний преступникам в ряде случаев грозит конфискация имущества, полученного в результате совершения преступлений. Так что виновных ждут значительные имущественные потери. Причем они будут во много раз выше, чем ожидаемая выгода от преступлений.

Отдельно можно выделить целую серию типичных заблуждений криминалистического и оперативно-розыскного характера. Если предыдущие заблуждения и их опровержение были как-то связаны с уголовным законом и уголовным правом, то криминалистические и оперативно-розыскные заблуждения в большей мере основаны на соответствующих, условно говоря, «неуголовно-правовых» критериях. Этих заблуждений

еще больше, нежели вышеизложенных [3, с. 174–188]. Например:

14. Заблуждение: «Оперативно-розыскные мероприятия, например прослушивание телефонных переговоров, проведенные до возбуждения уголовного дела непроцессуальными способами, незаконны, равно как и записи разговоров, сделанных обычными гражданами. Все это не может использоваться в доказывании вины лиц, подозреваемых в коррупции». Это не так. Пункт 36.1 ст. 5 УПК РФ признает результатами ОРД те сведения, которые получены в соответствии с Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» [8]. То есть если ФЗ «Об ОРД» не нарушен, то результаты ОРД могут быть введены в уголовный процесс. Большинство ОРМ, результаты которых в дальнейшем становятся доказательствами по делам о коррупционных преступлениях, проводятся до возбуждения уголовного дела и успешно преобразуются в доказательства. То же самое касается аудио- и видеозаписей разговоров (и иных событий), сделанных тайно или открыто обычными людьми на телефоны, диктофоны и т. п. Их легализуют в уголовном процессе, в том числе путем проведения осмотров и экспертиз (фоноскопических, авторoведческих и иных).

Типичные заблуждения по поводу защиты от обвинения в коррупционном и / или ином преступлении

15. Заблуждение: «Если начато уголовное преследование в отношении человека, то он наверняка совершил что-то незаконное. Видимо, он коррупционер. Дыма без огня не бывает». Это заблуждение, опасное для самого человека и всего общества. Приведем примерную статистику, вернее, сильно огрубленную, упрощенную (для легкости восприятия) статистическую картину. Предположим, в каком-то небольшом регионе, городе за полугодие зарегистрировано 100 заявлений и сообщений о коррупционных преступлениях. То есть в отношении каких-то людей уже появились подозрения, и у них начались проблемы. Из них примерно по двум третям уголовные дела не будут возбуждены (принимается решение об отказе в возбуждении дела). Условно говоря, из 30 возбужденных уголовных дел до суда дойдет около половины, например 15 дел (преступлений). Остальные будут прекращены полностью или частично, приостановлены. Правда, многие (около половины) – по нереабилитирующим человека основаниям. Из направленных в суд 15 дел (человек) 10–12 дел закончатся вступлением в законную силу обвинительных приговоров. Остальные дела могут быть прекращены судом или же направлены обратно прокурору и т. п. И, наконец, весьма малая часть закончится оправдательными приговорами.

Итак, из 100, условно говоря, подозреваемых виновными по решению суда в итоге окажутся примерно 10–12 человек. Остальные 88–90 человек либо вообще ни в чем не были виноваты (или их вина не была доказана, что юридически одно и то же), либо следствие и суд посчитали, что их вина не столь существенна, чтобы судить их и приговаривать к уголовному наказанию. Нетрудно посчитать, в отношении примерно скольких людей возникшее подозрение в совершении коррупционного преступления было незаконным или необоснованным. Людям и даже целым организациям свойственно ошибаться. Правоохранительные и судебные органы не исключение.

Однако считаем недопустимым прямо или косвенно поддерживать формирование негативного имиджа всей правоохранительной и судебной систем. Ошибки и нарушения закона случаются в любой профессиональной деятельности. Факты незаконного и необоснованного привлечения к уголовной и иной юридической ответственности физических лиц и компаний имеются как в России, так и в иных, в том числе в экономически развитых, странах мира [10, 11].

Это значит, что, если против человека начато уголовное преследование, это еще не означает, что в итоге его осудят и признают виновным. Это презумпция невиновности в действии. Иными словами, за свою честь, доброе имя и свободу каждому еще можно и нужно побороться.

16. Следующее заблуждение, производное от предыдущего: «Противодействовать уголовному преследованию по делам о коррупционном преступлении опасно и безнравственно». Это заблуждение типично даже, вернее, прежде всего, для людей с высокими моральными принципами, несколько идеализирующих работу правоохранительных и судебных органов. На самом деле противодействовать уголовному преследованию (равно как и административному, налоговому расследованию и т. п.) можно, а иногда и нужно. Но делать это надо только средствами, не запрещенными законом. При этом адвокат-защитник не просто вправе, а обязан противодействовать уголовному преследованию, даже если он субъективно уверен в виновности своего подзащитного. Адвокат обязан честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством РФ средствами (п. 1 ч. 1 ст. 7 Федерального закона Российской Федерации от 31 мая 2002 года № 63-

ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»). Более того, за неисполнение либо ненадлежащее исполнение своих профессиональных обязанностей адвокат несет ответственность, предусмотренную законом (ч. 2 ст. 7 ФЗ № 63-ФЗ). То есть во многих типичных ситуациях отказ, уклонение от противодействия, более того, применение неэффективных, недостаточно профессиональных способов противодействия уголовному преследованию – это правонарушение или нарушение профессиональной адвокатской этики [2].

17. И еще одно заблуждение, производное от предыдущего: «Пока гром не грянул, зачем беспокоиться?! Если будет начато уголовное преследование, мы всегда сможем найти и выбрать хорошего адвоката. И он выручит, защитит». Проблема в том, что в значительной доле всех типичных ситуаций начала уголовного преследования по обвинению в коррупционном преступлении времени на поиск и разумный выбор адвоката попросту не бывает. А у выбранного адвоката нет времени разобраться в ситуации, проконсультировать, посоветовать линию защиты. В ситуации запоздалого выбора защитника человек совершает множество фатальных ошибок в рамках доследственной или служебной проверки, в общении со следователем, при задержании, аресте, первом допросе и т. п. Здесь же зачастую совершается и еще одна, стратегическая, ошибка – человек выбирает «не того» адвоката: неквалифицированного или без нужной специализации, тайно сотрудничающего со следствием («карманный»), адвоката-«решалу» (пытающегося дать взятку следователю или взять деньги «под него») и т. п. [4].

Да, квалифицированный и добросовестный адвокат действительно может оказать существенную помощь, защитить от уголовного преследования и даже зачастую добиться его прекращения. Однако настоятельно рекомендуется обратиться к квалифицированному советнику по правовым вопросам как можно раньше. По возможности еще до возбуждения уголовного дела и даже до начала доследственной проверки, например в момент, когда у человека появились предположения, что начинаются служебная проверка или оперативно-розыскные мероприятия против него, его коллег и близких. Еще лучше – абонентское обслуживание адвокатом (специализированным адвокатским образованием) организации, в которой работают люди с высокими коррупционными рисками.

Таковы только некоторые типичные заблуждения, связанные с коррупционными преступлениями, и их опровержения. Данный перечень может быть расширен по ряду направлений в ходе реализации мероприятий в рамках антикоррупционной профилактики, антикоррупционного просвещения.

Пристатейный библиографический список

1. Безрукова В.С. Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога). Екатеринбург, 2000 // Официальный сайт «Академик» [Электронный ресурс]. URL: https://spiritual_culture.academic.ru/817/Заблуждение.

2. Гармаев Ю.П. Проблемы теории и практики преодоления противодействия уголовному преследованию // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: материалы XXIII международной научно-практической конференции (2–3 апреля 2020 г.): в 2 ч. / отв. ред. Д.В. Ким; Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации». Красноярск: СибЮИ МВД России, 2020. Ч. 1. С. 185–186.

3. Гармаев Ю.П., Иванов Э.А., Маркунцов С.А. Антикоррупционный комплаенс в Российской Федерации: междисциплинарные аспекты: монография. М.: ИД Юриспруденция, 2020.

4. Как выбрать адвоката. Книга 1: Основы выбора в уголовном процессе: учеб.-практич. пособ. / колл. авт. под общ. ред. Ю.П. Гармаева. М.: ТилКом, 2020.

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 (ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Постановление Правительства РФ от 09.01.2014 № 10 «О порядке сообщения отдельными категориями лиц о получении подарка в связи с их должностным положением или исполнением ими служебных (должностных) обязанностей, сдачи и оценки подарка, реализации (выкупа) и зачисления средств, вырученных от его реализации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Федеральный закон Российской Федерации от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Федеральный закон Российской Федерации от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 02.08.2019) «Об оперативно-розыскной деятельности». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Яни П.С., Прохоров Н.В. Антикоррупционный комплаенс в уголовно-правовой сфере: содержательный элемент // Российская юстиция. 2018. № 9. С. 44–57.

10. Cruz J.M. Police Misconduct and Political Legitimacy in Central America // Journal of Latin American Studies. 2015. № 47(2). P. 251–283.

11. Stinson P.M.Sr., Liederbach J., Buerger M., Steven L. & Brewer Jr. To protect and collect: a nationwide study of profit-motivated police crime. Criminal Justice Studies //

A Critical Journal of Crime, Law and Society. 2018. № 31 (3). P. 310–331.

References (transliterated)

1. Bezrukova V.S. Osnovy` duxovnoj kul`tury` (e`nciklopedicheskij slovar` pedagoga). Ekaterinburg, 2000 // Oficial`ny`j sajt «Akademik» [E`lektronny`j resurs]. URL: https://spiritual_culture.academic.ru/817/Zabluzhdenie.

2. Garmaev Yu.P. Problemy` teorii i praktiki preodoleniya protivodejstviya ugolovnomu presledovaniyu // Aktual`ny`e problemy` bor`by` s prestupnost`yu: voprosy` teorii i praktiki: materialy` XXIII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (2–3 aprelya 2020 g.): v 2 ch. / otv. red. D.V. Kim; Federal`noe gosudarstvennoe kazennoe obrazovatel`noe uchrezhdenie vy`sshego obrazovaniya «Sibirskij yuridicheskij institut Ministerstva vnutrennix del Rossijskoj Federacii». Krasnoyarsk: SibYuI MVD Rossii, 2020. Ch. 1. S. 185–186.

3. Garmaev Yu.P., Ivanov E`.A., Markunczov S.A. Antikorrupcionny`j komplaens v Rossijskoj Federacii: mezhdisciplinarny`e aspekty`: monografiya. M.: ID Yurisprudenciya, 2020.

4. Kak vy`brat` advokata. Kniga 1: Osnovy` vy`bora v ugolovnom processe: ucheb.-praktich. posob. / koll. avt. pod obshh. red. Yu.P. Garmaeva. M.: TilKom, 2020.

5. Postanovlenie Plenuma Verxovnogo Suda RF ot 16.10.2009 № 19 (red. ot 24.12.2019) «O sudebnoj praktike po delam o zloupotreblenii dolzhnostny`mi polnomochiyami i o prevy`shenii dolzhnostny`x polnomochij». Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy` «Konsul`tantPlyus».

6. Postanovlenie Pravitel`stva RF ot 09.01.2014 № 10 «O poryadke soobshheniya otdel`ny`mi kategoriyami licz o poluchenii podarka v svyazi s ix dolzhnostny`m polozheniem ili ispolneniem imi sluzhebny`x (dolzhnostny`x) obyazannostej, sdachi i ocenki podarka, realizacii (vy`kupa) i zachisleniya sredstv, vy`ruchenny`x ot ego realizacii». Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy` «Konsul`tantPlyus».

7. Federal`ny`j zakon Rossijskoj Federacii ot 31 maya 2002 goda № 63-FZ «Ob advokatskoj deyatel`nosti i advokature v Rossijskoj Federacii». Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy` «Konsul`tantPlyus».

8. Federal`ny`j zakon Rossijskoj Federacii ot 12 avgusta 1995 g. № 144-FZ (red. ot 02.08.2019) «Ob operativno-rozy`sknoj deyatel`nosti». Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy` «Konsul`tantPlyus».

9. Yani P.S., Proxorov N.V. Antikorrupcionny`j komplaens v ugolovno-pravovoj sfere: soderzhatel`ny`j e`lement // Rossijskaya yusticiya. 2018. № 9. S. 44–57.

10. Cruz J.M. Police Misconduct and Political Legitimacy in Central America // Journal of Latin American Studies. 2015. № 47(2). R. 251–283.

11. Stinson P.M.Sr., Liederbach J., Buerger M., Steven L. & Brewer Jr. To protect and collect: a nationwide study of profit-motivated police crime. Criminal Justice Studies // A Critical Journal of Crime, Law and Society. 2018. № 31 (3). R. 310–331.

EURASIAN LEGAL PORTAL

ЕВРАЗИЙСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ПОРТАЛ

Наш портал состоит из следующих разделов:

- *Законопроекты*
- *Принятые законы*
- *Судебная практика*
- *Пресс-релизы*
- *Юридические статьи*
- *Юридические вузы*
- *Юридическая школа в лицах*
- *Новости*
- *Наши партнеры*
- *Институт законодательства*
- *Бесплатная юридическая консультация*

www.eurasialegal.info

Целями проекта являются:

1. Создание информативной актуальной научной базы в области права для успешного ориентирования в современном юридическом мире.

2. Свободный обмен теоретическими и практическими знаниями в области права в рамках Содружества Независимых государств (СНГ).

Наша задача заключается в постоянном усовершенствовании портала, предоставлении полной и достоверной информации пользователям, внедрении новых актуальных проектов, интересных юридических источников и привлечении к развитию проекта профессиональных юристов для взаимовыгодного сотрудничества.

Маркеев А.И., Цукерблат Д.М.

СООТНОШЕНИЕ ПРАВА И МОРАЛИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННОГО СУДЬИ

Цель: Рассмотреть актуальные вопросы профессиональной этики российских судей. Выявить интересы устойчивого развития России, связанные с усилением роли морально-этических компонентов в деятельности современных судей.

Методология: Использовались методы структурно-функционального анализа, системный метод, формально-юридический метод, метод изучения документов, метод включенного наблюдения.

Результаты: Во всех сферах юридической деятельности происходит перестройка и переосмысление многих сложившихся, ставших традиционными элементов судопроизводства, сопряженного с множеством нравственных проблем. К их числу можно отнести систему взаимосвязи беспристрастного правосудия и правил профессиональной этики. Классическая модель судейской этики начинает дополняться новыми элементами, механизмами, концепциями. С философской точки зрения, концепт морали трактуется как форма общественного сознания, представляющая систему нравственных норм и правил. Безусловно, авторитет Закона зависит напрямую от тех людей, которые олицетворяют собой профессионализм и нравственность. Эти обстоятельства в настоящее время требуют повышенного внимания к формированию личности. Сегодня никого не надо убеждать в том, что имеет место кризис моральных устоев современного российского общества и взаимосвязанных с ним правовых институтов. Этим объясняется пристальное внимание к деятельности судов, поскольку она в той или иной мере затрагивает интересы всех его членов, и ее результаты самым непосредственным образом сказываются на обеспечении безопасности личности, общества и государства, реализации прав, свобод и законных интересов. В таком контексте выявленные случаи коррупции, конфликта интересов, других нарушений законодательства и этических требований со стороны отдельных представителей судебного сообщества представляются достаточно серьезными. Внимание к ним со стороны населения включает прежде всего правоприменительную практику, требует активизации деятельности специальных комиссий по рассмотрению нарушений судейской этики. Меры реагирования позволяют надеяться, что затруднения в этой сфере в обозримой перспективе будут эффективно преодолеваться. Это даст возможность в полной мере утвердить высокий и непререкаемый авторитет судей, а также их важнейшую роль в обществе и государстве.

Новизна/оригинальность/ценность: Статья представляет научную ценность, так как авторы предприняли попытку показать векторы и возможности сопряжения новых тенденций в развитии профессиональной этики судьи с концептуальными и практическими аспектами формирования функционально-целевого предназначения судебной власти. Новые тенденции, в той или иной степени получившие развитие в XXI веке, необходимо учитывать при разработке и осуществлении интеграционной модели устойчивого развития России, которая напрямую связана с усилением морально-этической компоненты в деятельности современных судей с учетом их особой роли в правовой системе и в обществе в целом.

Ключевые слова: суд, судья, судебная власть, этика, мораль, ответственность.

Markeev A.I., Tsukerblat D.M.

CORRELATION OF LAW AND MORALITY IN THE ACTIVITY OF A MODERN JUDGE

Purpose: To consider current issues of professional ethics of Russian judges. To identify the interests of sustainable development of Russia related to the strengthening of the role of moral and ethical components in the activities of modern judges.

Methodology: Methods of structural and functional analysis, system method, formal and legal method, method of studying documents, method of included observation were used.

Results: In all areas of legal activity, there is a restructuring and reinterpretation of many existing, traditional elements of legal proceedings, which are associated with a lot of moral problems. These include the system of interrelationship between impartial justice and professional ethics rules. The classic model of judicial ethics is beginning to be supplemented with new elements, mechanisms, and concepts. From a philosophical point of view, the concept of morality is interpreted as a form of social consciousness, representing a system of moral norms and rules. Of course, the authority of the Law depends directly on those people who represent professionalism and morality. These circumstances currently require increased attention to the formation of personality. Today, no one needs to be convinced that there is a crisis in the moral foundations of modern Russian society and its interconnected legal institutions. This explains the close attention to the activities of the courts, since they affect the interests of all its members in one way or another, and their results directly affect the security of the individual, society and the state, the realization of rights, freedoms and legitimate interests. In this context, the identified cases of corruption, conflicts of interest, other violations of legislation and ethical requirements on the part of individual representatives of the judicial community are quite serious. Attention to them from the population includes primarily law enforcement practice, requires the activation of special commissions to review violations of judicial ethics. The response measures allow us to hope that difficulties

in this area will be effectively overcome in the foreseeable future. This will make it possible to fully assert the high and unquestionable authority of judges, as well as their crucial role in society and the state.

Novelty/originality/value: The article has a scientific value, since the authors attempted to show the vectors and possibilities of combining new trends in the development of professional ethics of judges with the conceptual and practical aspects of the formation of the functional purpose of the judiciary. New tendencies, in varying degrees, were developed in the twenty-first century, must be considered when designing and implementing the integration model of sustainable development of Russia, which is directly linked to strengthening the moral and ethical components of modern judges, given their special role in the legal system and in society in general.

Keywords: court, judge, judicial power, ethics, morality, responsibility.

Актуальность вопросов, связанных с анализом профессиональной этики российских судей, сомнений не вызывает. В современном обществе соотношение права и морали имеет особое значение. Такие этические категории (моральные ценности), как свобода, равенство, справедливость, социальная солидарность, честь, достоинство, общественное благо и другие, находят свое отражение во всех сферах юридической деятельности – в правотворчестве, правоприменении, интерпретации правовых норм и принципов. При этом на первый план выдвигается обеспечение верховенства права, надлежащая реализация и защита прав и свобод личности.

Более двух с половиной столетий назад известный французский просветитель Ш. Монтескье обосновал теорию разделения властей – одну из основополагающих теорий построения механизма государства, которая не утратила своей популярности и в настоящее время. Она исходит из разделения законотворческой, исполнительно-распорядительной и судебной функций государства с одновременным разделением соответствующих государственных органов. Судебной власти, по мысли Ш. Монтескье, отводится роль применения закона в процессе «разрешения столкновений частных лиц» и установления наказаний за совершенные преступления [1].

Принцип независимости суда получил широкое признание в мировом сообществе и был закреплен в Международном пакте о гражданских и политических правах [2]. Российское законодательство о судоустройстве соответствует высоким международным стандартам судейской независимости и статуса судей. Нормативно-правовую базу независимости судей составляет ст. 120 Конституции Российской Федерации, согласно которой судьи независимы и подчиняются только Конституции и федеральному закону. В развитие этого конституционного положения ст. 1 Федерального закона «О статусе судей в Российской Федерации» [3] предусматривает, что судебная власть самостоятельна и действует независимо от законодательной и исполнительной. В своей деятельности по осуществлению правосудия судьи никому не подотчетны. В этом особенность профессии судьи.

Есть такие профессии, посвятив себя которым, человек становится обязанным не только думать о своей чести и личном достоинстве, но и оберегать честь других, охранять и защищать их достоинство, соблюдать права и интересы каждого гражданина. Именно так говорят: «Он обязан!». Может ли он допускать, чтобы о нем говорили: «Ни чести, ни совести»? Безусловно, не может. Речь идёт, в частности, о представителях современного судейского корпуса.

Суды – это органы государства, реализующие его политическую волю. Их деятельность в той или иной мере затрагивает интересы каждого гражданина, следовательно, она не может быть исключена из сферы моральной (этической) регламентации и контроля. С терминологической точки зрения, категории этики выступают основными началами (максимами), на которых базируется этическая наука. Речь, в частности, идет о фундаментальных категориях справедливости, долга, чести, добра и зла, ответственности перед собой и перед социумом. Все они, безусловно, присутствуют в работе современных судей. Более того, они для них – элемент повседневности [4].

Вопрос профессиональной этики судьи является, без преувеличения, одной из важнейших характеристик его правового статуса. Генезис современного законодательства и реалии правоприменения свидетельствуют, что с каждым годом значимость данной проблематики лишь усиливается. При этом вопрос о профессиональной этике судей не схоластический, он несет в себе мощный прикладной потенциал, напрямую влияя на качество отправления правосудия.

Формирование этики судьи всегда дихотомично, так как происходит на основе взаимосвязи нравственных и правовых принципов, норм, нравственного и правового сознания. Элементы права и нравственности здесь переплетаются, взаимно обусловливая и дополняя друг друга. При этом профессиональная этика судьи является специ-

фической формой проявления морали в целом. Речь в данном случае идет о совокупности тех конкретных общих нравственных норм, принципов и установок, которые судья практически применяет в своей деятельности.

Судья в рамках конституционного, уголовного, цивилистического или административного судопроизводства постоянно сталкивается с этическими вопросами. Нравственные нормы и принципы в сфере правосудия объективно складываются в ответ на существующие потребности практики. Они отражают соответствующую эволюцию представлений о той роли, которую в современном обществе играет право. Профессиональную этику судьи можно рассматривать в качестве совокупности правил поведения представителей данной социальной группы, обеспечивающих нравственный характер взаимоотношений, обусловленных судейской деятельностью.

С философской точки зрения концепт морали трактуется как форма общественного сознания, представляющая систему нравственных норм, правил и принципов, которыми руководствуются люди в своём поведении по отношению к обществу и друг к другу. В этом контексте профессиональная этика судей суть исторически сложившаяся совокупность нравственных предписаний, норм, заповедей, установок о должном поведении судьи как в быту, так и в рамках осуществления полномочий судебной власти [5]. Часть таких этических норм и правил, касающихся социального статуса судьи, приобретает нормативный характер, находя своё отражение в международных документах и актах национального правопорядка, например Кодекс судейской этики [6].

Этика современных судей – это, прежде всего, нормативная система, которая направлена на то, чтобы регулировать поведение судьи применительно к сфере реализации функционально-целевого предназначения судебной власти, где осуществляют свою деятельность работники суда. Поэтому не случайны попытки нормировать эту область этики, например положениями Кодекса судейской этики (что в целом не характерно для представителей иных, неюридических профессий). Профессиональная этика судьи играет роль своеобразной моральной техники безопасности как для самого юриста, так и для всех, кто с ним общается и сотрудничает. Можно сказать, что этика судьи суть его профессиональная идеология [7].

Подчеркнем еще раз: этика в профессиональной деятельности судьи выступает как специфическая форма проявления морали в целом. В данном случае речь идет о совокупности конкретизированных общих нравственных норм, принципов применительно к деятельности именно судей при отправлении правосудия. Итак, профессиональную этику современных судей можно рассматривать в качестве совокупности правил, принципов и ценностей, определяющих нравственный характер поведенческих актов последних в рамках реализации указанной категорией лиц (акторов) функционально-целевого предназначения судебной власти.

Профессиональная этика судьи обусловлена спецификой его компетенций, особым социально-правовым статусом и соответствующим положением в обществе. Для нее характерны тесные взаимосвязи норм права и морали, кумулятивно (в совокупности) регламентирующие его деятельность по отправлению правосудия. Причем, безусловно, необходимо исключить любые конфликты специальных этических норм, обусловленных профессиональным характером деятельности судьи, с нормами и принципами общечеловеческой морали. Они должны лишь конкретизировать и дополнять их, учитывая при этом свойства правоохранительной сферы.

Итак, деятельность судьи должна соответствовать нормам морали и нравственности, являющимся общепринятыми. Причем и в социуме в целом, и в судейском сообществе, для которого общеобязательным должно стать соблюдение этических норм, представляется верным тезис о глубокой и тесной взаимосвязанности уровня профессионализма (компетентности) и этического комплайенса, т. е. соблюдения этических норм в среде судей.

Соответствующая часть понимания морали самым непосредственным образом связана с долгом, обязанностями судьи отвечать за свои поступки. Концепт справедливого, компетентного, независимого и беспристрастного правосудия, способного в полной мере обеспечить защиту прав и свобод человека, глубоко связан с осознанным соблюдением каждым членом судейского сообщества правил профессиональной этики, честным и добросовестным исполнением своих обязанностей, сохранением и преумножением как личной чести и достоинства судьи, так и авторитета судебных органов в целом.

Общество всегда уделяло пристальное внимание деятельности судов, поскольку она в той или иной мере затрагивает интересы всех его членов и ее результаты самым непосредственным образом сказываются на обеспечении безопасности личности, общества и государства, реализации их прав,

свобод и законных интересов. Судопроизводство всегда сопряжено с множеством нравственных проблем, порождённых спецификой целей, содержания, форм, методов и средств их деятельности. Уже одно то, что обеспечивать правопорядок, спокойную жизнь граждан приходится с использованием мер принуждения и ограничения прав личности, вызывает целый комплекс противоречий, как в общественном, так и в индивидуальном сознании [8].

Необходимо отметить основные, наиболее значимые принципы этики современных судей:

– верховенство права – стремление к неукоснительному законному правоприменению, основанному на беспристрастности, объективности, исключении каких-либо конъюнктурных соображений при принятии решений;

– справедливость – такое понимание, толкование и применение закона, которое поддерживает необходимый баланс моральных и нормативно-юридических установок, господствующих в обществе в конкретно-исторический период, причем здесь важно обеспечить торжество справедливости не только в плане буквы, но и духа закона;

– гуманизм – любовь к людям, уважение их прав, вежливость и высокая культура общения со всеми участниками судопроизводства, исключающая любые проявления хамства, высокомерия, недоброжелательности.

Судейская этика в целом выполняет важные задачи социального управления, из которых важнейшая – обеспечение реализации требований нравственных принципов в условиях осуществления судебной деятельности. Она включает в себя релевантные нравственные установки, характеризующие, во-первых, отношения судьи с иными людьми – участниками судопроизводства; во-вторых, его взаимоотношения с коллегами и всеми представителями судейской профессии; в-третьих, общественные отношения судьи в целом.

Независимость, подчинение только закону, чувство долга и справедливости, совестливость, умение преодолевать частноэгоистические проявления в пользу общего блага, контролировать свои эмоциональные порывы и устойчивые стереотипы в пользу беспристрастного разрешения каждого дела образуют важнейшие максимы судейской деятельности, оказывая существенное влияние и на ее нравственное содержание. Тем самым этика судей выступает важной предпосылкой реализации возможностей и потенциала судьи в рамках его профессиональной деятельности и является массивом релевантных морально допустимых стандартов поведения членов судейского корпуса.

Безусловно, авторитет закона зависит напрямую от тех людей, которые олицетворяют собой профессионализм и нравственность. Эти обстоятельства в настоящее время требуют повышенного внимания к формированию личности современного судьи, причем как в контексте его компетенций, так и в контексте его нравственных качеств. Необходимость повышенных моральных требований к современным судьям детерминируется той особой ролью (и статусом), которую последние играют в правовой системе и обществе в целом.

Здесь уместно подчеркнуть, что подавляющее количество членов судейского корпуса олицетворяют собой приведенные качества. Поэтому не случайно их труд отмечается государственными и ведомственными наградами. Ежегодно Комиссия Центрального совета Общероссийской организации «Российское объединение судей» определяет лауреатов премии «Судья года». Среди награжденных представители судов всех уровней – от высших до районных. Деятельность судьи, основы его профессионального статуса весьма подробно и последовательно регламентированы на законодательном уровне, что является особенностью данной профессии, которая налагает на ее нравственный контент глубокий отпечаток [9]. Главное здесь – добросовестное и неукоснительное следование Закону.

С другой стороны, глубоко безнравственными являются любые отступления от законодательных требований, причем речь идет о несоблюдении не только буквы, но и духа действующего права, попытках его обойти на основе формальных критериев и различных интерпретаций. Такое поведение противоречит не только нормам права, но и моральным нормам, принципам профессиональной этики судей.

Профессиональной этике современных судей присущ нормативный характер, она имеет правовую основу, которая отражается в целях, принципах и средствах судебной деятельности, закреплённых законодательными актами, регулирующими деятельность судей на основе норм этики, морали и нравственности, соответствующих международным правовым документам и внутригосударственным правовым актам.

Так, в 2018 г. по результатам заседаний Комиссии при Президенте Российской Федерации по предварительному рассмотрению кандидатур на должность судей федеральных судов при Администрации Президента Российской Федера-

ции через Верховный Суд Российской Федерации в Совет судей Российской Федерации поступила компрометирующая информация в отношении 219 лиц, которым было отказано в назначении (переназначении) на соответствующие вакантные судебные должности по следующим основаниям: недостоверное декларирование доходов, расходов, имущества и обязательств имущественного характера; так называемый «конфликт интересов», а также иные нарушения и недостатки. В связи с этим Совету судей Российской Федерации и региональным советам судей в порядке реагирования необходимо продолжать активную работу по предотвращению указанных нарушений, давать принципиальную оценку каждому случаю отступления от требований Закона «О статусе судей» и Кодекса судейской этики, законодательства о противодействии коррупции [10].

В профессиональном сообществе судей подобные факты вызывают искреннее осуждение. Председатель Челябинского областного суда Ф.М. Вяткин в своем интервью газете «Челябинский рабочий» с горечью отреагировал на лишение судей полномочий: «Это достаточно тяжело. Если подтверждается, что судья совершал какие-то неприглядные действия, возникает обида, что это твой коллега, представитель судейского сообщества» [11]. Кроме того, неорганизованность, отсутствие должной дисциплины, безнравственное поведение в быту, подрывающее авторитет судебной власти, также не соответствуют основам судейской этики. Рассматривая генезис судейской профессии, нельзя не отметить, что судьи испокон веков составляли элиту юридической профессии, которая в глазах окружающих была призвана олицетворять идеалы законности, справедливости и долга, достоинства и чести.

При отправлении правосудия каждый судья, в первую очередь, должен руководствоваться принципом справедливости. Здесь идёт речь о том, что интересы потерпевшей стороны и правонарушителей должны защищаться в равной мере. Уклон в ту или иную сторону неизбежно влечет риск нарушения прав человека и принципа справедливости, провоцируя осуждение со стороны населения. При этом каждый судья в своей работе руководствуется морально-этическими принципами, которые оказывают влияние не только на исполнение им профессиональных компетенций, но и на поведение в обыденной жизни. Правосудие – это деятельность, где успех и достижения связаны в первую очередь с общим высоким развитием личности, а не только со специальными знаниями, способностями. В этом контексте соответствие деятельности судьи требованиям закона одновременно соответствует и этическим нормам.

Ежедневно в деятельности судьи возникает множество нестандартных ситуаций, где необходимо выбрать вариант поведения. В таких случаях нравственной мотивации отводится решающая роль. Закон может как сужать право выбора, так и предоставлять свободу выбора. В таком случае у судьи есть возможность выбора наиболее нравственного варианта поведения. Современный судья обязан не только действовать законно, но и оценивать свои действия по совести и чести, то есть на нравственной основе.

В частности, статья 13 Кодекса судейской этики не допускает публичного несогласия судьи с поведением своих коллег. Такое несогласие может быть высказано только внутри судейского общества в вежливой и уважительной форме. Перемещение подобных дискуссий в публичную плоскость ведет к разобщению судейского сообщества, умалению авторитета судьи и к «скандализации правосудия». В этом контексте каждая ситуация, каждый рассматриваемый кейс, каждое принятое решение в сознании судьи должны получать одновременно и нравственную, и правовую оценку. Разумеется, в первую очередь судья обязан оценивать действия (бездействие) участников процесса, руководствуясь законом (Rule of Law), но в то же время меру воздействия на них и линию своего поведения он обязан выбрать, исходя и из внутренней убеждённости в правоте своих действий.

Право ставит перед собой цель защиты справедливости и свободы граждан, поэтому профессионально-нравственное сознание современного судьи должно быть нацелено на эти ценности. Нравственный долг любого судьи – уважение человеческого достоинства и справедливое отношение к человеку. Он обязан защищать эти принципы, в чем и заключается взаимосвязь нравственного и правового в повседневной судейской деятельности. Понятно, что мораль в деятельности судьи не может однозначно предписать, как необходимо действовать в конкретной ситуации при принятии решений, скорее, она апеллирует к общим этическим категориям. Это справедливость, совесть, долг, принципиальность, ответственность, требовательность к себе и другим, патриотизм, дисциплинированность и другие, определяющие меру нравственно допустимого поведения судьи.

Процесс деятельности судей носит государственный характер в силу того, что они осуществляют публично значимые полномочия, воз-

ложенные государством. Данные полномочия, которыми они наделены, должны служить для защиты интересов граждан, а также их прав и свобод от разного рода посягательств на эти отношения. Своими действиями и решениями судья нередко затрагивает основные права и свободы граждан, а также их интересы. Поэтому деятельность судей должна соответствовать охране авторитета государственной власти, а также ее представителей, нормам и принципам морали. Исполнение судейской функции определенно требует от членов судейского сообщества повышенного чувства долга.

Таким образом, судьи, которых закон наделяет правом решать судьбы других людей, однозначно должны обладать развитым чувством ответственности за свои действия, решения и поступки. Последовательное и подробное урегулирование законом всей служебной деятельности судей определяет специфику этой профессии, налагает серьезный отпечаток на ее нравственное содержание.

Однако, к сожалению, современный российский правопорядок, включая сферу отправления правосудия, не в полной мере отвечает необходимым нравственным требованиям. Сегодня никого не надо убеждать в том, что имеет место кризис моральных устоев современного российского общества и взаимосвязанных с ними правовых институтов. Поэтому приходится признать, что случаи нарушения этических категорий со стороны судей не так уж редки, причем речь идет как о профессиональном, так и о бытовом поведении последних. Высшая квалификационная коллегия судей (ВККС) удовлетворила ходатайство главы Следственного комитета Российской Федерации Александра Бастрыкина о возбуждении уголовных дел в отношении шести судей. По данным судебного департамента при Верховном Суде РФ, за 2019 г. в России были привлечены к ответственности 17 судей и работников суда. В Алтайском крае и вовсе произошла целая серия вынесения приговоров в отношении судей. Так, в январе 2020 г. судью регионального Арбитражного суда в отставке признали виновным в посредничестве во взяточничестве в особо крупном размере. Руслан Тэрри признан виновным и приговорен к 7 годам лишения свободы в колонии строгого режима. По этому делу были осуждены и его коллеги. Истории с нарушениями в судебном сообществе регулярно всплывают в средствах массовой информации [12].

Например, в интернет выложен опубликованный Обзор судейской практики по рассмотрению административных дел о привлечении к дисциплинарной ответственности судей в 2017–2018 гг. и первом полугодии 2019 г. В Обзор вошло 21 дело, рассмотренное Дисциплинарной коллегией Верховного Суда РФ. Советник Федеральной палаты адвокатов РФ Сергей Насонов отметил, что опубликованный документ – иллюстрация работы органов судейского сообщества и важная гарантия открытости процедур и привлечения к ответственности судей за допущенные проступки. Перечень случаев, отраженных в Обзоре, свидетельствует о системных проблемах в отправлении правосудия в России. Представляется, что их решение – задача не только органов судейского сообщества, но и законодателя [13]. Каждый такой «эпизод», растиражированный СМИ, автоматически подрывает авторитет не только конкретного судьи, но всего судейского корпуса и, шире, всего государственного аппарата.

Отдельные представители судейского корпуса начали забывать о порядочности, чести, достоинстве, вежливости, уважении к другим людям и других качествах, необходимых современному судье. Надменное (и высокомерное) отношение к окружающим, откровенная грубость, чванство, стяжательство, карьеризм, отсутствие самокритичности и вера в собственную непогрешимость, решение профессиональных вопросов в угоду начальству или официальной идеологии, нередко подкрепленные алкоголизмом и сексуальной распущенностью, безусловно, приводят к тому, что в обществе нарастает недоверие не только к судебной власти, но и к государству в целом.

В последние годы становится все более актуальной тема судейской этики. В декабре 2018 г. Президиум Совета судей принял Постановление № 689, утвердившее Инструкцию по организации консультирования судей по вопросам предупреждения коррупции, предотвращения конфликтов интересов, соблюдения этических требований к поведению судьи. Поэтому не случайно основным направлением работы Комиссии Совета судей Российской Федерации по этике является рассмотрение обращений судей, граждан и представителей юридических лиц. В первую очередь, это обращения, требующие разъяснения, как должен поступить судья в той или иной конкретной ситуации, чтобы его поведение соответствовало требованиям Кодекса судейской этики и законодательства, определяющего статус судьи. В частности, председатель Комиссии по этике Е.А. Золотарева отметила, что «необходимо взаимодействовать с действующей в составе Совета судей Российской Федерации специальной комиссией по реализа-

ции мероприятий противодействия коррупции, урегулированию конфликта интересов во внеслужебных отношениях и при исполнении судьями своих полномочий» [14].

Указанные проблемы нам представляются достаточно серьезными. Внимание к ним со стороны широкой общественности (включая, прежде всего, профессиональное сообщество), активизация деятельности комиссий по рассмотрению нарушений судейской этики позволяют надеяться, что затруднения в этой сфере в обозримой перспективе будут эффективно преодолеваться, что даст возможность в полной мере утвердить высокий непререкаемый авторитет «судейской мантии», а также их важнейшую роль в обществе и в государстве. Если наше общество не усвоит правовые и моральные принципы, то мы никогда не придем к правовому государству, где нормы права, исходящие от государства, в полной мере соответствуют требованиям этических категорий.

Практика реагирования проявляется в процессе формирования кадрового резерва, которое осуществляется на основе конкурсного отбора кандидатов, предусмотренного ст. 5 Закона о статусе судей. На местах общий порядок не подменяет, а дополняет своеобразный внутренний мониторинг для выявления наиболее перспективных сотрудников. Помимо всесторонней оценки их профессиональных знаний, профессиональной подготовки и стажа работы по юридической специальности особое внимание уделяется личностным, морально-этическим качествам.

В соответствии с требованиями Федерального закона «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» [15] одной из основных задач указанных органов является утверждение авторитета судебной власти. Эта задача может быть реализована в рамках работы советов судей субъектов Российской Федерации в различных направлениях, в том числе путем организации взаимодействия органов судейского сообщества со средствами массовой информации в целях формирования положительного имиджа судебных органов в медийном пространстве. Поэтому решение вопроса о присутствии журналистов в судебном заседании согласуется с нормами процессуального законодательства, изложенными в Постановлении Пленума Верховного Суда «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов» [16].

Это объясняется тем, что к основным оценочным показателям, характеризующим деятельность суда, относится информация о деятельности федеральных судов общей юрисдикции, федеральных арбитражных судов, мировых судей и органов судейского сообщества, размещенная в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» [17].

В завершение статьи заметим, что демократия предполагает доверие граждан к демократическим институтам, а оно невозможно без подчинения деятельности последних основным этическим принципам. Со времен первого Всероссийского съезда судей органы судейского сообщества прошли огромный путь и проделали значительную работу по совершенствованию всей судебной системы. Гражданское общество крайне заинтересовано в эффективной работе российской судебной системы и, в частности, в усилении роли морально-этических компонентов в деятельности современных судей.

Судейский корпус, в силу своего особого статуса и функционально-целевого предназначения, всегда был и будет оставаться на «переднем крае» борьбы за справедливость, общественное благополучие, верховенство права. Интересы устойчивого развития России напрямую связаны с усилением роли морально-этических компонентов в деятельности современных судей. Это, в свою очередь, должно способствовать совершенствованию основ всей судебной системы России, приданию ей современного облика, отвечающего последним тенденциям мирового развития и способного противостоять любым угрозам и вызовам XXI века.

Пристатейный библиографический список

1. Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1955.
2. Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят 16 декабря 1966 г. Резолюцией № 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291.
3. О статусе судей в Российской Федерации: федер. закон от 26 июня 1992 г. № 3132-1 [ред. от 02.08.2019] // Российская газета. 1992. 29 июля.
4. Лазукова А.Ю., Бозова К.Ю. О моральном облике и этике российского судьи // Вестник современных исследований. 2018. № 5.4 (20). С. 496–498.
5. Ахметшина Ю.В. Правовая этика юриста и судьи // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 2(69). С. 231–232.
6. Кодекс судейской этики: утвержден VIII Всероссийским съездом судей 19 декабря 2012 г. [ред. от 08.12.2016] // Бюллетень актов по судебной системе. 2013. № 2.
7. Муратов Р.Е. Этика судьи как элемент профессиональной правовой культуры // Инновации и инвестиции. 2014. № 10. С. 228–233.

8. Корнаков С В. Основания профессиональной этики судьи // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2013. № 1(4). С. 64–68.

9. Шаруева Н.В. Судейская этика как элемент профессиональной культуры судьи // Мониторинг правоприменения. 2019. № 2(31). С. 16–19.

10. Соседов Е.А. О причинах отказа в назначении (переназначении) руководителей судов, судей и работников аппаратов судов Российской Федерации в 2018 г. // Судья. 2019. № 9. С. 10–19.

11. Лузин Л. Разговор с судьей // Челябинский рабочий [Электронный ресурс]. URL: http://www.chel-oblsud.ru/index.php?html=smi_chr_30_07_03&mid=50.

12. Локтионова М. Наркотики и взятки: что натворили судьи в 2020 году [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/social/2020/05/25/13095871.shtml.

13. Павлова З. Верховный Суд РФ указал, какие ошибки и нарушения могут стать основаниями для прекращения полномочий судей [Электронный ресурс]. URL: https://www.advgazeta.ru/obzory-i-analitika/vs-ukazal-kakie-oshibki-i-narusheniya-mogut-stat-osnovaniyami-dlya-prekrashcheniya-polnomochiy-sudey.

14. О работе Комиссии Совета судей Российской Федерации по этике в 2018 году // Судья. 2019. № 1. С. 48–50.

15. Об органах судейского сообщества в Российской Федерации: федер. закон от 14 марта 2002 г. № 30-ФЗ [ред. от 26.07.2019] // Собрание законодательства РФ. 2002. № 11. Ст. 1022.

16. Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов: Пост. Пленума Верховного Суда от 13 декабря 2012 г. № 35 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 3.

17. Об утверждении Регламента размещения информации о деятельности федеральных судов общей юрисдикции, федеральных арбитражных судов, мировых судей и органов судейского сообщества в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и Регламента размещения информации о деятельности Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, управлений Судебного департамента в субъектах Российской Федерации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»: Приказ Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 2 ноября 2015 г. № 335 [ред. от 19.02.2020] // Бюллетень актов по судебной системе. 2019. № 1.

References (transliterated)

1. Montesk`e Sh. Izbranny`e proizvedeniya. M., 1955.

2. Mezhdunarodny`j pakt o grazhdanskix i politicheskix pravax. Prinyat 16 dekabrya 1966 g. Rezolyuciej № 2200 (XXI) na 1496-m plenarnom zasedanii General`noj Assamblei OON // Vedomosti Verxovnogo Soveta SSSR. 1976. № 17. St. 291.

3. O statuse sudej v Rossijskoj Federacii: feder. zakon ot 26 iyunya 1992 g. № 3132-1 [red. ot 02.08.2019] // Rossijskaya gazeta. 1992. 29 iyulya.

4. Lazukova A.Yu., Bozova K.Yu. O moral`nom oblike i e`tike rossijskogo sud`i // Vestnik sovremenny`x issledovanij. 2018. № 5.4 (20). S. 496–498.

5. Axmetshina Yu.V. Pravovaya e`tika yurista i sud`i // Mir nauki, kul`tury`, obrazovaniya. 2018. № 2(69). S. 231–232.

6. Kodeks sudejskoj e`tiki: utverzhden VIII Vserossijskim s``ezdom sudej 19 dekabrya 2012 g. [red. ot 08.12.2016] // Byulleten` aktov po sudebnoj sisteme. 2013. № 2.

7. Muratov R.E. E`tika sud`i kak e`lement professional`noj pravovoj kul`tury` // Innovacii i investicii. 2014. № 10. S. 228–233.

8. Kornakov S V. Osnovaniya professional`noj e`tiki sud`i // Sibirskie ugolovno-processual`ny`e i kriminalisticheskie chteniya. 2013. № 1(4). S. 64–68.

9. Sharueva N.V. Sudejskaya e`tika kak e`lement professional`noj kul`tury` sud`i // Monitoring pravoprimeneniya. 2019. № 2(31). S. 16–19.

10. Sosedov E.A. O prichinax otkaza v naznachenii (perenaznachenii) rukovoditelej sudov, sudej i rabotnikov apparatov sudov Rossijskoj Federacii v 2018 g. // Sud`ya. 2019. № 9. S. 10–19.

11. Luzin L. Razgovor s sud`ej // Chelyabinskij rabochij [E`lektronny`j resurs]. URL: http://www.chel-oblsud.ru/index.php?html=smi_chr_30_07_03&mid=50.

12. Loktionova M. Narkotiki i vzyatki: chto natvorili sud`i v 2020 godu [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.gazeta.ru/social/2020/05/25/13095871.shtml.

13. Pavlova Z. Verxovny`j Cud RF ukazal, kakie oshibki i narusheniya mogut stat` osnovaniyami dlya prekrashheniya polnomochij sudej [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.advgazeta.ru/obzory-i-analitika/vs-ukazal-kakie-oshibki-i-narusheniya-mogut-stat-osnovaniyami-dlya-prekrashcheniya-polnomochiy-sudey.

14. O rabote Komissii Soveta sudej Rossijskoj Federacii po e`tike v 2018 godu // Sud`ya. 2019. № 1. S. 48–50.

15. Ob organax sudejskogo soobshhestva v Rossijskoj Federacii: feder. zakon ot 14 marta 2002 g. № 30-FZ [red. ot 26.07.2019] // Sobranie zakonodatel`stva RF. 2002. № 11. St. 1022.

16. Ob otkry`tosti i glasnosti sudoproizvodstva i o dostupe k informacii o deyatel`nosti sudov: Post. Plenuma Verxovnogo Suda ot 13 dekabrya 2012 g. № 35 // Byulleten` Verxovnogo Suda RF. 2013. № 3.

17. Ob utverzhdenii Reglamenta razmeshheniya informacii o deyatel`nosti federal`ny`x sudov obshhej yurisdikcii, federal`ny`x arbitrazhny`x sudov, mirovy`x sudej i organov sudejskogo soobshhestva v informacionno-telekommunikacionnoj seti «Internet» i Reglamenta razmeshheniya informacii o deyatel`nosti Sudebnogo departamenta pri Verxovnom Sude Rossijskoj Federacii, upravlenij Sudebnogo departamenta v sub``ektax Rossijskoj Federacii v informacionno-telekommunikacionnoj seti «Internet»: Prikaz Sudebnogo departamenta pri Verxovnom Sude Rossijskoj Federacii ot 2 noyabrya 2015 g. № 335 [red. ot 19.02.2020] // Byulleten` aktov po sudebnoj sisteme. 2019. № 1.

Смирнов А.И.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ (ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ)

Цель: Рассмотреть практику участия правоохранительных органов зарубежных стран в обеспечении экономической безопасности предпринимательских структур, в том числе через участие в борьбе с трансграничной преступностью.

Методология: В статье применялись общенаучные (системный, структурно-функциональный) и частно-научные (синтез, анализ, сравнение) методы.

Результаты: Констатируется, что в развитых экономиках правоохранительные органы первоочередным образом создают условия для безопасного функционирования предпринимателей, фокусируясь на профилактической работе, просвещении и общей превенции экономической преступности. Высокая ожидаемая эффективность в обеспечении экономической безопасности заложена во взаимодействии правоохранительных органов и корпоративных служб безопасности. Задача противодействия трансграничной преступности кардинально меняется в цифровую эпоху, и правоохранительные органы по-разному выстраивают превентивную работу, формируя уникальный опыт, полезный для рецепции в нашей стране.

Новизна/оригинальность/ценность: Представлены рекомендации по рецепции лучшего зарубежного опыта в российскую практику правоохранительной работы по направлению.

Ключевые слова: экономическая безопасность хозяйствующих субъектов, кибербезопасность, транснациональная преступность, правоохранительные органы, профилактика экономических преступлений, цифровая экономика, правоохранительные органы зарубежных стран.

Smirnov A.I.

FOREIGN EXPERIENCE OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES IN ENSURING THE ECONOMIC SECURITY OF BUSINESS ENTITIES (COUNTERING TRANSNATIONAL CRIME)

Purpose: To consider the practice of participation of law enforcement agencies of foreign countries in ensuring the economic security of business structures, including through participation in the fight against cross-border crime.

Methodology: The article used general scientific (systemic, structural and functional) and specific scientific (synthesis, analysis, comparison) methods.

Results: It is stated that in developed economies, law enforcement agencies primarily create conditions for the safe functioning of entrepreneurs, focusing on preventive work, education and general prevention of economic crime. The high expected efficiency in ensuring economic security lies in the interaction of law enforcement agencies and corporate security services. The task of countering cross-border crime is changing dramatically in the digital era, and law enforcement agencies are building preventive work in different ways, forming a unique experience that is useful for reception in our country.

Novelty/originality/value: Recommendations are presented on the reception of the best foreign experience in the Russian practice of law enforcement work in the direction.

Keywords: economic security of business entities, cybersecurity, transnational crime, law enforcement agencies, prevention of economic crimes, digital economy, law enforcement agencies of foreign countries.

Обеспечение экономической безопасности хозяйствующих субъектов – универсальная задача, не имеющая территориальных границ и рамок. В любом обществе, включая наиболее развитые в социально-экономическом плане, имеются многочисленные внешние угрозы экономической безопасности предпринимателей, успешно противостоять которым самостоятельно они не в состоянии. Такие угрозы формирует, прежде всего, деятельность организационной преступности, в особенности трансграничной. Важнейшую роль в обеспечении содействия в формировании экономической безопасности хозяйствующих субъектов играет деятельность правоохранительных органов в их комплексе и взаимосвязи, многие элементы которой представляются полезными для рецепции и имплементации в национальные системы правоохранительной работы государств Евразийского экономического сообщества (ЕАЭС), в том числе в контексте совместной работы по защите интересов предпринимателей от трансграничной преступности.

Осуществляя работу по заявленному направлению, особо важно учитывать актуальные трансформации транснациональной преступности, произошедшие в 2010-е годы, которые будут оказывать усиленное влияние на состояние экономической безопасности хозяйствующих субъ-

ектов в наступившем десятилетии. Речь идет об активном развитии цифровой экономики, включая перевод многочисленных экономических операций (транзакций) в режим онлайн, которые мультиплицировали риски кибербезопасности и сформировали уникальные предпосылки для стремительного роста трансграничной преступности, которую справедливо именовать вовсе преступностью без границ [1].

Правоохранительные органы зарубежных стран располагают значительным опытом и ноу-хау в части борьбы как с «классической» транснациональной преступностью, так и с цифровым ее сегментом, которые представляются исключительно важными в контексте разработки мер по неуклонному совершенствованию деятельности правоохранительных органов Российской Федерации и государств ЕАЭС по обеспечению экономической безопасности хозяйствующих субъектов.

Правоохранительные органы зарубежных стран по-разному подходят к организации работы по содействию в обеспечении экономической безопасности хозяйствующих субъектов, при этом, как показывает проведенный нами обзор передовых практик, зачастую в рамках правоохранительной системы определенного государства сочетается несколько подходов к решению заявленной проблемы.

Первая форма деятельности – силовые действия, направленные на устранение наличных угроз экономической безопасности, включая, в частности, известные организованные преступные группировки. Основным субъектом подобной работы выступают полицейские органы; органы прокуратуры играют немаловажную роль в санкционировании по установленным направлениям деятельности, равно как и суды. При этом хозяйственная деятельность в значительной степени отдалена от приоритетных субъектов силового обеспечения безопасности; как в англосаксонской, так и в континентальной правовой семьях получает широкое распространение доктрина преимущественной самозащиты хозяйствующих субъектов от экономических посягательств [2]. Ее смысл заключается преимущественно в том, что на функционирование правоохранительных органов расходуются средства налогоплательщиков, которые не заключали общественный договор на финансирование охраны корпоративных интересов, даже если таковые в конечном итоге затрагивают интересы общества целиком. Корпорации в состоянии собственными силами обеспечить функционирование силовых структур, таких как службы внутренней безопасности и органы корпоративного контроля, деятельность которых и способствует обеспечению экономической безопасности. Правоохранительные органы, в частности органы внутренних дел, будут вмешиваться в вопросы обеспечения экономической безопасности хозяйствующих субъектов преимущественно в тех случаях, когда их собственные структуры безопасности объективно не в состоянии оказать действенное влияние – в частности, при предупреждении транснациональных посягательств на экономическую безопасность, пресечении наличных угроз со стороны организованной преступности (мафии) и проч. По остальным направлениям объективные зарубежные теоретики и практики правоохранительной работы отмечают обеспечение взаимодействия правоохранительных органов и служб корпоративной безопасности [3].

Вторая (зачастую основная) форма деятельности – взаимодействие правоохранительных органов и служб безопасности хозяйствующих субъектов. С позиций рационального расходования ресурсов и достижения при этом значимого эффекта, по сути, речь идет о приоритетном направлении сотрудничества. Правоохранительные органы устанавливают тесный доверительный и долгосрочный контакт с представителями корпоративных служб безопасности; основные направления контакта реализуются через негласное сотрудничество между субъектами. В числе их ключевых направлений могут быть указаны такие, как предоставление информации о потенциально неблагонадежных сотрудниках, общий информационный обмен, налаживание систем обмена информацией и предоставление доступа корпоративным службам безопасности к некоторым регистрам правоохранительных органов [4]. В некоторых странах с развитой системой частной сыскной деятельности, таких как США, в подобное взаимодействие активно вовлекаются, помимо корпоративных служб безопасности, также частные детективные агентства и охранные бюро. Складывается ситуация продуктивного сотрудничества корпораций и правоохранительных органов в обеспечении экономической безопасности, когда все существующие проблемы разрешаются без конфликтов, а корпоративные охранные (силовые) структуры с готовностью и без избыточных дополнительных условий сотрудничают с правоохранительными органами по всем направлениям обеспечения экономической безопасности [5].

В ФРГ формируется триада взаимодействия корпоративных структур безопасности, частных детективных служб и правоохранительных орга-

нов в лице Национальной службы безопасности для решения ключевых вопросов в сфере обеспечения экономической безопасности хозяйствующих субъектов [6].

Во Франции формируются специализированные структуры и платформы взаимодействия правоохранительных органов и корпоративных структур обеспечения безопасности.

Аналогичная ситуация складывается и в европейских государствах, прежде всего, в странах Северной Европы, где корпоративные службы безопасности характеризуются высоким уровнем развитости; особое внимание в сотрудничестве корпоративных структур с правоохранительными органами отводится вопросам противодействия киберпреступности и промышленному шпионажу.

Третья форма – общая и частная превенция экономической преступности. В так называемых развитых экономиках речь идет о наиболее перспективном направлении борьбы с экономической преступностью в целом, когда сами предприниматели не рассматриваются заведомо как источники угроз национальной экономической безопасности, а усилия правоохранительных органов направлены на предотвращение более реальных угроз через устранение предпосылок для возникновения успешной деятельности преступных синдикатов, в том числе трансграничных, а также путем своевременного информирования предпринимателей об исходящих от них угрозах и рисках.

В немалой степени подобная работа проводится через формы и инструменты взаимодействия правоохранительных органов и служб корпоративной безопасности, но также может осуществляться непосредственно с руководителями и / или владельцами бизнеса. В некоторых государствах континентальной Европы активную роль в пропаганде знаний об аспектах обеспечения корпоративной безопасности играют органы прокуратуры (Германия, Франция) [7].

Органам прокуратуры также отводится важное место в обеспечении интересов корпораций в сфере экономической безопасности через поддержку исков в суде и реализацию мер прокурорского реагирования на нарушения нормального порядка функционирования компаний, включая неправомерные посягательства на свободу предпринимательской деятельности, такие как попытки рейдерского захвата бизнеса, инсценировки или побуждения к банкротству, парализация работы предпринимателей через сутяжничество (предъявление необоснованных исков, требований по обеспечению иска, необоснованное затягивание судебных процедур и др., преимущественно направленных на временное ухудшение условий и возможностей деятельности одних хозяйствующих субъектов в интересах (обеспечения конкурентоспособности и пр.) других) [8].

Именно активная информационная работа может рассматриваться как третья форма деятельности правоохранительных органов по обеспечению экономической безопасности хозяйствующих субъектов.

Что касается непосредственно борьбы с трансграничной преступностью, в особенности осуществляющей криминальную активность в сфере высоких технологий или с использованием таковых, то в правоохранительной деятельности зарубежных стран выработаны следующие перспективные формы и методы работы [9]:

– международная кооперация и обмен информацией. Помимо надгосударственных структур активно практикуется международный обмен опытом и информирование (например, в рамках практических конференций и симпозиумов) о новых и новейших угрозах корпоративной безопасности в киберсфере и иных рисках, связанных с трансграничной преступностью, активизировавшейся, в первую очередь, в цифровом сегменте экономики или в части применения цифровых инструментов и методов для реализации своих противоправных замыслов. Для этих целей активно используются транснациональные цифровые площадки по обмену информацией [10];

– формирование на международном уровне универсальных протоколов и планов совместных действий по противодействию трансграничной преступности, в том числе в цифровом сегменте;

– создание независимых подразделений и органов по международному сотрудничеству в сфере противодействия трансграничной преступности и кибербезопасности;

– активное взаимодействие правоохранительных органов с лидерами национального цифрового сектора по вопросам взаимного информирования о технологиях киберпреступности, новых угрозах в сфере цифровой трансграничной преступности, технологиях активного противодействия ей. Отдельные национальные ИТ-гиганты (впрочем, далеко не все) предлагают правоохранительным органам специализированные разработки – цифровые платформы, обеспечивающие мониторинг трансграничной преступности, состояния и угроз кибернетической безопасности;

– тесное сотрудничество государственных органов (подразделений) и ИТ-служб крупнейших

компаний по вопросам обмена данными о трансграничной киберпреступности, реализации общих мер по ее противодействию и др. [11; 12]. Отметим, что в отличие от общего взаимодействия в сфере обеспечения экономической безопасности хозяйствующих субъектов, в рамках которого правоохранительные органы взаимодействуют с корпоративными службами безопасности, по данному направлению сотрудничество осуществляется прежде всего с ИТ-подразделениями компаний (корпораций).

Несмотря на то, что в соответствующие направления деятельности непосредственно вовлекаются далеко не все хозяйствующие субъекты, конечными бенефициарами становятся все представители бизнеса, которые получают возможность устойчиво функционировать, несмотря на многочисленные риски экономической безопасности, в том числе исходящие от среды трансграничной преступности, включая ту, которая развивается в цифровом сегменте экономики.

Заключение. В целом, несмотря на то, что в развитых зарубежных странах с той или иной степенью интенсивности реализуется подход, направленный на отделение государства от бизнеса, правоохранительные органы, так или иначе, осуществляют активное участие в обеспечении экономической безопасности хозяйствующих субъектов. Такое участие реализуется в значительной мере в косвенной форме, через информирование и профилактическую работу.

Важное место в системе деятельности правоохранительных органов зарубежных стран по обеспечению экономической безопасности хозяйствующих субъектов занимает взаимодействие с корпоративными службами безопасности (охраны), в рамках которого решаются общие и частные вопросы превенции преступных посягательств на корпоративную экономическую безопасность. Соответствующий опыт видится целесообразным перенять и отечественной практике, способствуя наиболее рациональному расходованию ресурсов правоохранительных органов в целях обеспечения экономической безопасности хозяйствующих субъектов и национальной экономики в целом.

В современных условиях актуализируется значимость работы правоохранительных органов по противодействию трансграничным угрозам экономической безопасности хозяйствующих субъектов, в том числе объективирующаяся в цифровой (кибернетической) сфере. Важными предпосылками для совершенствования деятельности по направлению видятся специализированная работа (в том числе, через создание специальных организационных структур) и международное сотрудничество. Последнее, несмотря на общее состояние «токсичности» в международных контактах отечественных правоохранительных органов, наблюдаемое в последние годы, необходимо неуклонно развивать, рассматривая как важнейший, пожалуй, ключевой источник прогресса в работе по предотвращению трансграничных преступных посягательств на отечественных предпринимателей (хозяйствующих субъектов) – значимой предпосылке обеспечения экономической безопасности на всех уровнях ее функционирования.

Пристатейный библиографический список

1. Blažič B.J., Klobučar T. Removing the barriers in cross-border crime investigation by gathering e-evidence in an interconnected society // Information & Communications Technology Law. 2020. Т. 29. № 1. С. 66–81.

2. Díez C.G.J., Herlin-Karnell E. Prosecuting EU Financial Crimes: The European Public Prosecutor's Office in Comparison to the US Federal Regime // German Law Journal. 2018. Т. 19. № 5. С. 1191–1220.

3. Rice L. Junior partners or equal partners? Civilian investigators and the blurred boundaries of police detective work // Policing and society. 2019. С. 1–16.

4. Meerts C. Corporate Investigations: Beyond Notions of Public–Private Relations // Journal of Contemporary Criminal Justice. 2020. Т. 36. № 1. С. 86–100.

5. Османов Ж.Д., Моисеев П.С. Особенности обеспечения экономической безопасности в зарубежных странах // Социально-экономические явления и процессы. 2015. № 11. С. 99–104.

6. Dupont B. Bots, cops, and corporations: on the limits of enforcement and the promise of polycentric regulation as a way to control large-scale cybercrime // Crime, law and social change. 2017. Т. 67. № 1. С. 97–116.

7. Yakhlef S. Cross-Border Police Collaboration: Building Communities of Practice in the Baltic Sea Area. L.: Routledge, 2020.

8. Vervaele J.A.E. The European Public Prosecutor's Office (EPPO): Introductory Remarks // Shifting Perspectives on the European Public Prosecutor's Office. TMC Asser Press, The Hague, 2018. С. 11–19.

9. Elliott L. Fighting transnational environmental crime // Journal of International Affairs. 2012. С. 87–104.

10. Sallavaci O. Strengthening cross-border law enforcement cooperation in the EU: the Prüm network of data exchange // European Journal on Criminal Policy and Research. 2018. Т. 24. № 3. С. 219–235.

11. Лукацкий А., Окулесский В. Целенаправленные атаки: из жизни невидимок // Безопасность деловой информации. 2014. № 6. С. 4.

12. Finklea K.M., Theohary C.A. Cybercrime: Conceptual issues for congress and US law enforcement. Congressional Research Service, Library of Congress, 2015.

References (transliterated)

1. Blažič B.J., Klobučar T. Removing the barriers in cross-border crime investigation by gathering e-evidence

in an interconnected society // Information & Communications Technology Law. 2020. T. 29. № 1. S. 66–81.

2. Díez C.G.J., Herlin-Karnell E. Prosecuting EU Financial Crimes: The European Public Prosecutor's Office in Comparison to the US Federal Regime // German Law Journal. 2018. T. 19. № 5. S. 1191–1220.

3. Rice L. Junior partners or equal partners? Civilian investigators and the blurred boundaries of police detective work // Policing and society. 2019. S. 1–16.

4. Meerts C. Corporate Investigations: Beyond Notions of Public–Private Relations // Journal of Contemporary Criminal Justice. 2020. T. 36. № 1. S. 86–100.

5. Osmanov Zh.D., Moiseev P.S. Osobennosti obespecheniya e`konomicheskoj bezopasnosti v zarubezhny`x stranax // Social`no-e`konomicheskie yavleniya i processy`. 2015. № 11. S. 99–104.

6. Dupont B. Bots, cops, and corporations: on the limits of enforcement and the promise of polycentric regulation as a way to control large-scale cybercrime // Crime, law and social change. 2017. T. 67. № 1. S. 97–116.

7. Yakhlef S. Cross-Border Police Collaboration: Building Communities of Practice in the Baltic Sea Area. L.: Routledge, 2020.

8. Vervaele J.A.E. The European Public Prosecutor's Office (EPPO): Introductory Remarks // Shifting Perspectives on the European Public Prosecutor's Office. TMC Asser Press, The Hague, 2018. S. 11–19.

9. Elliott L. Fighting transnational environmental crime // Journal of International Affairs. 2012. S. 87–104.

10. Sallavaci O. Strengthening cross-border law enforcement cooperation in the EU: the Prüm network of data exchange // European Journal on Criminal Policy and Research. 2018. T. 24. № 3. S. 219–235.

11. Lukaczkij A., Okulesskij V. Celenapravlenny`e ataki: iz zhizni nevidimok // Bezopasnost` delovoj informacii. 2014. № 6. S. 4.

12. Finklea K.M., Theohary C.A. Cybercrime: Conceptual issues for congress and US law enforcement. Congressional Research Service, Library of Congress, 2015.

Проведем оценку имущества для любых целей:

- ✓ Недвижимости для оспаривания кадастровой стоимости
- ✓ Ущерба от залива, пожара, действий третьих лиц, после ДТП
- ✓ Бизнеса, ценных бумаг, нематериальных активов
- ✓ Движимого и недвижимого имущества
- ✓ Машин и оборудования

Бесплатная консультация
Срок исполнения от 1 часа
Доставка отчетов курьером

Выполнение с учетом требований законодательства

Проведем профессиональную экспертизу:

Строительно-техническую
Землеустроительную
Инженерно-технологическую
Пожарно-техническую
Автотехническую
Почерковедческую
Подлинности документов
Оценочную
Товароведческую
Бухгалтерскую

Профессионализм экспертов и современные методики проведения исследований в сжатые сроки обеспечивают максимально достоверные результаты!

Входим в ТОП-70 крупнейших компаний России, работающих на рынке оценки. *

*По итогам 2017 года согласно рейкингу Рейтингового агентства RAEX («Эксперт РА»)

Платинум
группа компаний

м. Электрозаводская,
г. Москва, пл. Журавлева, д. 2, стр. 2, офис 321
ocenka-m.com • info@ocenka-m.com
8 (800) 100-50-01 • 8 (495) 308-15-15

Булах Д.Б.

ПЕРСПЕКТИВЫ СУДЕБНОГО ПРАВОТВОРЧЕСТВА В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

Цель: Изучение перспектив развития судебного правотворчества обусловлено необходимостью обоснования теоретико-прикладных представлений о сущности, содержании, природе и функциональном назначении судебной практики в современном правотворчестве, выяснения их взаимовлияния и совершенствования.

Методология: В ходе исследования использованы методы сравнительного анализа, систематизации и обобщения.

Результаты: В процессе изучения обозначенной темы было установлено, что проблема роли судебной практики в правотворчестве имеет повышенный научный интерес, поскольку ее изучение позволяет установить и проанализировать закономерности судебной практики в контексте ее влияния на современную правотворческую деятельность. Учитывая, что судебная практика как объект научного познания имеет междисциплинарный характер, особенно важно выяснение теоретико-прикладных аспектов роли судебной практики в современном правотворчестве.

Кроме того, данное исследование подтверждает, что научный анализ теоретико-прикладных аспектов роли судебной практики в правотворчестве Российской Федерации обусловливается состоянием эффективности правового регулирования, нуждается в совершенствовании, в том числе и путем их синхронизации и усиления взаимосвязи между правотворчеством и судебной практикой.

Новизна/оригинальность/ценность: Актуальность темы данной работы подтверждается существующим положением научного исследования роли судебной практики в национальном правотворчестве.

Ключевые слова: судебное правотворчество, прецедент, источники права, доктрина, законодательство, применение права, судебные органы.

Bulakh D.B.

PROSPECTS OF JUDICIAL LAW-MAKING IN RUSSIAN LAW

Purpose: The study of the prospects for the development of judicial lawmaking consists in the need to substantiate the theoretical and applied ideas about the essence, content, nature and functional purpose of judicial practice in modern lawmaking, to clarify their mutual influence and improvement.

Methodology: The study used the method of comparative analysis, systematization and generalization.

Results: In the process of studying the designated topic, it was found that the problem of the role of judicial practice in lawmaking has an increased scientific interest, since its study allows you to establish and analyze the patterns of judicial practice in the context of its impact on modern lawmaking. Considering that judicial practice as an object of scientific knowledge has an interdisciplinary character, it is especially important to clarify the theoretical and applied aspects of the role of judicial practice in modern law-making.

In addition, this study confirms that the scientific analysis of the theoretical and applied aspects of the role of judicial practice in the lawmaking of the Russian Federation is determined by the state of the effectiveness of legal regulation, needs to be improved, including through their synchronization and strengthening the relationship between lawmaking and judicial practice.

Novelty/originality/value: The relevance of the topic of this study is confirmed by the existing position of scientific clarification of the role of judicial practice in national lawmaking.

Keywords: judicial lawmaking, precedent, sources of law, doctrine, legislation, application of law, judicial authorities.

На сегодняшний день в национальной научной литературе широко развит институт, который называется «судебное правотворчество». В национальной литературе судебное правотворчество базируется на общеевропейском направлении, то есть усилении роли судебных решений в странах с романо-германской правовой системой, к которым обычно относят и Российскую Федерацию.

Для исследования научных проблем судебного правотворчества в национальной и зарубежной литературе используют такие методы и направления:

– сравнительно-правовой метод (сравнение и сопоставление юридической научной литературы);

– формально-логический метод (исследование и изучение государственно-правовых судебных явлений с помощью основных законов формальной логики);

– анализ функционирования судебных органов зарубежных государств (исследование особой и специальной литературы и наработок в сфере функционирования деятельности судебных органов зарубежных государств);

– исследование законодательства континентальных правовых систем;

– анализ судебной практики, как национальной, так и зарубежной (исследование результатов судебного правотворчества в юридической научной литературе, то есть явлений, которые различны по своей природе);

– научный анализ судебных прецедентов и судебных правовых позиций судей;

– теоретическое исследование судебного усмотрения и правоположений (исследование связи с логической операцией выбора среди возможных вариантов законодательства, то есть обусловленность относительной неопределенностью права, обеспечивает возможность принятия не только законного, но и справедливого судебного решения) [3, с. 201–208].

Основной проблемой судебного правотворчества в национальной и зарубежной научной литературе считается его смешивание (смешение понятий в различных правовых системах и т. д.).

Анализируя данную проблему, можно выделить, что судебное правотворчество связано с особенностями судебной деятельности в различных правовых системах (англо-американского и романо-германского типа).

В англо-американских правовых системах, в отличие от романо-германских, обычно отсутствует четкая разобщенность между правотворческой и разъясняющей деятельностью судебных правотворческих органов.

Отождествление судебного правотворчества в англо-американской и романо-германской правовых системах может происходить только при условии прецедентного вида судебного правотворчества [7, с. 40–48].

Исследуя наработки национальных и зарубежных ученых, смешивая судебное правотворчество и толкование, можно выйти на мысль, что они в основном обращаются к практике функционирования судебных правотворческих органов англо-американского права.

На основании такого опыта судебных органов и материалов можно обобщить вышеупомянутый признак судебного правотворчества также и по романо-германскому праву. Обращая внимание на другие причины смешивания, нужно выделить следующие факторы:

– возникновение потребности судебных органов в правотворческой функции. Причиной выступает неопределенность содержания нормативных предписаний, подлежащих использованию и применению при осуществлении судебного правотворчества;

– неопределенность содержания нормативного предписания (содержит оценочное понятие). В научной литературе отмечается, что данная проблема может быть устранена путем его разъяснения, создания объяснительно-правового предписания, а также с помощью конкретизирующего судебного правотворчества и установления актов судебного правотворчества;

– бинарный характер неопределенности содержания актов судебного правотворчества, что иногда побуждает к смешиванию судебного правотворчества [5, с. 13–20].

Судебное правотворчество в национальной и зарубежной юридической литературе часто связывают с функцией нормоконтроля (обычно эту функцию осуществляют конституционные суды). То есть для установления научной обоснованности отнесения к судебному правотворчеству функций и деятельности нормоконтроля нужно также учитывать и деятельность судебных органов.

В отечественной юридической литературе судебное правотворчество берет свои основы (истоки) преимущественно из деятельности национальных судебных органов. Общее понятие судебного правотворчества ограничивается его национальным видом. Поэтому возникла необходимость обратиться к зарубежной юридической литературе для выявления этого понятия.

Рассматривая деятельность международных судебных организаций, можно выделить и международное судебное правотворчество. К проблемам судебного правотворчества в юридической науке (национальной и зарубежной) также можно отнести и недостаточное исследование юридического процесса и юридических процедур судебного правотворчества.

Юридический процесс и процедуры являются характерными особенностями процессуальной части судебного правотворчества, включающими в себя упорядочение процесса судебного правотворчества. Данная проблема требует научного внимания и детального исследования. Юридический процесс и процедуры судебного правотворчества представляют собой установленный законодательством порядок использования комплекса правотворческих средств, приемов и способов (методов) судебной правотворческой деятельности соответствующих судебных органов.

Упомянутые элементы процессуальной и процедурной формы судебного правотворчества в юридической научной литературе изучены недостаточно. Анализируя юридические и технико-правовые средства, а также учитывая наработки по проблемам юридического процесса и юридических процедур, можно выделить, что комплексы технико-правовых средств и технологических

процедур регламентной и прецедентной технологии судебного правотворчества должны применяться в процессе создания судебных регламентов и судебных нормативно-правовых прецедентов, то есть в правотворческих актах судебного правотворчества и предоставлении им юридической силы [2, с. 42–46]. Итак, судебное правотворчество осуществляется в особой процессуальной форме, которая характеризуется специфическими правотворческими производствами, стадиями и режимами и определяет последовательность и порядок достижения цели судебного правотворчества.

В судебном правотворчестве ученые используют и исследуют значительное количество различных видов источников, которые, в свою очередь, обладают разными возможностями исследования. Иногда возникают ситуации, когда для оценки определенного явления судебного правотворчества трудно или вообще невозможно выделить носителей проблемы, соответственно, начинает исследоваться и использоваться значительное количество научных, законодательных и других источников [10, с. 345–404].

Обычно, когда такой носитель конкретизирован, трудно получить дополнительную и более качественную информацию о проблеме из научного источника. Такую информацию можно получить только от компетентных лиц (которые имеют право быть участниками судебного правотворчества), например экспертов, которые обладают значительными и глубокими знаниями об объекте или предмете исследования.

Обычно исследователи выделяют судебное правотворчество в научной литературе как непосредственное, целенаправленное изложение научной точки зрения, которая, в свою очередь, учитывает его преимущества и недостатки среди других научных подходов.

Среди преимуществ выделяют: способность гораздо более полно и точно выявить правовой пробел и правовую позицию относительно правового явления, создать благоприятные возможности для более глубокого изучения исследуемой проблемы. К недостаткам можно отнести влияние ученых на формирование получаемой ими информации, что может отразиться на объективности ее применения на практике.

В научной национальной и зарубежной науке относительно процедур судебной правотворческой деятельности наблюдаются определенные научные проблемы, которые проявляются в:

– процессуальных правилах (которые устанавливают последовательность осуществления правотворческих действий);

– их продолжительности во времени (моменты их начала и завершения);

– процессуальных правилах судебного правотворчества (которые определяют последовательность совершения действий судебного правотворчества) [6, с. 114–117].

Проблемы исследования судебного правотворчества в отечественной науке заключаются также в том, что национальное судебное правотворчество, в отличие от международного, могут осуществлять только высшие судебные инстанции. Поэтому, чтобы проанализировать функционирование судебного правотворчества, необходимо исследовать высшие судебные инстанции (в соответствии с судебным правотворчеством).

Анализируя национальную литературу на предмет присутствия судебного правотворчества в правовой системе Российской Федерации, важно установить значимость судебных правотворческих полномочий в высших судебных инстанциях. В отечественной науке отмечают, что наличие или отсутствие судебного правотворчества в деятельности органов судебной власти Российской Федерации на нынешнем этапе развития и совершенствования должно основываться на установлении соответствия общетеоретического построения судебного правотворчества.

Чтобы идентифицировать судебное правотворчество в деятельности органов судебной власти Российской Федерации, нужно отталкиваться от ее общих признаков, таких как:

– взаимосвязь с реализацией правотворческих функций судебной власти;

– осуществление специально уполномоченными судебными органами;

– направленность судебного правотворчества на установление нормативно-правовых предписаний;

– реализация в особой процессуальной форме;

– сосредоточение и концентрация нормативно-правовых предписаний в судебных правотворческих актах [9, с. 975–1003].

В то же время отсутствие в деятельности высших судебных инстанций судебного правотворчества при реализации других функций судебной власти обосновывается соответствием только части признаков судебного правотворчества.

В научной литературе судебное правотворчество имеет в основе нормативно-правовые предписания. Установление нормативно-правовых предписаний включает в себя возможность создания, изменения и отмены правовых норм.

Ученые считают, что судебное правотворчество некорректно в тех случаях, когда отменяет нормативно-правовые предписания без одновременной возможности их создания и изменения; полномочия высших судебных инстанций об отмене неконституционных нормативно-правовых предписаний называют также неправотворческими.

Судебное правотворчество высших судебных инстанций в научной юридической литературе усматривается и в осуществлении ими официального толкования Конституции и законов. Однако такие утверждения свидетельствуют о подмене и смешивания категорий правотворчества и правотолкования, которые с позиции общей теории права представляют собой самостоятельные типы юридической деятельности, между которыми проводят разграничение [4, с. 111–117].

Рассматривая вопрос толкования судами правовых норм, отметим, что в отечественной юридической науке отсутствует однозначное понимание судебной правоконкретизации, не сформирована теория судебной правоконкретизации, малоисследованными остаются вопросы юридической природы судебной правоконкретизации.

Анализ этого явления позволил выявить его основные характерные признаки, а именно:

– является разновидностью юридически значимой деятельности компетентного субъекта судебной системы государства: профессиональных судей, судебных коллегиальных органов, других специально уполномоченных органов судебной системы;

– обусловлена необходимостью передать точное и полное содержание принципа, нормы права в контексте реально существующих социально-правовых условий;

– направлена на достижение максимальной правовой определенности содержания нормы права для ее эффективного использования в урегулировании общественных отношений; ее результаты объективируются в предписаниях, которые фиксируются в судебных актах.

Выделим основные причины, обусловливающие необходимость в судебной правоконкретизации: высокий уровень всеобщности и абстрактности нормативно-правовых предписаний, невозможность отказать в правосудии по мотивам отсутствия эффективных правовых регуляторов, неполноты законодательства, пробелов и др., а также критерии и пределы судебной правоконкретизации [8, с. 90–93].

Подчеркнем, что правоприменение является основным и наиболее объемным видом судебной деятельности, поскольку решение юридических дел судами, осуществление правосудия – основное назначение судей и судов. Это позволяет выявить основные признаки судебной правоприменительной конкретизации, в частности, осуществление ее профессиональным судьей (судьями); фиксирование результатов в конкретизируемом предписании, что объективируется в судебном решении; создание основы для решения дела по существу, реализации интересов лиц, участвующих в деле [1, с. 14–19].

Указанное выше позволяет выявить основания осуществления судебной разъяснительной конкретизации, выделить ее виды, установить основные признаки (осуществление ее судом в лице профессионального судьи (судей), его коллегиальных органов или специально уполномоченных органов судебной системы; обусловленность необходимостью точного и унифицированного понимания содержания нормы права или ее отдельных элементов в контексте определенных обстоятельств; обеспечение эффективного урегулирования общественных отношений, унифицированного и однообразного применения принципов, норм права; отражаемость в судебных решениях или интерпретационных актах органов судебной системы).

На основе этих признаков сформулировано определение понятия судебной разъяснительной конкретизации. Выявлены возможности судебного толкования и конкретизации при интерпретации и применении соответствующих норм права, зафиксированных в соответствующих решениях суда или специальных интерпретационных актах. Указана важность судебной разъяснительной конкретизации для унификации судебной практики.

Заключение. В исследовании констатирована не только доктринальная неопределенность статуса судебной практики (актов судебных органов), но и правовая неопределенность их статуса в системе источников права Российской Федерации, что обусловливает неоднозначность понимания роли практики судов общей юрисдикции в сфере правотворчества.

Роль судебной практики судов общей юрисдикции в правотворчестве раскрыта в пределах следующих аспектов: как фактор правотворчества; средство обеспечения правотворчества; средство апробации результатов правотворчества; средство правоприменения; средство обеспечения взаимодействия субъектов правотворчества в процессе осуществления правотворческой деятельности; средство осуществления контроля и т. п.

Роль судебной практики судов общей юрисдикции в сфере правотворчества на доктриналь-

ном уровне имеет неоднозначный характер, однако современная практика судопроизводства показывает, что ее роль существенно возрастает и трансформируется, что требует определения и усовершенствования путей взаимовлияния судебной практики и правотворчества как двух взаимосвязанных институтов, которые обеспечивают общее и индивидуальное правовое регулирование отношений.

Именно от доктринального признания или категорического непризнания судебного правотворчества в качестве отдельного вида правотворческой деятельности, а судебной практики – в качестве самостоятельного источника права и будут зависеть вопросы совершенствования взаимовлияния судебной практики и правотворчества как явлений, имеющих тождественную природу, сущность и содержание которых соотносятся между собой как особое и общее; или как явлений, которые только взаимосвязаны между собой, являются разновидностями юридической практической деятельности и не порождают правотворческие последствия.

Пристатейный библиографический список

1. Актуальные проблемы правотворчества: учеб. пособ. / Н.Н. Черногор, М.В. Залоило. М., 2018.
2. Корнев А.В. Разъяснения пленумов высших судов по вопросам судебной практики как специфический источник советского права // История государства и права. 2015. № 5. С. 42–46.
3. Марченко М.Н. Судебное правотворчество и судейское право: учеб. пособ. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2017.
4. Пирмаев Е.В., Минникес И.А. Проблемы эффективности судебного толкования // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 3 (82). С. 111–117.
5. Пирмаев Е.В., Минникес И.А. Судебное толкование: основные теоретические характеристики // Академический юридический журнал. 2016. № 3(65). С. 13–20.
6. Синюков С.В. О понятии правотворчества // Известия Саратовского университета. Экономика. Управление. Право. Т. 11. Саратов, 2020. С. 114–117.
7. Удодова М.А. Механизм воздействия судебной практики на законодательство: к постановке проблемы в современной теории правотворчества // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 6. С. 40–48.
8. Чечельницкий И.В. Справедливость и правотворчество: монография. М.: Проспект, 2017.
9. Pertegas M., Marshall B. Party Autonomy and its Limits: Convergence Through the New Hague Principles on Choice of Law in International Commercial Contracts // Brooklyn Journal of International Law. 2014. Vol. 39. № 3. P. 975–1003.
10. Yeshnah D. Rampall & Ronan Feehily. The Sanctity of Party Autonomy and the Powers of Arbitrators to Determine the Applicable Law: The Quest for an Arbitral Equilibrium // Harvard Negotiation Law Review. 2018. Vol. 23. P. 345–404.

References (transliterated)

1. Aktual`ny`e problemy` pravotvorchestva: ucheb. posob. / N.N. Chernogor, M.V. Zaloilo. M., 2018.
2. Kornev A.V. Raz``yasneniya plenumov vy`sshix sudov po voprosam sudebnoj praktiki kak specificheskij istochnik sovetskogo prava // Istoriya gosudarstva i prava. 2015. № 5. S. 42–46.
3. Marchenko M.N. Sudebnoe pravotvorchestvo i sudejskoe pravo: ucheb. posob. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Prospekt, 2017.
4. Pirmaev E.V., Minnikes I.A. Problemy` e`ffektivnosti sudebnogo tolkovaniya // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. 2017. № 3 (82). S. 111–117.
5. Pirmaev E.V., Minnikes I.A. Sudebnoe tolkovanie: osnovny`e teoreticheskie xarakteristiki // Akademicheskij yuridicheskij zhurnal. 2016. № 3(65). S. 13–20.
6. Sinyukov S.V. O ponyatii pravotvorchestva // Izvestiya Saratovskogo universiteta. E`konomika. Upravlenie. Pravo. T. 11. Saratov, 2020. S. 114–117.
7. Udodova M.A. Mexanizm vozdejstviya sudebnoj praktiki na zakonodatel`stvo: k postanovke problemy` v sovremennoj teorii pravotvorchestva // Aktual`ny`e problemy` rossijskogo prava. 2018. № 6. S. 40–48.
8. Chechel`niczkij I.V. Spravedlivost` i pravotvorchestvo: monografiya. M.: Prospekt, 2017.
9. Pertegas M., Marshall B. Party Autonomy and its Limits: Convergence Through the New Hague Principles on Choice of Law in International Commercial Contracts // Brooklyn Journal of International Law. 2014. Vol. 39. № 3. P. 975–1003.
10. Yeshnah D. Rampall & Ronan Feehily. The Sanctity of Party Autonomy and the Powers of Arbitrators to Determine the Applicable Law: The Quest for an Arbitral Equilibrium // Harvard Negotiation Law Review. 2018. Vol. 23. P. 345–404.

Гольцов А.Т.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР КАК СУЩЕСТВЕННОЕ УСЛОВИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ГОСУДАРСТВЕННО-ОРГАНИЗОВАННОМ ОБЩЕСТВЕ

Цель: Исследование влияния фактора институциональности на социально-экономическое, политическое и правовое пространство в государственно-организованном обществе.

Методология: Использовались всеобщие, общенаучные и частно-научные методы.

Результаты: Статья посвящена актуальным вопросам организации социально-экономического и политико-правового взаимодействия институтов – реальных агентов общественно-политической структуры. Институциональный фактор рассматривается автором под определенным углом: с точки зрения его фундаментального значения для организации названного социально-экономического и политического взаимодействия. В результате исследования сформулирован ряд имеющих важное теоретическое и практическое значение выводов. Особенности построения и функционирования организаций (институтов) – основного полигона хозяйственной и социальной политики – зависят не только от культурных или социально-экономических условий, но и более широких – административных, политических, государственно-правовых. Социальные институты могут оказаться в положении, когда они фактически вытеснены из поля «политической дискуссии», оттеснены от обсуждения и решения задач, представляющих наибольшую социальную значимость. Общественные и политические институты не только испытывают на себе непосредственное влияние социальной среды, но и сами происходящими в них процессами оказывают воздействие на общественно-политическую систему. Ее развитие в существенной мере предопределяется качеством и характером их функционирования и взаимодействия. Удовлетворение общесоциальных потребностей обусловлено прямо или косвенно ролью институционального фактора как интегративного компонента всей социально-значимой структуры.

Новизна/оригинальность/ценность: Статья обладает высокой степенью научной ценности, поскольку представляет собой оригинальную попытку изучить воздействие институционального фактора на развитие публично-правовой среды.

Ключевые слова: институт, социальная организация, государство, адвокатура, гражданское общество, право.

Goltsov A.T.

INSTITUTIONAL FACTOR AS AN ESSENTIAL CONDITION FOR SOCIO-ECONOMIC INTERACTION IN A STATE-ORGANIZED SOCIETY

Purpose: Research of the influence of the institutionality factor on the socio-economic, political and legal space in a state-organized society.

Methodology: General scientific and private scientific methods were used.

Results: The article is devoted to topical issues of organization of socio-economic and political-legal interaction of institutions – real agents of the socio-political structure. The author considers the institutional factor from a certain angle: from the point of view of its fundamental importance for the organization of the named socio-economic and political interaction. As a result of the research, a number of important theoretical and practical conclusions were formulated. The specifics of the construction and functioning of organizations (institutions) – the main polygon of economic and social policy – depend not only on cultural or socio-economic conditions, but also on broader ones – administrative, political, and state-legal. Social institutions may find themselves in a position where they are actually pushed out of the field of «political discussion», pushed away from the discussion and solution of problems of the greatest social significance. Social and political institutions are not only directly affected by the social environment, but also by the processes that take place in them, they have an impact on the socio-political system. Its development is largely determined by the quality and nature of their functioning and interaction. Satisfaction of general social needs is determined directly or indirectly by the role of the institutional factor as an integrative component of the entire social structure.

Novelty/originality/value: The Article has a high degree of scientific value, as it is an original attempt to study the impact of the principles of criminal proceedings on its purpose (goals, objectives).

Keywords: institute, social organization, state, bar, civil society, law.

Фактор институционализма приобрел в работах юристов, экономистов, политтехнологов и дискуссиях особенно последнего времени чрезвычайно актуальное значение. Обсуждение социально-экономических и общественно-политических процессов не обходится без рассмотрения институциональных аспектов организации общественно-политического «пространства».

Прибегая к терминологии Маркса, отметим, что институциональная интеграция образует осо-

бую «природу», которая сопоставима по своему синергетическому значению [2, с. 78] с техническим оснащением общества и определяет в значительной мере его ресурсный и эмерджентный потенциал, выступает своего рода характерологическим признаком развития общественно-политического организма в целом.

В текущий момент ввиду сложившейся в стране и мире ситуации в условиях внешних экстерналий тема институциональной организации, как это и случается в непростые, если не сказать кризисные, периоды, заявляет говорить о себе с новой силой.

Во многом упрощенным становится представление об обществе как о некой совокупности отдельных индивидов. Все более очевидно, что общество (яркий пример тому – профессиональные сообщества, в частности, адвокатура, политические партии) выступает больше и больше в виде такой агрегированной целостности, элементами которой являются уже не отдельные индивиды, люди, а институциональные образования – социальные организации, институты. Они становятся реальными агентами общественно-политической структуры, ее основными субъектами, безусловно, приводя и к усложнению организационных связей и отношений, и к сокращению энтропичности социальной структуры.

Через социальную интеграцию и соединение людей институционализируются и представительские функции организаций, которые они вследствие своего инструментального предназначения призваны осуществлять вовне – во взаимодействии друг с другом и с более широкой социальной системой – государством. Этим определяется и сама перспектива их взаимодействия, она как бы имманентно заложена в природе их социальных связей.

Вместе с тем институциональные образования в силу особо рода присущей им человеческой общности сами представляют специфическую социальную среду, достаточно автономную, чтобы можно было говорить о ней как об обладающей качеством самостоятельного общественного явления – феномена. В качестве такового они выступают фактом социальной действительности, имеют свои относительно определенные, стабильные границы, которые, как показывает опыт социального моделирования, несводимы исключительно к формальным границам организационных отношений. «Организации представляют собой, несомненно, объективные, но нематериализованные объекты. …Есть «чувственно-сверхчувственная вещь», объективированная в социальных отношениях. Объективация организационных связей и норм не предметна, но квазивещественна в том смысле, что они существуют вне сознания, хотя и происходят из него. Организационные системы представляют собой всеобщий и качественно своеобразный феномен современного общества» [4, с. 21].

Модернизация общественной-политической структуры, диверсификация социально-экономических связей и отношений находятся в качественно зависимом от функционирования институциональной среды положении. Институционально организованное пространство выступает, со своей стороны, источником социального прогресса, может служить показателем темпов экономического роста. Институциональный фактор и сам является интеграционным компонентом социальной среды, формирует ее, оказывает влияние на концентрацию вокруг себя определенного социального состава (организационные формы приобретают профессии, бизнес-сферы).

С помощью институтов опосредуются базовые социальные отношения. «Общество – форма существования человечества. Освобождаясь от обыденных представлений, его следует определить не как множество людей, а как совокупность общественных отношений. Это выводит категорию «общественное отношение» на одно из первых мест в понятийной системе любой социальной теории. Такое положение названного понятия в логической структуре науки определяется той ролью, которую общественные отношения объективно играют в формировании и развитии общества. Первая их функция заключается в том, что они составляют, выражаясь метафорически, тело общества, будучи тем строительным материалом, из которого оно возводится, или (и это, может быть, точнее отражает суть дела) выступая в качестве «клеточек», образующих социальный организм. Вторая функция общественных отношений состоит в том, что их разновидности (производственные, политические, нравственные, юридические и иные отношения) образуют все социальные институты общества» [5, с. 25], но, как видно из приведенного рассуждения, не сводятся исключительно к ним. Социальные институты, таким образом, будучи элементом общественной структуры, принимают форму более широких отношений (политических, экономических, социально-психологических). Их социальная природа как специфического общественного явления не может быть уяснена без учета фактора их макросоциальной детерминации.

Положение и роль институтов в социальной структуре, обусловленные базовым типом отно-

шений «человек–общество–государство», производны от другого фундаментального факта – зависимости их деятельности от той социальной действительности (общественного и политического строя), которая выступает генератором различных социальных систем. Можно с уверенностью говорить, что «создаваемые» социальные системы (в отличие от естественно возникших, например семьи или «рода», пользуясь марксистской терминологией) относятся к числу искусственно конструируемых (они специально создаются, целенаправленно вводятся в социальную среду) и способны служить маркерами происходящих социальных процессов.

Институциональные образования, осуществляя макросоциальные функции, выступают тем опосредствующим звеном, которое обеспечивает связь индивида с более широкой социально-политической системой – обществом и государством. Тем самым возникает «промежуточный» уровень, через который преломляются интересы различных субъектов и их групп (отдельных людей, коллективов, институтов, общества и государства) и который, с другой стороны, не совпадает полностью ни с одним из них. Рассмотрение вопросов, касающихся условий взаимодействия в такой широкой общественно-политической среде, подразумевает выявление вариантов соотношения в ней горизонтальных и вертикальных связей.

Характеризуя соотношение и расстановку сил между обществом и государством, Л.И. Спиридонов отмечает, что «в паре взаимосвязанных феноменов «общество–государство» ведущую, определяющую роль играет общество. Именно оно порождает государство, становясь его содержанием и отводя ему тем самым место одной только политической формы. Принцип детерминированности государства обществом остается нерушимым и тогда, когда речь идет о политической системе тоталитарного типа. Тоталитаризм, как и демократия, социально обусловлен.

…Если исходить из того, что государство – объединение суверенных индивидов, то оно не может быть не чем иным, как корпорацией. Корпорация начинается с индивидуума: с его мнения, изволения, решения; с его «свободы» и интереса. Она строится снизу вверх. «Все через народ» – идеал формальной демократии, воплощающейся в корпорации. Напротив, противники либеральной философии усматривают сущность государства в публичной власти, стоящей над населением, и полагают, что оно не может быть не чем иным, кроме как учреждением. Жизнь учреждения строится и определяется не снизу, а сверху (даже тогда, когда само оно учреждено всенародным голосованием). Люди, входящие в него, не формулируют сами своего интереса.

Общество во всех случаях определяет характер государства. Государство, политические отношения суть лишь форма того или иного социального содержания» [5, с. 36–38]. С названной точки зрения, государство само выступает в качестве уникального социального института.

Такой взгляд на общество и государство отражает определенную мировоззренческую картину и может быть использован в качестве некой отправной точки в нашем дальнейшем изложении. Очевидно также, что в эмпирической действительности мы не имеем дела с идеальными типами. Однако в рассматриваемом нами вопросе – о социальных институтах как предпосылках взаимодействия государства и общества – эта в целом проанатомированная позиция является чрезвычайно полезной, позволяющей выделить ряд характеристик.

1. Конструкция, в форме которой выступают целенаправленно создаваемые институциональные образования, антропоморфизирует окружающую социальную и предметную действительность. Институты служат одним из важнейших средств перевода процесса, в котором участвует индивид, в рациональную схему [1, с. 47–53]. Общественные отношения как бы канализируются в институтах на основании (что подразумевается) разумно понятого интереса. На передний план выступает единство «продиктованных извне» задач, отнюдь не равное общности понимания, единомыслию. Интеграция становится функциональной, «рабочей», а совокупный результат деятельности – в определенном смысле анонимным, оторванным от конкретного индивида.

Выделение наиболее типичных, повторяющихся, непреходящих элементов (значимых в первую очередь в операциональном плане) позволяет в практике функционирования институтов моделировать саму действительность, но в уже «снятом» виде. Образуется особая внеиндивидуальная реальность, которая не зависит от отдельных людей. Их подчинение определенному сформировавшемуся внеличному порядку как «естественно» сложившемуся ходу вещей подкрепляется его конвенциональностью. Отсюда – стабилизация, институциональная признанность и «узаконенность» внутрисистемного порядка, что приводит к формированию у института качества официальности в отношениях с другими агентами социального взаимодействия и политическими институтами государства.

Порядок абстрагируется от индивидуальных особенностей. На передний план выступает целесообразность деятельности, которая предусмотрена «логической программой», а также степень соответствия организационных отношений, их результатов целям взаимодействия. Содержание организационных отношений составляют исключительно «служебные», подчиненные функциональным целям. В правилах не только закрепляется стандарт деятельности социальной организации, а и организационные отношения типизируются в формальных правилах, через них также достигается качество стабильности социального образования.

В результате поддержание целостности и достижение устойчивости социальной системы приобретает черты самостоятельной общеорганизационной ценности, как бы встроенную в природу социальной системы ее постоянную, имманентную цель.

2. Пространство, в котором осуществляется взаимодействие общественных и политических институтов, становится «полем» межцелевого напряжения как результат взаимодействия субъектов, осуществляющих присущие только им функции и действующих в своих собственных интересах и целях. Естественным продуктом функционирования такой социальной системы является ее самоорганизация. В целом характеризуя социальную самоорганизацию, следует отметить ряд важных особенностей: спонтанность ее образования, непрозрачность ее характера, не до конца просчитываемость ее результата, возможность отклонения от поставленных задач.

Феномен самоорганизации можно проиллюстрировать на примере того, как выглядят с позиции социологии обменные отношения на товарном рынке. Совершенно очевидно, что обмен между людьми неистребим. Люди вступают в обменные отношения сознательно. Мы исходим из того, что, совершая куплю-продажу, агенты обменных отношений наделены интеллектом и волей. И все же, несмотря на сознательность и целенаправленность обменных отношений на уровне индивидуальных субъектов, принимающих участие в них, само «поле», на котором происходит их взаимодействие, объективируется самопроизвольно в относительно стабильных элементах, из которых складывается социальный порядок (нормы поведения, ценности).

«Отличительное свойство [социальной самоорганизации. – авт.] – спонтанность, т. е. самопроизвольность, отсутствие единого субъективного начала. Это не значит, что элемент субъективного, человеческая воля, план, цель здесь исключены совершенно. Но они не выступают как сознательно образуемая общая основа процесса. …Каждый преследует свою цель, но процесс, который в итоге возникает, оказывается самосовершающимся» [4, с. 65].

Сфера социально-организованного взаимодействия – своего рода экосреда, которая как некоторое интегральное направление общего движения возникает из «столкновения» функций и собственных задач ее субъектов.

Субъекты социального взаимодействия (социальные и политические институты) обладают известной ограниченностью ввиду частного характера тех задач, для решения которых они, вообще говоря, создаются и функционируют. В силу названного обстоятельства они склонны абсолютизировать собственные задачи, поскольку смотрят на них как на основные, главные, конечные в своей деятельности. Для того чтобы преодолеть «разбегания» целей, создаются институциональные образования более высокого, надорганизационного, уровня, которые интегрируют в своем составе организации нижнего уровня. Таким образом, общество может быть представлено как единая и «непрерывная» организационная система, в которой границы одного института заканчиваются там, где начинаются границы другого.

3. Соотношение горизонтальных и вертикальных связей в социальной структуре общественно-политического организма обусловлено не в последнюю очередь тем немаловажным обстоятельством, что воздействующие на этот процесс факторы (экономические, политические, юридические, социальные) «вытекают» из отношений собственности. Устройство общественно-политической системы, ее социальное содержание во многом предопределяются типом собственности. Так, в советский период «превращение государства в единственного и всеобъемлющего собственника породило нивелировку отношений с ним различных профессиональных и иных социальных групп, которые оказались равно бесправными и зависимыми. Дифференциация социально-профессиональных групп населения происходила лишь по степени благ, предоставляемых им государством, и по наличию или отсутствию возможности (легально или нелегально) участвовать в их распределении» [6, с. 42].

Очевидно, что социально-экономическое взаимодействие не может осуществляться в «безвоздушной» среде, но обязательно в условиях определенного социального устройства, в рамках, как принято говорить, того общественно-поли-

тического строя, коренные отношения которого увязаны на признании и уважении в первую очередь института частной собственности. Без преувеличения, в институтах резко проявляются основанные на разных типах собственности («социалистической» или, условно, «рыночной») особенности общественного строя. Эти особенности еще сильнее амплифицируются в принципах организации институтов, их социальной структуре, характере и способе формирования их целей, социальном контроле и качестве управленческих отношений в них.

Необходимо иметь в виду, что политическое и юридическое отношение к признанию частной собственности имплицирует в себе легализацию имущественного неравенства. Как результат, поведение агента социально-экономической деятельности становится «непрозрачным», «непредсказуемым», другими словами, свободным, а потому снятым для всестороннего патерналистского контроля со стороны более широкой социально-политической системы. Связь атомизированных агентов социально-экономической жизни между собой и с обществом в целом в такой ситуации осуществляется через свой рационально для себя сформулированный частный интерес. Эмпирические барьеры, которые неизбежно возникают из такой суверенной самодеятельности, индивидуальной инициативы замкнутых на отношения частной собственности субъектов, могут оказаться, по понятным причинам, категорически несовместимыми с характером политического устройства. К этому стоит добавить, что экономически свободные субъекты завоевывают, как показывает естественно-исторических опыт общественно-политических систем, и политические права, сами становятся субъектами политической жизни.

В главным образом политическом «уважении» института частной собственности объективируются предпосылки формирования гражданского общества – основного, по современным воззрениям, гаранта против злоупотреблений и тирании со стороны государства, его политического режима. «Пространство свободы – это прежде всего свобода собственности. Правовой институт частной собственности – единственный демократический институт, без которого не может существовать общество как самостоятельная величина, отличная от государства» [3].

Институциональный аспект организации общественно-политической структуры стал ключевым в понимании условий социально-экономического взаимодействия и взаимовлияния ее субъектов и несет на себе (хоть и не зеркально) отражение того типа социального организма, к которому он принадлежит. Сказанное равно справедливо может быть отнесено и к общественным, и к политическим институтам. Политическая организация общества, под которой традиционно подразумевают государственно-организованное образование, не существует вне институционально сформированных механизмов власти и управления (как и формирование самого общества не представляется возможным без институтов).

Отдельно следует обратить внимание и на несколько, можно так обозначить, дискурсионных моментов.

Первое. Общественные и политические институты не только испытывают на себе непосредственное влияние социальной среды, но и сами происходящими в них процессами оказывают воздействие на общественно-политическую систему. Ее развитие в существенной мере предопределяется качеством и характером их функционирования и взаимодействия. Известное несовпадение или расхождение целей и задач между ними не отменяет того в общем-то непреложного обстоятельства, что состояние общественных отношений, макросоциальные процессы (научно-техническое, технологическое развитие), удовлетворение общесоциальных потребностей обусловлены прямо или косвенно ролью институционального фактора как интегративного компонента всей социально значимой структуры.

Второе. Институциональная среда подвержена макросоциальной детерминации. Это означает, что особенности построения и функционирования организаций – а они выступают основным полигоном хозяйственной и социальной политики – зависят не только от культурных или социально-экономических условий, но и более широких – административных, политических, государственно-правовых. Общественные институты могут оказаться в положении, когда они фактически вытеснены из поля «политической дискуссии», оттеснены от обсуждения и решения задач, представляющих наибольшую социально значимость.

Макросоциальная детерминация влияет на экосистему, в которой организации вынуждены пребывать. Воздействия на среду со стороны более широкой и более мощной социально-организованной системы могут приводить к избирательному просеиванию организаций, их фильтрованию и устранению из общественно-политического пространства нелояльных, пусть и имеющих широкую социальную поддержку в силу их реального предметно-инструментального предназначения.

Третье. Перечисленные факторы могут приводить к тому, что избирательный подход станет «имплицироваться» на гораздо более ранних этапах – уже при конструировании самих типов организационных связей. Негативная сторона этого – имитация социально активной деятельности, насыщение общественной структуры пусторожденными симулякрами – институциональными структурами, только внешне похожими на реальных агентов социального взаимодействия, создающими видимость удовлетворения общественно-политических потребностей.

В заключение отметим следующее. Социальная интеграция – процесс не одномоментный, он не может быть рассмотрен изолированно, в отрыве от макросоциальной среды и общественно значимых потребностей, в «материале» которых и должна формироваться специфическая институционально организованная (общественно-политическая) экосистема. Ее формирование – само по себе важное условие в контексте выполнения социально значимых задач, удовлетворения определенного социального запроса. Однако наращивание институтов не должно подменять собою стремление к удовлетворению тех самых социальных потребностей, общественных ожиданий, которые вызвали их к жизни, не должно трансформироваться в самоцель. Удовлетворение социально значимых потребностей при таком понимании заключается не в количестве присутствующих, искусственно насажденных «сверху» на общественно-политическом пространстве структур, которые, к слову сказать, могут преследовать и декларативные задачи, камуфлируя действительное положение дел, а в инструментальном разрешении социально обозначенных целей, показатель чего традиционно выражается в состоянии социальной удовлетворенности, а не в отчетно-формальной констатации их достижения. В противоположной ситуации происходит искажение самой сущности институтов, свойственных демократической организации, ослабление горизонтальных структур, по общему признанию, характеризующих социальную природу гражданского общества.

Необходимо подчеркнуть, что деструктуризация общества, его атомизация в условиях, когда отсутствует реальное, неангажированное политическими и узколичными мотивами социально-экономическое взаимодействие с государством, «конструктивный диалог» с ним, его общественно-политическими институтами, могут приводить, как это было в советский период, к появлению механизмов теневой экономики, к проявлению недоверия к официально санкционированным социальным структурам и институтам власти, к разрыву в общественном сознании между фактическими и официально декларируемыми ценностями и, как следствие, к формированию «двойных стандартов» поведения, поиску путей решения вопросов повседневной жизни во внеправовых, нелегальных формах.

Пристатейный библиографический список

1. Иян Маккай. Право и экономика для континентальной правовой традиции. М., 2019.
2. Норт Дуглас. Насилие и социальные порядки. М., 2011.
3. Права человека и социально-политические процессы в посткоммунистической России / отв. ред. И.Б. Михайловская. М., 1997.
4. Пригожин А.И. Социология организаций. М., 2015.
5. Спиридонов Л.И. Теория государства и права. М., 2001.
6. Судебная власть / под ред. И.Л. Петрухина. М., 2003.

References (transliterated)

1. Iyan Makkaj. Pravo i e`konomika dlya kontinental`noj pravovoj tradicii. M., 2019.
2. Nort Duglas. Nasilie i social`ny`e poryadki. M., 2011.
3. Prava cheloveka i social`no-politicheskie processy` v postkommunisticheskoj Rossii / otv. red. I.B. Mixajlovskaya. M., 1997.
4. Prigozhin A.I. Sociologiya organizacij. M., 2015.
5. Spiridonov L.I. Teoriya gosudarstva i prava. M., 2001.
6. Sudebnaya vlast` / pod red. I.L. Petruxina. M., 2003.

Багреева Е.Г., Вахтуров Е.В.

ИЗМЕНЕНИЕ ПРАВОСОЗНАНИЯ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Цель: Выявление влияния пандемии коронавируса на правосознание граждан России.

Методология: Использовались историко-правовой и формально-юридический методы.

Результаты: В условиях самоизоляции невозможность существования людей в привычном ритме и сложившемся образе жизни повлекла существенные изменения в их сознании и, как следствие, – в правосознании. Авторы использовали модель А. Маслоу для анализа актуальной «пирамиды потребностей». Отмечается, что в результате трансформации на первое место выступили базовые, прежде всего физиологические, потребности, в то время как социальные и духовные отошли на второй план. В условиях пандемии изменился и уровень доверия к власти и государству. Снижение уровня правосознания обусловлено в ряде случаев разрушением общественных ценностей, что и привело к росту числа правонарушений. Опасность деформации правосознания состоит в усилении правового нигилизма, что представляет угрозу устойчивому развитию государства в условиях пандемии.

Новизна/оригинальность/ценность: Статья обладает научной ценностью, поскольку является одной из первых попыток рассмотреть кризис правосознания в условиях пандемии коронавируса через призму трансформации пирамиды потребностей.

Ключевые слова: пандемия коронавируса, правосознание, доверие к власти, правовой нигилизм.

Bagreeva E.G., Vakhturov E.V.

CHANGE OF LEGAL CONSCIOUSNESS IN PANDEMIC CONDITIONS

Purpose: Revealing the impact of the coronavirus pandemic on the legal consciousness of Russian citizens.

Methodology: Historical-legal and formally-legal method was used.

Results: The article is devoted to identifying the impact of the coronavirus pandemic on the legal consciousness of Russian citizens. In the conditions of self – isolation, the impossibility of people's existence in the usual rhythm and established way of life led to significant changes in their consciousness, and as a result- in their legal consciousness. The authors used the A. Maslow model to analyze the current «pyramid of needs». It is noted that as a result of the transformation, basic, and above all, physiological needs came first, while social and spiritual ones took a back seat. In the context of the pandemic, the level of trust in the government and the state has also changed. The decline in the level of legal awareness is due in some cases to the destruction of social values, which led to an increase in the number of offenses. The danger of distortion of legal consciousness is the development of legal nihilism, which is a threat to the sustainable development of the state in a pandemic.

Novelty/originality/value: Article possesses the scientific value as is one of the first attempts to consider the crisis of legal consciousness in the context of the coronavirus pandemic through the prism of the transformation of the pyramid of needs.

Keywords: coronavirus pandemic, sense of justice, trust in government, legal nihilism.

Правосознание – это «субъективное отражение объективной правовой реальности, включающее в себя понимание смысла, усвоение значений, эмоциональную оценку и способы применения правовых норм» [1]. Право неразрывно связано с существованием человеческого общества. Изменение социальных условий оказывает влияние на правосознание.

В сознании людей 2020 год связан с пандемией коронавирусной инфекции COVID-19, затронувшей все страны мира. Одним из ее последствий, не до конца пока осознаваемых, является влияние на правосознание. Эта проблема стала темой нашей статьи. Целью ее является выявление влияния пандемии коронавируса на правосознание граждан России.

На данный момент основной и пока единственной мерой сдерживания роста распространения эпидемии, как в России, так и во всём мире, является «режим самоизоляции» – ограничение круга общения, а значит и источников распространения болезни. Во всех странах мира, особенно в наиболее пострадавших от вспышек эпидемии, государственная власть выполняет сдерживающе-принудительную функцию вплоть до уголовной ответственности за нарушение режима самоизоляции [2]. Российская Федерация пошла таким же путём: сначала использовались методы, призывающие людей к социальной ответственности, однако, столкнувшись с проблемой правосознания, государство вынуждено было ввести более строгие ограничительные меры.

Правительство использовало различные меры принуждения, чтобы сдержать распространение пандемии:

– закрытие границ как между странами, так и между субъектами Российской Федерации;

– закрытие мест массового скопления людей;

– разграничение социальной дистанции;

– введение электронных пропусков в некоторых субъектах Российской Федерации;

– объявление нерабочих недель с сохранением заработной платы;

– введение штрафов за нарушение режима самоизоляции [3] и др.

Такие меры воспринимались гражданами РФ неоднозначно. В результате смены привычного образа жизни произошли изменения в сознании, а как следствие, – в правосознании.

В чем состоят причины этого явления?

Во-первых, на наш взгляд, это связано с трансформацией «пирамиды потребностей». В соответствии с классической моделью А. Маслоу, на нижней ступени пирамиды находятся физиологические потребности, далее – потребность в безопасности, социальные потребности, потребности в уважении и признании, познавательные, эстетические и потребность в самоактуализации. Каждый новый уровень потребностей возникает при условии удовлетворения предыдущего уровня. Современная история человечества доказала, что сегодня человек не может жить только базовыми потребностями: большую роль играют социальные и духовные потребности, которые коррелируются, в частности, с получением образования. Казалось, что эта «пирамида» устоялась и останется незыблемой.

Однако в условиях пандемии произошла трансформация «пирамиды потребностей». На первый план выступили базовые потребности. Реалии новой жизни проявили различные способы решения проблем физиологических потребностей и потребности в безопасности в зависимости их удовлетворения от уровня интеллектуального развития. Одним гражданам-потребителям очень важно было иметь возможность закупить продукты впрок (вспоминаем пресловутую гречку), для других важным фактором спокойствия явилось наличие доставки еды из любимых ресторанов.

Потребность в безопасности также реализовывалась разными способами: одни ощущали высокий уровень безопасности при наличии в магазинах перчаток, антисептика и масок; другим была важна безопасность в глобальном смысле – от оружия и автономных источников энергии до покупки недвижимости в удаленных от крупных городов местах.

Основной проблемой, которая возникает из-за преобладания базисных потребностей, является то, что все остальные потребности уходят на второй план. В конечном счёте, человек больше заботится о себе, чем об окружающих.

Кардинально изменились социальные потребности. Соблюдение требования социальной дистанции и самоизоляции привело к сокращению естественных социальных контактов. Перенесение их в цифровую реальность не смогло полностью заменить обычное человеческое общение. Особенно ощутили это люди, не владеющие навыками работы в интернет-пространстве или не имеющие доступ к нему. Но даже те, кто имел возможность online-коммуникации, не могли полностью удовлетворить свои социальные потребности. Как отмечают ученые, «полноценное общение нужно человеку именно для обмена эмоциями, не информацией. В случае длительного отсутствия такового или замены на виртуальное общение у личности с большой долей вероятности развивается психологическое расстройство» [4].

Что касается духовных потребностей, то они также претерпели изменения. В первую очередь, можно говорить об ограничении традиционных каналов «приобщения» к духовной культуре. Были закрыты музеи, театры, не проводились выставки, экскурсии и т. д. Как и в случае с социальными потребностями, перенесение этих каналов в пространство интернета имело неоднозначные последствия. С одной стороны, многие площадки предоставили бесплатные ресурсы: online-трансляции спектаклей, виртуальные экскурсии и т. п. С другой стороны, даже самая качественная трансляция не дает «полноты катарсиса».

То же касается и процесса обучения. Переход на дистанционное обучение, по признанию большинства участников образовательного процесса, стал стрессом, а его эффективность снизилась [5]. Пока нет полноценного анализа результатов дистанционного обучения в период пандемии, но очевидно, что они будут противоречивы. Часть граждан РФ воспользовалась периодом самоизоляции для прохождения online-курсов и расширила границы своих знаний. Но большая часть, не имея технических средств и информационной поддержки, не смогла организовать свой процесс обучения.

Таким образом, можно наблюдать своеобразное «переворачивание пирамиды потребностей», что позволяет говорить о кризисе сознания. Результатом этого кризиса для многих стали депрессия, неудовлетворенность жизнью, панические настроения, страх перед будущим. Часть граждан перестала видеть смысл в соблюдении обществен-

ных норм, если они ограничивают и не дают возможности удовлетворять свои потребности.

Законность и противозаконность в рамках позитивного права связаны с юридическими законами и правовыми нормами. Субъекту свойственно выстраивать модель своего поведения, исходя из предусмотренных общественных норм, их содержания и последствий в случае их несоблюдения. Следовательно, основное содержание правового сознания – это знание о требованиях установленных норм. Как отмечал И.А. Ильин, «содержание «народного правосознания» состоит в понимании каждым гражданином своего правового статуса и его уважении к праву» [6, с. 168–169]. А в связи с тем, что право начинает противоречить базисным потребностям человека, в обществе может пропасть уважение к праву.

Второй причиной изменения правосознания является снижение уровня доверия к власти и государству. Компанией Online Market Intelligence и центром социального проектирования «Платформа» было проведено социологическое исследование, которое показало, что 61 % россиян за время пандемии коронавируса меньше стал доверять власти и способности государства помогать гражданам в условиях кризиса [7].

В мире также поддерживается тенденция к росту недоверия общества к власти [8]. Люди боятся пандемии и хотят довериться правительству, чтобы избавиться от страхов и проблем. Но власти не оправдывают их ожидания. Таким образом, доверие к власти продолжает падать.

Правосознание является отражением правовой реальности во всех сферах жизни общества – экономической, социальной, политической, духовной. Так как пандемия затронула все сферы, то это обусловило изменение и правосознания. В условиях пандемии правовая реальность сильно изменилась, причём не в благоприятную сторону. Понижение уровня правосознания в обществе может грозить разрушением общественных ценностей. Примером этому может служить повышение уровня преступности во время пандемии.

Режим самоизоляции привел к изменениям, как в числе регистрируемых преступлений, так и в структуре совершенных преступлений. По свидетельствам отчета «Состояние преступности» МВД России, «выросло число изнасилований и покушений на них: за март–май было совершено почти на 36 % больше таких преступлений, чем годом ранее. Число убийств в июне на 20 % превысило показатели того же месяца 2019 г.» [9]. Особенно выросло число таких преступлений, как убийства, причинения тяжкого вреда здоровью, совершенных в быту и лицами, находящимися в алкогольном опьянении [10]. Та же тенденция характерна и для зарубежных стран [11].

Проведенный анализ влияния пандемии коронавируса на правосознание граждан России позволяет сделать следующие выводы. В условиях пандемии, с одной стороны, произошло изменение правовой реальности и общественных отношений, наметился рост недоверия к государственным институтам власти. С другой стороны, измененная правовая реальность обусловила тенденцию кризиса правосознания, в основе которой лежит трансформация «пирамиды потребностей» человека.

Пристатейный библиографический список

1. Бурикова И.С. Психология правосознания человека в условиях глобальных изменений [Электронный ресурс]. URL: http://www.cspdom.ru/public-analit/ppsychology/psy-pravosoznanie.

2. Багреева Е.Г., Мантарова А.И. Криминологический анализ и тенденции преступности в период и после пандемии в Российской Федерации и Республике Болгария // Вестник Московского областного университета. 2020. № 3. С. 93.

3. COVID-19. Меры Правительства по борьбе с коронавирусной инфекцией и поддержке экономики [Электронный ресурс]. URL: http://government.ru/rugovclassifier/883/events/.

4. Виловатых А. Вероятные последствия пандемии нового коронавируса [Электронный ресурс]. URL: https://riss.ru/article/3719/.

5. Агранович М.Л. Организация образования в условиях пандемии. Опыт стран ОЭС [Электронный ресурс]. URL: https://firo.ranepa.ru/novosti/105-monitoring-obrazovaniya-na-karantine/789-agranovich-ekspertiza/.

6. Ильин И.А. О сущности правосознания // Ильин И.А. Собр. соч.: в 10 т. Т. 4. М., 1994. С. 168–169.

7. Астафурова Е. Уровень доверия к государству у россиян упал до 61 % во время кризиса из-за пандемии // Открытые медиа [Электронный ресурс]. URL: https://openmedia.io/news/n1/uroven-doveriya-k-gosudarstvu-u-rossiyan-upal-do-61-vo-vremya-krizisa-iz-za-pandemii/.

8. В России растет недоверие к власти, но как в Америке пока не будет [Электронный ресурс]. URL: https://newdaynews.ru/moscow/694011.html.

9. Тереньтьев И. За время пандемии и самоизоляции в России выросло число изнасилований, убийств и «пьяных» преступлений // Открытые медиа [Электронный ресурс]. URL: https://openmedia.io/news/n4/za-vremya-pandemii-i-samoizolyacii-v-rossii-vyroslo-chislo-iznasilovanij-ubijstv-i-pyanyx-prestuplenij.

10. В Казани во время самоизоляции выросло число убийств и грабежей магазинов [Электронный ресурс]. URL: https://rt.rbc.ru/tatarstan/13/04/2020/5e94262f9a79478528e93839/.

11. Европол указал на резкий рост связанных с пандемией коронавируса преступлений [Электрон-

ный ресурс]. URL: https://www.dw.com/ru/европол-указал-на-резкий-рост-связанных-с-пандемией-коронавируса-преступлений/a-52935695/.

References (transliterated)

1. Burikova I.S. Psixologiya pravosoznaniya cheloveka v usloviyax global`ny`x izmenenij [E`lektronny`j resurs]. URL: http://www.cspdom.ru/public-analit/ppsychology/psy-pravosoznanie.

2. Bagreeva E.G., Mantarova A.I. Kriminologicheskij analiz i tendencii prestupnosti v period i posle pandemii v Rossijskoj Federacii i Respublike Bolgariya // Vestnik Moskovskogo oblastnogo universiteta. 2020. № 3. S. 93.

3. COVID-19. Mery` Pravitel`stva po bor`be s koronavirusnoj infekciej i podderzhke e`konomiki [E`lektronny`j resurs]. URL: http://government.ru/rugovclassifier/883/events/.

4. Vilovaty`x A. Veroyatny`e posledstviya pandemii novogo koronavirusa [E`lektronny`j resurs]. URL: https://riss.ru/article/3719/.

5. Agranovich M.L. Organizaciya obrazovaniya v usloviyax pandemii. Opy`t stran OE`S [E`lektronny`j resurs]. URL: https://firo.ranepa.ru/novosti/105-monitoring-obrazovaniya-na-karantine/789-agranovich-ekspertiza/.

6. Il`in I.A. O sushhnosti pravosoznaniya // Il`in I.A. Sobr. soch.: v 10 t. T. 4. M., 1994. S. 168–169.

7. Astafurova E. Uroven` doveriya k gosudarstvu u rossiyan upal do 61 % vo vremya krizisa iz-za pandemii // Otkry`ty`e media [E`lektronny`j resurs]. URL: https://openmedia.io/news/n1/uroven-doveriya-k-gosudarstvu-u-rossiyan-upal-do-61-vo-vremya-krizisa-iz-za-pandemii/.

8. V Rossii rastet nedoverie k vlasti, no kak v Amerike poka ne budet [E`lektronny`j resurs]. URL: https://newdaynews.ru/moscow/694011.html.

9. Teren`t`ev I. Za vremya pandemii i samoizolyacii v Rossii vy`roslo chislo iznasilovanij, ubijstv i «p`yany`x» prestuplenij // Otkry`ty`e media [E`lektronny`j resurs]. URL: https://openmedia.io/news/n4/za-vremya-pandemii-i-samoizolyacii-v-rossii-vyroslo-chislo-iznasilovanij-ubijstv-i-pyanyx-prestuplenij.

10. V Kazani vo vremya samoizolyacii vy`roslo chislo ubijstv i grabezhej magazinov [E`lektronny`j resurs]. URL: https://rt.rbc.ru/tatarstan/13/04/2020/5e94262f9a79478528e93839/.

11. Evropol ukazal na rezkij rost svyazanny`x s pandemiej koronavirusa prestuplenij [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.dw.com/ru/evropol-ukazal-na-rezkij-rost-svyazanny`x-s-pandemiej-koronavirusa-prestuplenij/a-52935695/.

RALA

RUSSIAN ASIAN LEGAL ASSOCIATION

РУССКО-АЗИАТСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ЮРИСТОВ

亚洲俄罗斯律师协会

Phone: +7 (495) 211 4188

E-mail: info@rala.legal

Воробьева М.Н.

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫХ ФИКЦИЙ В ФЕДЕРАТИВНОМ УСТРОЙСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Цель: Статья посвящена исследованию конституционно-правовых фикций в федеративном устройстве Российской Федерации.

Методология: Методология исследования основана на формально-юридических методах, методе сравнения, анализа и обобщения.

Результаты: Автор приходит к выводу об отсутствии дефиниции понятия «конституционно-правовых фикций в федеративном устройстве Российской Федерации». В статье обосновывается необходимость формирования определения «конституционно-правовой фикции в федеративном устройстве Российской Федерации» в науке конституционного права.

Новизна/оригинальность/ценность: В статье предпринята попытка исследовать конституционно-правовые фикции в федеративном устройстве Российской Федерации. Автором предложена дефиниция «конституционно-правовые фикции в федеративном устройстве Российской Федерации».

Ключевые слова: конституционно-правовые фикции в федеративном устройстве РФ, научные подходы, Конституция Российской Федерации, федеративное устройство, федерализм.

Vorobyova M.N.

ON THE CONCEPT OF CONSTITUTIONAL AND LEGAL FICTIONS IN THE FEDERAL STRUCTURE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Purpose: The article is devoted to the study of constitutional and legal fictions in the federal structure of the Russian Federation.

Methodology: The research methodology is based on formal legal methods, the method of comparison, analysis and generalization.

Results: The author comes to the conclusion that there is no definition of the concept of «constitutional and legal fictions in the federal structure of the Russian Federation». The necessity of forming a definition of «constitutional and legal fiction in the federal structure of the Russian Federation» in the science of constitutional law is substantiated.

Novelty/originality/value: The article attempts to investigate constitutional and legal fictions in the federal structure of the Russian Federation. The author offers a definition of the concept of «constitutional and legal fictions in the federal structure of the Russian Federation».

Keywords: constitutional and legal fictions in the Federal structure of the Russian Federation, scientific approaches, the Constitution of the Russian Federation, Federal structure, federalism.

На современном этапе развития отечественного конституционного законодательства использование юридических фикций в механизме правового регулирования федеративных отношений вызвано особенностями федеративного устройства России. В праве юридические фикции используются достаточно часто. Противоречивые тенденции правового развития конституционного законодательства ставят перед юридической наукой новые задачи.

Многообразие подходов к изучению юридических фикций подтверждает уникальность рассматриваемой категории. Логическая конструкция «как если бы» имеет самостоятельное значение, которое необходимо учитывать в процессе правотворчества и правоприменения. Как отмечает И.А. Исаев [2, с. 2–4], юридическая фикция может выступать в качестве одного из способов эффективного заполнения пробелов в законодательстве. Считаем, что с данным утверждением можно поспорить, поскольку конституционно-правовые фикции в федеративном устройстве Российской Федерации, представляя собой разновидность юридических фикций, не восполняют пробелы в праве или законодательстве. Конституционно-правовым фикциям в федеративном устройстве Российской Федерации так же, как и юридическим фикциям, изначально свойственно положение, которое не соответствует действительности.

Актуальным и малоизученным остается вопрос о дефиниции понятия «конституционно-правовых фикций» в федеративном устройстве Российской Федерации. В юридической науке однозначных взглядов на определение «конституционно-правовой фикции» и доктринальных подходов не установлено. Фрагментарно фикция отражается в научных трудах советского времени. Однако в научных работах по теории права фикция изучается наряду со смежными категориями: презумпциями, аксиомами, аналогией. Отграничения от представленных явлений позволяют выделить фикцию в праве как самостоятельную

правовую категорию, наделенную особыми признаками. Безусловно, изучение этимологии фикции имеет существенное смысловое значение для ее исследования в конституционном праве.

На основе анализа научных работ и теоретических взглядов на определение юридических фикций выделим следующие допустимые, на наш взгляд, подходы к изучению конституционно-правовых фикций в федеративном устройстве Российской Федерации: «общенаучный» [5, с. 355], «классический (традиционный)» [7, с. 216], «нормативный» [1, с. 199], «фикция как юридический факт» [3, с. 5–9].

В результате анализа вышеуказанных научных подходов к исследованию конституционно-правовых фикций в федеративном устройстве Российской Федерации ни одного допустимого подхода не установлено.

Во-первых, фикция имеет латинское происхождение («fictio» означает выдумку, вымысел, несуществующее, ложное). Она выражается преимущественно с помощью конструкций «как бы», «как если бы», «допустим», «эквивалентно», «считается» и прочее. Однако общенаучный подход, сформированный на основе этимологии категории «фикция», не раскрывает отраслевого значения конституционно-правовых фикций в федеративном устройстве Российской Федерации, не обозначает особенностей, не выделяет отличительных признаков конституционно-правовых фикций в федеративном устройстве Российской Федерации от юридических фикций.

Во-вторых, классический подход, исследующий юридическую фикцию как прием (средство, способ) юридической техники, не раскрывает значения конституционно-правовых фикций в федеративном устройстве Российской Федерации. Классический подход позволяет выявить основные признаки фикции, отграничить их от смежных юридических конструкций, определить ее место в праве. Благодаря приему юридической техники фикция приобретает признак нормативности, иначе она находилась бы вне пределов правового поля и рассматривалась лишь как общенаучная категория. Без категории вымысла сложно признать несуществующее положение в качестве существующего, создать правовую модель абстракции и тем самым способствовать развитию права в целом.

В-третьих, нормативный подход к определению конституционно-правовых фикций в федеративном устройстве Российской Федерации также не применим к исследованию «конституционно-правовых фикций в федеративном устройстве Российской Федерации», поскольку отождествление фикции с правовой нормой означает признание ее как правила поведения, тогда как «каждая норма определяет правило поведения в неразрывной связи с условиями ее реализации и мерами принуждения к соблюдению, связи этих определений (элементов, атрибутов) правовой нормы образуют ее структуру: «если – то – иначе» [6, с. 371].

Невозможно не отметить, что конституционно-правовая норма, являясь первичным элементом отрасли конституционного права, регулирует общественные отношения в области государственного устройства, а также установления и защиты основных прав и свобод личности. Специфика конституционно-правовых норм заключается в источниках их выражения (в основном Конституция), их учредительном характере, особом механизме их реализации, особенностях структуры (в основном – отсутствие санкции). Отождествление конституционно-правовых фикций с нормой права создает неустойчивые конституционные основы федеративного устройства, что не приемлемо для Российской Федерации.

В-четвертых, концепция «юридического факта» к конституционно-правовым фикциям в федеративном устройстве Российской Федерации также не применима, поскольку достаточно сложно с уверенностью поставить знак тождества между двумя правовыми категориями. Юридическая фикция не является жизненным обстоятельством, с которым нормы позитивного права связывают возникновение, изменение или прекращение правоотношений. Юридическая фикция, в отличие от юридического факта, представляет собой искусственную конструкцию условной реальности и тем самым подменяет понятие юридического факта. Однако юридический факт не является искусственной конструкцией, а представляет проявление реальной действительности. Юридическая фикция признает юридический факт, но не в качестве реального, а в качестве факта-сведения, знания, не обладающего достоверностью, однако принятого за достоверное в силу закона. Признание юридической силы не вступившего в законную силу международного договора, наделение правами и свободами иностранных граждан, признание территорий посольств и консульств в иностранных государствах территорией России, признание морского, речного и воздушного судов территорией России независимо от места нахождения в морском, речном и воздушном пространстве обеспечивается рассматриваемой юридической конструкцией.

В работе Ю.В. Кима [4] о самостоятельной природе фикций в конституционном праве Российской Федерации детально определены сферы применения фикций в конституционном праве Российской Федерации: вопросы федерализма, суверенитета, демократии, конституционализма, разделения властей, отсутствие единого научного подхода к пониманию «государства». Однако особенности конституционно-правовых фикций, их признаки и значение специально не исследуются.

В результате анализа вышеперечисленных научных подходов приходим к выводу, что они отражают различные проявления фикций в праве и только в совокупности могут раскрывать ее уникальность. Кроме того, вышеперечисленные подходы не решают проблему дефиниции понятия «конституционно-правовых фикций в федеративном устройстве Российской Федерации».

Ни один из предложенных подходов не разъясняет, например, использования конституционно-правовых фикций в федеративном устройстве РФ в п. 1 ст. 8 ФКЗ от 17.12.2001 № 6-ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации», которые упрощают процедуру принятия нового субъекта в состав Российской Федерации, допуская юридическую силу не вступившего международного договора на основании решения Конституционного Суда Российской Федерации. В результате указанный международный договор вносится в Государственную Думу на ратификацию в порядке, предусмотренном Федеральным законом «О международных договорах Российской Федерации».

Вместе с тем из другого примера конституционно-правовых фикций в федеративном устройстве Российской Федерации, предусмотренного п. «в» ч. 1 ст. 7 ФКЗ от 17.12.2001 № 6-ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» о правопреемстве в отношении членства иностранного государства в международных организациях, его имущественных активов и пассивов, следует тесная взаимосвязь конституционно-правовых фикций в федеративном устройстве РФ с юридическими фикциями. Поскольку институт правопреемства, представляя собой юридическую фикцию, также допускает переход прав и обязанностей от одного субъекта Российской Федерации к другому, тем самым декларативно-абстрактный характер, условность конституционно-правовых фикций в федеративном устройстве Российской Федерации позволяют, как приему юридической техники, решать различные правовые казусы.

На основе анализа вышеизложенных научных подходов попытаемся предложить решение проблемы дефиниции понятия «конституционно-правовая фикция в федеративном устройстве Российской Федерации».

«Конституционно-правовая фикция в федеративном устройстве Российской Федерации представляет собой средство юридической техники, посредством которого намеренно созданное не соответствующее действительности положение признается соответствующим с целью вызвать или не допустить наступления определенных юридических последствий в федеративном устройстве Российской Федерации».

Пристатейный библиографический список

1. Воробьева М.Н. Основные подходы к определению правовой природы фикции // Вестник Алтайской Академии экономики и права. Барнаул, 2015. Вып. 4. № 42.
2. Душакова Л.А. Правовые фикции: дис. … канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2004.
3. Исаев И.А. Юридическая фикция как форма заполнения правовых пробелов // История государства и права. 2011. № 22.
4. Ишигилов И.Л. Понятие юридических фикций // Сибирский юридический вестник. 2007. № 1.
5. Ким Ю.В. Фикции в конституционном праве: происхождение, сущность, значение. Кемерово, 2014.
6. Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права: учебник для вузов. М., 2004.
7. Марченко М.Н. Теория государства и права: курс лекций. М., 1996.
8. Танимов О.В. Юридические фикции и проблемы их применения в информационном праве: дис. … канд. юрид. наук. Саранск, 2004.

References (transliterated)

1. Vorob`eva M.N. Osnovny`e podxody` k opredeleniyu pravovoj prirody` fikcii // Vestnik Altajskoj Akademii e`konomiki i prava. Barnaul, 2015. Vy`p. 4. № 42.
2. Dushakova L.A. Pravovy`e fikcii: dis. … kand. yurid. nauk. Rostov n/D, 2004.
3. Isaev I.A. Yuridicheskaya fikciya kak forma zapolneniya pravovy`x probelov // Istoriya gosudarstva i prava. 2011. № 22.
4. Ishigilov I.L. Ponyatie yuridicheskix fikcij // Sibirskij yuridicheskij vestnik. 2007. № 1.
5. Kim Yu.V. Fikcii v konstitucionnom prave: proisxozhdenie, sushhnost`, znachenie. Kemerovo, 2014.
6. Lazarev V.V., Lipen` S.V. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik dlya vuzov. M., 2004.
7. Marchenko M.N. Teoriya gosudarstva i prava: kurs lekcij. M., 1996.
8. Tanimov O.V. Yuridicheskie fikcii i problemy` ix primeneniya v informacionnom prave: dis. … kand. yurid. nauk. Saransk, 2004.

Казаченок О.П.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ БАНКОВСКИХ УСЛУГ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К ИНДУСТРИИ 4.0 НА ПРИМЕРЕ ДИСТАНЦИОННОЙ ИПОТЕКИ[1]

Цель: Исследование цифровизации банковских услуг при переходе на дистанционное заключение сделок по ипотеке и формирования правового регулирования цифровизации банковских услуг, невозможное без закрепления подходов к идентификации, которые должны защищать от мошеннических действий и повышать доступность ее использования пользователями.

Методология: Использовались диалектический метод исследования, предполагающий всестороннее и объективное исследование явления, а также методы анализы и синтеза.

Результаты: Коронакризис начала 2020 года стал мощным катализатором, ускорившим формирование условий для перехода к индустрии 4.0, сформировав резкое повышение спроса на цифровизацию всех услуг, включая банковские, вынудившее Центральный банк РФ предпринять ряд срочных мер, в том числе фактически отменить ответственность за нарушение законодательно установленных требований по личному присутствию граждан при открытии счетов, что позволило банкам начать дистанционное оформление ипотечных кредитов. Формирование правового регулирования цифровизации банковских услуг невозможно без закрепления новых подходов к идентификации и внесения изменений в законодательство о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма.

Новизна/оригинальность/ценность: Статья обладает высокой научной ценностью, поскольку определяет цифровизацию как новшество в банковской системе, связанное с переходом на дистанционное заключение сделок и рассмотрением подходов к идентификации и внесением изменений в законодательство о противодействии мошенническим действиям.

Ключевые слова: цифровизация, банковские услуги, индустрия 4.0, четвертая промышленная революция, коронакризис, ипотечное кредитование, дистанционное ипотечное кредитование, электронная цифровая подпись, идентификация личности.

Kazachenok O.P.

DIGITALIZATION OF BANKING SERVICES IN THE TRANSITION TO INDUSTRY 4.0 ON THE EXAMPLE OF REMOTE MORTGAGES

Purpose: To study of digitalization of banking services in the transition to remote mortgage transactions and the formation of legal regulation of digitalization of banking services that is impossible without fixing approaches to identification that should protect against fraud and increase the availability of its use by users.

Methodology: Dialectical research method, which involves a comprehensive and objective study of the phenomenon, as well as methods of analysis and synthesis was used.

Results: Coronacrisis the beginning of 2020 has become a powerful catalyst in speeding up the formation of conditions for transition to industry 4.0., having formed the sharp increase in demand for digitalization of all services, including banking, which forced the Central Bank of the Russian Federation to take urgent measures, including through the effective abolition of liability for violation of statutory requirements for the personal presence of people when opening accounts, which allowed banks to begin remote execution of mortgage loans. The formation of legal regulation of digitalization of banking services is impossible without fixing new approaches to identification and making changes to the legislation on countering the legalization (laundering) of proceeds from crime and the financing of terrorism.

Novelty/originality/value: Article has a high scientific value, since it defines digitalization as an innovation in the banking system associated with the transition to remote transaction conclusion and consideration of approaches to identification and amendments to the legislation on combating fraud.

Keywords: digitalization, banking services, industry 4.0, the fourth industrial revolution, coronocrisis, mortgage lending, remote mortgage lending, electronic digital signature, identity identification.

Термин «Индустрия 4.0» был впервые употреблен в 2011 году на промышленной выставке в Ганновере, на которой правительство Германии сообщило о необходимости наиболее широкого применения информационных технологий в производстве. Специально созданная для этого группа экспертов разработала комплексную стратегию превращения производственных предприятий страны в «умные». Этому примеру последовали и другие страны, активно осваивающие новые технологии. Термин «Индустрия 4.0» стали использовать как синоним четвертой промышленной революции, представляющей собой массовое внедрение киберфизических систем в

1 Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-18-00314).

производство и обслуживание человеческих потребностей, включая быт, труд и досуг [8].

По мнению О.В. Гуторовича, начавшаяся четвертая промышленная революция до неузнаваемости изменит образ жизни человека. Мир ожидает величайшая за всю историю человечества трансформация, которая коснется всех сфер жизни общества. Более того, многие изменения заметны уже сегодня. Базовым отличием этой революции от всех предыдущих являются синтез и взаимодействие всех существующих технологий [1, с. 15–19].

Индустрия 4.0 предполагает дистанционное управление процессами, заключение сделок, получение не только государственных и муниципальных, но и банковских услуг.

Е.Г. Хоменко отмечает разнообразие электронных услуг, предоставляемых банками как операторами национальной платежной системы, и констатирует переход традиционных переводов денежных средств в национальной платежной системе к цифровым [11, с. 17–22].

Е.Г. Опыхтина указывает, что финансовые услуги, которые оказывают кредитные организации, имеют специфику: они основаны на хранении и учете информации, которая легко преобразуется, накапливается и обрабатывается с помощью средств вычислительной техники. Стремительно нарастающие процессы цифровизации финансового рынка повышают доступность, удобство пользования финансовой услугой, снижают ее цену [6, с. 50–56].

Мощным толчком к переходу к экономике индустрии 4.0 стал так называемый «коронакризис», вызванный распространением коронавирусной инфекции COVID-19 в начале 2020 года. Вызванная им изоляция и существенные ограничения в передвижениях привели к резкому повышению спроса на дистанционное удовлетворение общественных и индивидуальных потребностей, что подвигло операторов широкого спектра услуг, которые ранее не оказывались без очного присутствия, к срочному внедрению цифровых технологий и переориентации бизнес-процессов. Банковские услуги не стали исключением, и в условиях пандемии банки начали активно форсировать существенное расширение спектра услуг, которые можно получить в дистанционном формате.

Одним из существенных нововведений, фактически не существовавшим до коронокризиса, стала дистанционная ипотека (онлайн-ипотека).

Стремительные темпы цифровизации данной сферы подтверждаются тем, что всего два года назад, в 2018 году, Елена Чайковская, советник первого заместителя председателя Банка России, высказываясь о дистанционной ипотеке, указала, что «на данный момент это выглядит близко к фантастике» [5, с. 46–49].

В октябре 2019 года Минкомсвязь подготовила Проект Постановления Правительства РФ об эксперименте по дистанционному использованию усиленной квалифицированной электронной подписи (КЭП), позволяющей, в том числе, оформлять электронные договоры купли-продажи недвижимости с ипотекой при использовании средства кредитной организации с использованием платформы «Мастерчейн», основанной на технологии распределенных реестров [13].

Нужно сказать, что ранее банки анонсировали предоставление услуг по выдаче онлайн-ипотеки, однако по своей сути данную услугу нельзя было назвать «дистанционной» в полном смысле этого слова.

Процесс выдачи так называемой «дистанционной ипотеки» происходил в два этапа:

– подготовительный, происходящий в дистанционном формате и проводящийся в личном кабинете клиента на сайте банка или в мобильном приложении, включающий подачу заявки, расчет платежей, скорринг заемщика;

– юридический, состоявший, собственно, из заключения сделки, проводимой в традиционной очной форме.

Таким образом, ранее в дистанционный формат были переведены именно организационные, а не юридические действия. Количество посещений банка заемщиком сокращалось до одного, но оно было необходимо.

С наступлением пандемии и резкими валютными колебаниями российские банки зафиксировали повышенный спрос на жилищные кредиты в условиях режима самоизоляции и в связи с этим стали максимально расширять возможности сервиса удаленного оформления ипотеки.

Спрос граждан на ипотечное кредитование вырос также в связи с Постановлением Правительства РФ от 23.04.2020 № 566, которым установлена крайне низкая процентная ставка по жилищным кредитам – 6,5 % годовых.

Следует заметить, что выдача дистанционной ипотеки по-прежнему ограничена действующим законодательством.

Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем» запрещает открывать счета (вклады) клиентам без личного присутствия физического лица, открывающего счет (вклад), либо представителя клиента.

Однако Центральный банк Российской Федерации, занимающий ключевое место в системе источников правового регулирования банковской деятельности, сделал значительные шаги, направленные на смягчение данного предписания рядом информационных писем.

Информационным письмом от 10.04.2020 установлено: на период до 1 июля 2020 года применять в отношении кредитных организаций штрафные санкции за допущенные кредитными организациями нарушения требований абзаца третьего пункта 5 статьи 7 Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» в части запрета открывать счета (вклады) клиентам без личного присутствия физического лица, открывающего счет (вклад), либо представителя клиента только в случае выявления Банком России фактов открытия кредитными организациями таких счетов на основе недостоверных идентификационных сведений.

17 апреля 2020 г. Информационным письмом Центробанк РФ ввел аналогичные послабления также для субъектов малого и среднего предпринимательства, но с целевым ограничением: получение ими кредита на неотложные нужды для поддержки и сохранения занятости [14].

Банки живо среагировали на посыл регулятора, в частности, банк ДОМ.РФ объявил о начале проведения электронных сделок с ипотекой, когда все документы клиенты подписывают усиленной квалифицированной электронной подписью с помощью смартфона. По информации банка, на текущий момент такие сделки проведены в Москве, Санкт-Петербурге, Самаре, Нижнем Новгороде и Челябинске. О выдаче первых дистанционных ипотек заявил и Сбербанк [15].

Информационные письма ЦБ РФ не имеют силу нормативных актов, так как в силу ст. 7 Закона «О Центральном банке РФ» Банк России по вопросам, отнесенным к его компетенции, издает нормативные акты только в трех формах: указаний, положений и инструкций.

Коронакризис подвиг Центробанк пойти на крайние меры. Изменения в Закон о легализации внесены не были, то есть законодательный запрет на открытие счетов без личного присутствия попрежнему остается. Но его действие фактически отменено волевым решением ЦБ РФ, который разъяснил, что меры ответственности за данные нарушения применяться не будут, и де-факто узаконил дистанционное открытие счетов и установление волеизъявления получателей банковских услуг.

Признание дистанционного волеизъявления будет иметь место в случае, если технические средства, которые использовались при совершении волеизъявления, позволяют воспроизвести содержание волеизъявления на материальном носителе, а также определить лицо, которое выражает волю, в том числе с помощью биометрической идентификации, электронной подписи и т. д. [9, с. 29–35].

Таким образом, при совершении любых дистанционных банковских сделок самым актуальным становится вопрос надлежащей идентификации. Приоритетным является установление баланса между стремлением к развитию в условиях информационного общества и необходимостью обеспечения надлежащей идентификации для устранения рисков проведения банковских операций в противоправных целях и совершения мошеннических действий [3, с. 47–50].

Так, уже фиксируются случаи мошенничества в сфере недвижимости с использованием квалифицированной электронной подписи. Мошенники переоформили право собственности на квартиру через портал «Госуслуги», использовав поддельную электронную подпись [16].

На современном этапе законодатель в Российской Федерации реализовал возможность электронного взаимодействия в цифровой среде между всеми участниками правоотношений путем введения в нормативно-правовую базу такого понятия, как единая усиленная квалифицированная электронная подпись (КЭП).

Усиленная квалифицированная электронная подпись подтверждается сертификатом от аккредитованного удостоверяющего центра и во всех случаях приравнивается к бумажному документу с «живой» подписью, кроме тех случаев, когда закон прямо предусматривает обязательность соблюдения письменной формы документа [7, с. 86–88].

На практике не только физические и юридические лица, но даже органы государственной власти столкнулись с проблемой применения электронной цифровой подписи в информационных системах различных ведомств в связи с требованием о едином сертификате ключа проверки усиленной квалифицированной электронной подписи объектных идентификаторов (OID) тех или иных полномочий, закрепляемых за пользователем в рамках конкретной информационной системы [2, с. 10–20].

В связи с отсутствием требуемых идентификаторов в отдельных информационных системах сертификаты, выданные аккредитованными удостоверяющими центрами (УЦ), не всегда могут

быть использованы для проверки электронной подписи. Такое ограничение привело к тому, что удостоверяющие центры вынуждены предлагать пользователям квалифицированные сертификаты, предназначенные для работы с конкретными организациями.

10 апреля 2020 года Центробанком были выпущены рекомендации, призванные преодолеть данное ограничение. Начиная с апреля 2020 года, в случае если у клиента существует в наличии действительный квалифицированный сертификат, который был выдан действующим на момент выдачи аккредитованным УЦ, то кредитным организациям не следует оформлять квалифицированный сертификат у обслуживающего банка для своего клиента.

Поскольку на сегодняшний день нормативное регулирование сферы использования ЭП не соответствует современному этапу развития данной технологии, все это планомерно подводило законодателя к внесению изменений в федеральное законодательство об электронной цифровой подписи, необходимых гражданскому обороту.

С 1 июля 2020 года вступает в силу Федеральный закон от 27.12.2019 № 476-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об электронной подписи».

Поправки разработаны в целях создания единого пространства доверия электронной подписи.

Федеральный закон содержит ряд положений, призванных преодолеть проблему, с которой сталкиваются физические, юридические лица, органы власти, путем урегулирования процедур установления и проверки полномочий данных субъектов, использующих электронную подпись в различных информационных системах, и обеспечения достоверности идентификации данных субъектов с использованием электронного сервиса, который бы обеспечивал электронное взаимодействие.

Законодателем было введено понятие и механизм использования так называемой метки доверенного времени, то есть достоверной информации в электронной форме о дате и времени подписания электронного документа электронной подписью.

Предусмотрено также внедрение и использование в целях подтверждения полномочий в цифровой среде машиночитаемых доверенностей.

На стадии обсуждения находится и предложение о введении нового правового института – института доверенных третьих сторон. Такой институт будет представлять собой организации, уполномоченные органами государственной власти на проверку в цифровой среде электронных подписей в электронной документации, а также на реализацию подтверждений в электронном формате результатов такой проверки.

Активно обсуждается внедрение биометрических технологий аутентификации, являющейся общемировой тенденцией. Биометрическая платформа использует для идентификации два параметра – голосовой профиль и фотоизображение. Согласно экспертным оценкам, именно рынок банковской биометрии в период 2018–2022 гг. будет демонстрировать самые высокие темпы роста [10, с. 3–10]. В настоящее время идет активное развитие нормативно-правовой и технической базы биометрических технологий [12, с. 39–43].

А.В. Лисаченко утверждает, что биометрические технологии идентификации займут доминирующее положение, вытеснив цифровые; с накоплением данных и совершенствованием технических систем распознавания биометрических параметров биометрические идентификаторы будут приобретать все большее значение, захватывать новые ниши в банковском обслуживании [4, с. 91–99].

С 2019 года на стадии обсуждения находится проект Постановления Правительства РФ «О внесении изменений в Положение о федеральной государственной информационной системе «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)», предусматривающий формирование банка идентификаторов в «цифровых профилях» граждан (а позднее, вероятно, и юридических лиц), что предоставит им возможность совершать сделки посредством инфраструктуры Единого портала государственных и муниципальных услуг.

Подводя итоги, следует констатировать, что коронакризис стал катализатором ранее начавшихся структурных изменений в банковской системе, вызванных переходом к Индустрии 4.0, существенно ускорив процесс цифровизации банковских услуг, в сферу которой были включены даже услуги, дистанционное получение которых ранее не было возможно, в частности, получение ипотечного кредита.

Реалии, с которыми банковский сектор Российской Федерации столкнулся в первой половине 2020 года, указали на срочную необходимость внедрения более широкой формы применения информационных технологий для обеспечения потребности граждан Российской Федерации и поддержки экономики страны.

Центральным банком РФ в кризисных условиях был предпринят ряд срочных мер, в том

числе по временной блокировке законодательных ограничений на открытие счетов без личного присутствия граждан. Правовой казус, когда при наличии законодательного запрета и мер ответственности лицо, уполномоченное на контроль за его соблюдением, своим волевым решением объявляет о том, что ответственность в определенный период применяться не будет, может быть оправдан необходимостью принятия срочных мер, однако создает прецедент, недопустимый в правовом государстве.

Необходимым видится внесение изменений в действующее законодательство, а именно в Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (ПОД/ФТ) от 07.08.2001 № 115-ФЗ в части возможности открытия счетов (вкладов) клиентам без личного присутствия физического лица.

Также необходим пересмотр законодательства в области ПОД/ФТ с установлением определенного уровня полномочий, предоставляемых уполномоченным органам для оперативного изменения регулирования в рассматриваемой сфере, в том числе в целях формирования и обеспечения правовой основы неизбежного и стремительного процесса цифровизации банковских услуг. Возможно установление границ правового поля, в рамках которых регулирование будет осуществляться нормативными актами Центрального банка РФ, что позволит обеспечить более гибкую и своевременную реакцию на изменяющиеся обстоятельства, не противоречащую действующему законодательству.

Формирование правового регулирования цифровизации банковских услуг невозможно без закрепления новых подходов к идентификации, которые, с одной стороны, должны максимально защищать от мошеннических действий, с другой – повышать ее доступность и простоту для пользователей, в том числе физических лиц. В этой сфере перспективным видится использование биометрических данных и формирование банка идентификаторов в «цифровых профилях» граждан на Едином портале государственных и муниципальных услуг.

Пристатейный библиографический список

1. Гуторович О.В. Четвертая промышленная революция и ее возможные последствия // Дискурс. 2018. № 6. С. 15–19.
2. Зобова Е.П. О новшествах законодательства, принятых в канун 2020 года // Актуальные вопросы бухгалтерского учета и налогообложения. 2020. № 2. С. 10–20.
3. Казаченок О.П. Несоответствие действующего законодательства потребностям информационного общества на примере займа электронных денежных средств // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 10. С. 47–50.
4. Лисаченко А.В. Идентификация субъектов гражданских правоотношений: новые проблемы и некоторые решения // Российский юридический журнал. 2019. № 5. С. 91–99.
5. Мехтиев Э. Новые нормы регулирования для развития е-финансов [Интервью с Е. Чайковской] // Банковское обозрение. 2018. № 9. С. 46–49.
6. Опыхтина Е.Г. Развитие законодательства о кредитных организациях на современном этапе // Юрист. 2019. № 8. С. 50–56.
7. Попов С.С. Система электронной подписи в современном документообороте // Молодой ученый. 2019. № 6 (244). С. 86–88 [Электронный ресурс]. URL: https://moluch.ru/archive/244/56451/.
8. Рагимова С. Цифровая индустрия 4.0 // Forbes [Электронный ресурс]. URL: https://www.forbes.ru/brandvoice/sap/345779-chetyre-nol-v-nashu-polzu.
9. Рузакова О.А. Вопросы цифровизации прав в банковской сфере в соответствии с Федеральным законом «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Банковское право. 2019. № 4. С. 29–35.
10. Тарасенко О.А. Цифровое преобразование банковской и платежной систем России // Предпринимательское право. 2019. № 3. С. 3–10.
11. Хоменко Е.Г. От традиционных переводов денежных средств в национальной платежной системе к цифровым: особенности правового регулирования // Предпринимательское право. 2019. № 3. С. 17–22.
12. Чеджемов С.Р., Золоева З.Т. Биометрические персональные данные человека – средство защиты его прав или тотального контроля государства над личностью? // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 11. С. 39–43.
13. https://regulation.gov.ru/projects#npa=95766.
14. Финансовый пульс. Еженедельный аналитический обзор от 10 апреля 2020 г. // Банк России: официальный сайт. 2020 [Электронный ресурс]. URL: http://www.cbr.ru.
15. Сбербанк начал выдавать ипотеку на дому // РБК [Электронный ресурс]. URL: https://realty.rbc.ru/news/5e959e969a7947348a7e384c.
16. Электронная кража. В России впервые похитили квартиру через Интернет [Электронный ресурс]. URL: https://news.mail.ru/economics/37375662/?frommail=1.

References (transliterated)

1. Gutorovich O.V. Chetvertaya promy`shlennaya revolyuciya i ee vozmozhny`e posledstviya // Diskurs. 2018. № 6. S. 15–19.
2. Zobova E.P. O novshestvax zakonodatel`stva, prinyaty`x v kanun 2020 goda // Aktual`ny`e voprosy` buxgalterskogo ucheta i nalogooblozheniya. 2020. № 2. S. 10–20.
3. Kazachenok O.P. Nesootvetstvie dejstvuyushhego zakonodatel`stva potrebnostyam informacionnogo obsh-

hestva na primere zajma e`lektronny`x denezhny`x sredstv // Zakony` Rossii: opy`t, analiz, praktika. 2017. № 10. S. 47–50.

4. Lisachenko A.V. Identifikaciya sub``ektov grazhdanskix pravootnoshenij: novy`e problemy` i nekotory`e resheniya // Rossijskij yuridicheskij zhurnal. 2019. № 5. S. 91–99.

5. Mextiev E`. Novy`e normy` regulirovaniya dlya razvitiya e-finansov [Interv`yu s E. Chajkovskoj] // Bankovskoe obozrenie. 2018. № 9. S. 46–49.

6. Opy`xtina E.G. Razvitie zakonodatel`stva o kreditny`x organizaciyax na sovremennom e`tape // Yurist. 2019. № 8. S. 50–56.

7. Popov S.S. Sistema e`lektronnoj podpisi v sovremennom dokumentooborote // Molodoj ucheny`j. 2019. № 6 (244). S. 86–88 [E`lektronny`j resurs]. URL: https://moluch.ru/archive/244/56451/.

8. Ragimova S. Cifrovaya industriya 4.0 // Forbes [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.forbes.ru/brandvoice/sap/345779-chetyre-nol-v-nashu-polzu.

9. Ruzakova O.A. Voprosy` cifrovizacii prav v bankovskoj sfere v sootvetstvii s Federal`ny`m zakonom «O vnesenii izmenenij v chasti pervuyu, vtoruyu i stat`yu 1124 chasti tret`ej Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii» // Bankovskoe pravo. 2019. № 4. S. 29–35.

10. Tarasenko O.A. Cifrovoe preobrazovanie bankovskoj i platezhnoj sistem Rossii // Predprinimatel`skoe pravo. 2019. № 3. S. 3–10.

11. Xomenko E.G. Ot tradicionny`x perevodov denezhny`x sredstv v nacional`noj platezhnoj sisteme k cifrovy`m: osobennosti pravovogo regulirovaniya // Predprinimatel`skoe pravo. 2019. № 3. S. 17–22.

12. Chedzhemov S.R., Zoloeva Z.T. Biometricheskie personal`ny`e danny`e cheloveka – sredstvo zashhity` ego prav ili total`nogo kontrolya gosudarstva nad lichnost`yu? // Konstitucionnoe i municipal`noe pravo. 2019. № 11. S. 39–43.

13. https://regulation.gov.ru/projects#npa=95766.

14. Finansovy`j pul`s. Ezhenedel`ny`j analiticheskij obzor ot 10 aprelya 2020 g. // Bank Rossii: oficial`ny`j sajt. 2020 [E`lektronny`j resurs]. URL: http://www.cbr.ru.

15. Sberbank nachal vy`davat` ipoteku na domu // RBK [E`lektronny`j resurs]. URL: https://realty.rbc.ru/news/5e959e969a7947348a7e384c.

16. E`lektronnaya krazha. V Rossii vpervy`e poxitili kvartiru cherez Internet [E`lektronny`j resurs]. URL: https://news.mail.ru/economics/37375662/?frommail=1.

ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА

Jus est ars boni et aequi

ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Мы рады представить вашему вниманию
ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА

Деятельность нашего института направлена на разработку актуальных проблем юридической науки в евразийском правовом пространстве. Институт проводит фундаментальные и прикладные исследования в области государственно-правовых наук, международного права, адвокатуры и нотариата, социологии права, политологии, интерэкоправа, изучает закономерности правотворческой, правоприменительной и правоохранительной деятельности, разрабатывает на этой основе практические рекомендации, принимает участие в разработке законопроектов, содействует повышению профессионального уровня юристов, организует и участвует в проведении научных мероприятий, оказывает консультационные услуги в области права, а также редакционно-издательские услуги.

Приглашаем вас к сотрудничеству!

Контактная информация

Website: www.eurasniipp.ru E-mail: info@eurasniipp.ru Телефон: +7-917-40-61-340

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: СВИРИН Ю.А. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА: УЧЕБНИК ДЛЯ АСПИРАНТОВ (МОСКВА: ПРОМЕТЕЙ, 2021)

BOOK REVIEW: SVIRIN YU.A. ACTUAL PROBLEMS OF CIVIL PROCEDURAL LAW. TEXTBOOK FOR GRADUATE STUDENTS (MOSCOW: PROMETHEUS, 2021)

Гражданское процессуальное право является важнейшим элементом системы российского права. Помимо этого, гражданское процессуальное право есть фундаментальная юридическая наука, имеющая своим предметом систему научных взглядов по процедуре восстановления в судебном порядке нарушенного материального права, защиты законного интереса или установления юридического факта. Поэтому гражданское процессуальное (арбитражное процессуальное) право является научной специальностью, которую получают аспиранты в процессе обучения в аспирантуре.

Круг отношений, являющихся предметом гражданского процессуального права, настолько широк и многообразен, что детерминировал необходимость дифференцировать арбитражный процесс и административное судопроизводство.

Значение гражданского процесса состоит в том, что он приводит в движение нормы материального права, опосредует процесс восстановления нарушенных прав и законных интересов граждан и организаций. Это обусловлено тем, что без реализации гражданского процессуального механизма материальные нормы нередко являются безжизненными правилами поведения, только декларирующими право без возможности его восстановления в случае нарушения.

Гражданский процесс как учебная дисциплина изучается в России студентами всех юридических вузов в качестве основной базовой дисциплины. Помимо этого, проблемы гражданского процессуального права изучаются в аспирантуре и входят в паспорт научных специальностей, утвержденный Высшей аттестационной комиссией. Аспиранты в процессе обучения в аспирантуре должны не просто овладеть знаниями по основным институтам гражданского процессуального права, но и знать доктрину гражданского процесса, изучить исторические источники и, в конечном счете, овладеть навыками преподавания науки гражданского процесса.

Настоящий учебник подготовлен доктором юридических наук, профессором кафедры гражданского процесса и организации службы судебных приставов Всероссийского государственного университета юстиции, академиком РАЕН, Почетным адвокатом России Юрием Александровичем Свириным в соответствии с учебной программой по аспирантуре.

В учебнике учтены новеллы гражданского процессуального законодательства от 28.11.2018 (закон РФ № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»). С учетом доктринально-правовых концепций подробно рассмотрены все институты отрасли гражданского процессуального права.

В учебнике не содержится постатейный комментарий норм процессуального права, а подробно разъясняются положения действующего законодательства с учетом судебной практики их применения, а также доктринальное мнение по спорным вопросам науки.

Структура учебника четко продумана, логична и в целом соответствует государственному образовательному стандарту.

Учебник состоит из 35 глав, в которых раскрываются понятие и формы гражданского процессуального права, предмет, метод и система гражданского процессуального права, стадии гражданского процесса, источники гражданского процессуального права, понятие гражданских процессуальных отношений, институт доказывания в гражданском процессе, особенности производства мировыми судьями, понятие упрощенного производства, производство в суде апелляционной, кассационной, надзорной инстанций, процессуальный порядок пересмотра решений и определений по вновь открывшимся или новым обстоятельствам и др.

В соответствии с названием в учебнике не только изложен учебный материал по курсу гражданского процессуального права, но и иллюстрируются различные научные точки зрения по спорным вопросам процессуального права, автор высказывает свою доктринальную позицию по многим проблемам процессуального права.

Подготовленный профессором Ю.А. Свириным учебник для аспирантов «Актуальные проблемы гражданского процессуального права» представляет собой хороший образец логичного и последовательного изложения учебного материала в рамках изучаемого аспирантами учебного курса, благодаря чему обучающиеся могут шаг за шагом знакомиться не только с институтами гражданского процессуального права, но и с про-

блемными вопросами указанной отрасли права и его функционированием в России.

Ю.А. Свирин является автором также учебников по таким направлениям, как: гражданский процесс, арбитражный процесс, исполнительное производство, административное судопроизводство, которые в течение 15 лет не раз переиздавались с учетом новелл позитивного права России.

Материал учебника для аспирантов «Актуальные проблемы гражданского процессуального права» изложен системно и последовательно в доступной и легко усвояемой форме. При написании учебника автор ссылается на правовые позиции Верховного Суда РФ, Высшего Арбитражного Суда РФ и Конституционного Суда РФ.

В работе достаточно подробно рассматриваются институты гражданского процессуального права, которым соответствуют одноименные главы.

Учебник рассчитан в первую очередь на аспирантов юридических вузов. Однако он будет полезен практикующим юристам и преподавателям, которые проявляют интерес к систематизации своих знаний с учетом новелл процессуального законодательства, исследуют современную систему гражданского процессуального права России.

Владимир Александрович Гуреев,
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой гражданского процесса
и организации службы судебных приставов
Всероссийского государственного университета
юстиции (РПА Минюста)

Уважаемые авторы! Редакция журнала готова принять к публикации ваши произведения (статьи, информационные сообщения, обзоры научных конференций, круглых столов, интервью, рецензии и т.п.) при соблюдении следующих требований:

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ АВТОРАМИ

1. К публикации принимаются только материалы, соответствующие профилю научного периодического издания, т.е. только материалы юридической тематики. Они должны быть актуальными, новыми, иметь научную и практическую значимость, а также теоретическую и практическую ценность для представителей адвокатского сообщества.
2. Статьи представляются в электронном виде (на адрес: ragulin88@yandex.ru, eurasian-advocacy@mail.ru) либо в письменной форме в адрес редакции с приложением электронного варианта работы на компакт-диске.
3. Объем публикации – до 0,7 а.л. (28 000 знаков с пробелами). При необходимости редакция оставляет за собой право сократить материал или возвратить его автору для сокращения. Увеличение объема работы может быть согласовано с редакцией.
4. На первой странице (над названием статьи) в левом верхнем углу указываются фамилия и инициалы автора. Название статьи печатается после фамилии, имени и отчества автора. Страницы не нумеруются. Основной текст, текст сносок, текст аннотаций и ключевые слова выравниваются по ширине страницы. После фамилии автора и названия статьи через один интервал необходимо поместить текст аннотации статьи на русском языке и ключевые слова (3–10 слов). Затем через один интервал в левом верхнем углу следует указать фамилию и инициалы автора и название работы на английском языке, далее – аннотацию и ключевые слова на английском языке. Статья также может быть представлена на английском языке, при этом требуется перевод названия на русский язык, а также аннотация и ключевые слова на русском языке.
5. Кавычки в тексте и в сносках проставляются в едином формате в следующем виде: « ». Все аббревиатуры и сокращения, за исключением заведомо общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте. Диаграммы, таблицы, рисунки должны быть оформлены в текстовом редакторе Word.
6. Сноски и примечания помещаются постранично, со сквозной нумерацией и оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008. При оформлении сносок следует указывать фамилию и инициалы автора работы, ее название, год издания, номер страницы, иные сведения. Все библиографические элементы иностранных источников следует указывать на языке оригинала, по возможности избегая аббревиатур. При использовании электронных ресурсов сети Интернет следует указывать заголовок титульной страницы ресурса (<в угловых скобках>), полный адрес местонахождения ресурса и дату последнего посещения веб-страницы(в круглых скобках).
7. После завершения статьи необходимо привести пристатейный библиографический список, т.е. список работ, цитировавшихся автором в представленном к публикации материале. В список не включаются интернет-источники, нормативные акты, материалы судебной и следственной практики.
8. В конце статьи следует привести справку об авторе с указанием фамилии, имени, отчества, должности и места работы (учебы), ученой степени и (или) звания, а также полный почтовый адрес места работы. Эти сведения публикуются в журнале. В справке отдельно от вышеуказанных сведений также следует указать почтовый индекс, адрес, номер контактного телефона, e-mail. Эти сведения в журнале не публикуются и необходимы для связи сотрудников редакции с автором статьи.
9. Представляя текст работы для публикации в журнале, автор гарантирует правильность всех сведений о себе, отсутствие плагиата и других форм неправомерного заимствования в рукописи произведения, надлежащее оформление всех заимствований текста, таблиц, схем, иллюстраций. В случае если статья (материал) одновременно направляется в другое издание либо была опубликована ранее, автор должен сообщить об этом в редакцию при представлении материала.
10. Настоятельно рекомендуем авторам тщательно проверять перед отправкой в журнал общую орфографию материалов, правильность написания соответствующих юридических терминов и оформления текста работы и ссылок. Редакция настоятельно просит авторов проверять соответствие представленного материала настоящим Правилам, а также электронные файлы – на отсутствие вирусов.
11. Статьи в обязательном порядке рецензируются членами редакционного совета или редакционной коллегии журнала в соответствии с профилем представленной работы и (или) привлеченными редакцией учеными или специалистами в соответствии с порядком рецензирования рукописей. Редакция по электронной почте сообщает автору о результатах рецензирования, по его просьбе отсылает текст рецензии, а в случае отрицательной рецензии на представленную работу возвращает ее текст автору. Отрицательная рецензия является основанием для отказа в публикации текста представленной работы. Рецензии представляются редакцией по запросам авторов и экспертных советов ВАК Минобрнауки России.
12. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.
13. Гонорар за публикации не выплачивается (кроме случаев опубликования статьи, подготовленной по заказу редакции и в соответствии с заключенным договором). Автору предоставляется возможность получить бесплатный электронный вариант экземпляра журнала, а также печатный вариант журнала при условии возмещения расходов по его пересылке на указанный автором почтовый адрес.
14. Авторы передают редакции исключительное право на использование произведения следующими способами: воспроизведение статьи (право на воспроизведение); распространение экземпляров статьи любым способом (право на распространение); перевод статьи (право на перевод). Представление материала, поступившего в адрес редакции, является конклюдентным действием, направленным на возникновение соответствующих прав и обязанностей. Согласие автора на опубликование материала на указанных условиях, а также на размещение его в электронной версии журнала предполагается. При направлении статьи в редакцию автор вправе предварительно оговаривать исключительные (специальные) условия использования предоставляемого им произведения. Автор вправе отказаться от публикации предоставленных им материалов не позднее даты подписания соответствующего номера в печать.
15. В случае нарушения предъявляемых к оформлению требований материал может быть возвращен автору на доработку. Рукописи, направленные авторам на доработку, подлежат возврату в редакцию в рекомендованный срок. О внесенных изменениях автор должен сообщить в прилагаемом к рукописи письме. Редакция имеет право отказаться публиковать представленный автором материал с мотивированным объяснением причин такого отказа.

Сведения об авторах

БАГРЕЕВА Елена Геннадиевна – доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента международного и публичного права Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, 125468, Российская Федерация, г. Москва, Ленинградский пр-т, д. 49.

БУЛАХ Денис Борисович – студент Юридического института Российского университета дружбы народов, 117342, Российская Федерация, г. Москва, ул. генерала Антонова, д. 5, корп. 3.

ВАХТУРОВ Егор Владимирович – магистрант юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, 125468, Российская Федерация, г. Москва, Ленинградский пр-т, д. 49.

ВОРОБЬЕВА Марина Николаевна – соискатель ученой степени кандидата юридических наук Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, 119992, Российская Федерация, г. Москва, Ломоносовский пр-т, д. 27, корп. 4.

ГАРМАЕВ Юрий Петрович – доктор юридических наук, профессор, старший научный сотрудник, профессор кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова, 664074, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Ивана Франко, д. 23А.

ГОЛЬЦОВ Андрей Тамазович – адвокат, кандидат юридических наук, доцент Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 119571, Российская Федерация, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 82, стр. 1.

ГУРЕЕВ Владимир Александрович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского процесса и организации службы судебных приставов Всероссийского государственного университета юстиции, 117638, Российская Федерация, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1.

КАЗАЧЕНОК Олеся Павловна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и международного частного права Волгоградского государственного университета (базовой кафедры Южного научного центра Российской академии наук), 400062, Российская Федерация, г. Волгоград, Университетский пр-т, д. 100.

ЛЕВУШКИН Анатолий Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права Московского государственного областного университета, профессор Департамента правовых дисциплин Университета «Синергия», профессор кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия, 105005, Российская Федерация, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 1.

МАРКЕЕВ Александр Иванович – доцент кафедры гражданского и предпринимательского права Новосибирского государственного университета экономики и управления, доцент кафедры конституционного и муниципального права Сибирского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, адвокат Адвокатской палаты Новосибирской области, 630099, Российская Федерация, г. Новосибирск, ул. Каменская, д. 56.

ПЕТРОВ Николай Владимирович – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Северо-Кавказского социального института, 355012, Российская Федерация, г. Ставрополь, ул. Голенева, д. 59а.

РАГУЛИН Андрей Викторович – доктор юридических наук, доцент, адвокат, вице-президент Гильдии российских адвокатов, старший вице-президент Русско-азиатской ассоциации юристов, главный редактор журнала «Евразийская адвокатура», проректор Российской академии адвокатуры и нотариата, профессор кафедры уголовного права Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя, 1050120, Российская Федерация, г. Москва, Малый Полуярославский пер., д. 3/5, стр. 1.

РАСТЕГАРИ Сайедэбрахим – аспирант кафедры международного права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, 199034, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9.

РУДАЯ Анастасия Андреевна – магистрант юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, 119071, Российская Федерация, Ленинский пр-т, д. 29, стр. 8.

СМИРНОВ Артем Иванович – аспирант Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 117218, Российская Федерация, г. Москва, ул. Б.Черемушкинская, д. 34.

СОЛОВЬЕВ Александр Георгиевич – адъюнкт кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации, 198206, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1.

ТАЛАНТОВ Дмитрий Николаевич – адвокат, Президент Адвокатской палаты Удмуртской Республики, Первый вице-президент Гильдии российских адвокатов, Председатель правления Межрегиональной общественной организации «Инициатива-2018», 426011, Российская Федерация, г. Ижевск, ул. Родниковая, д. 62.

ТАТАР Ольга – доктор права, преподаватель кафедры частного права Комратского государственного университета, MD3800, Республика Молдова, г. Комрат, ул. Галацана, д. 17

ЦУКЕРБЛАТ Дмитрий Миронович – кандидат педагогических наук, ведущий научный сотрудник Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской академии наук, 630102, Российская Федерация, г. Новосибирск, ул. Восход, д. 15.

ЧУДИНОВСКИХ Марина Вячеславовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры публичного права Уральского государственного экономического университета, 620144, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта / Народной Воли, д. 62/45.

ШЕВЧУК Светлана Степановна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса Северо-Кавказского социального института, 355012, Российская Федерация, г. Ставрополь, ул. Голенева, д. 59-а.

Information about the authors

BAGREEVA Elena Gennadievna – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor of the Department of International and Public Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation, 125468, Russian Federation, Moscow, Leningrad Ave., d. 49.

BULAKH Denis Borisovich – Student of the Law Institute of the Peoples' Friendship University of Russia, 117342, Russian Federation, Moscow, ul. General Antonov, d. 5, corp. 3.

CHUDINOVSKIKH Marina Vyacheslavovna – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Department of Public Law of the Ural State Economic University, 620144, Russian Federation, Yekaterinburg, st. March 8/Narodnaya Volya, d. 62/45.

GARMAEV Yury Petrovich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Senior research associate, Professor of the Department of Law of Criminal Procedure and Criminalistics of the East Siberian Branch of the Russian State University of Justice, Professor of the Department of Criminal Proceedings and Criminalistics of the Buryat State University, 664074, Russian Federation, Irkutsk, Ivan Franko St., d. 23A.

GOLTSOV Andrei Tamazovich – Advocate, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, 119571, Russian Federation, Moscow, Vernadsky Ave., d. 82, p. 1.

GUREEV Vladimir Alexandrovich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Civil Procedure and Organization of the Bailiff Service of the All-Russian State University of Justice, 117638, Russian Federation, Moscow, st. Azovskaya, d. 2, Building 1.

KAZACHENOK Olesya Pavlovna – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Department of Civil and International Private Law of Volgograd State University (Basic Department of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences), 400062, Russian Federation, Volgograd, University Ave., d. 100.

LEVUSHKIN Anatoly Nikolaevich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Civil Law of Moscow State Regional University, Professor of the Department of Legal Disciplines of the «Synergy» University, Professor of the Department of Civil Law of the Russian State University of Justice, 105005, Russian Federation, Moscow, ul. Radio, d. 10A, p. 1.

MARKEEV Alexander Ivanovich – Advocate, Associate Professor of the Department of Civil and Business Law of Novosibirsk State University of Economics and Management, Associate Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of Siberian Institute of Management (branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation), 630099, Russian Federation, Novosibirsk, ul. Kamenskaya, 56.

PETROV Nikolai Vladimirovich – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Department of Civil Law and Process of the North Caucasus Social Institute, 355012, Russian Federation, Stavropol, ul. Goleneva, 59a.

RAGULIN Andrey Viktorovich – Advocate, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Vice-President of the Guild of the Russian Advocates, Senior Vice-President of the Russian-Asian Legal Association, Editor-in-Chief of the «Eurasian Advocacy» Journal, Vice-Rector of the Russian Academy of Advocacy and Notaries, Professor of the Criminal Law Department of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 105120, Russian Federation, Moscow, Maly Poluyaroslavsky Lane, 3/5, building 1.

RASTEGARI Sayedebrahim – Post-graduate student of the Department of International Law of the Law Faculty of St. Petersburg State University, 199034, Russian Federation, St. Petersburg, University Nab., d. 7–9.

RUDAYA Anastasia Andreevna – Master of Law Student of the Faculty of Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation, 119071, Russian Federation, Leninsky Ave., 29, p. 8.

SHEVCHUK Svetlana Stepanovna – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor of the Department of Civil Law and Process of the North Caucasus Social Institute, 355012, Russian Federation, Stavropol, ul. Goleneva, 59a.

SMIRNOV Artem Ivanovich – Post-graduate student of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, 117218, Russian Federation, Moscow, ul. B. Cheremushkinskaya, d. 34.

SOLOVIEV Alexander Georgievich – Post-graduate student of the Department of Criminal Procedure of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 198206, Russian Federation, St. Petersburg, ul. Lyotchika Pilyutova, d. 1.

TALANTOV Dmitry Nikolaevich – Advocate, President of the Udmurt Chamber of Advocates, First Vice-President of the of the Guild of the Russian Advocates, Chairman of the Board of the Initiative-2018 Inter-regional Public Organization, 426011, Russian Federation, Izhevsk, ul. Rodnikovaya, d. 62.

TATAR Olga – Doctor of Law, Lecturer of the Department of Private Law of the Komrat State University, MD3800, Republic of Moldova, Komrat, Galatsana St., d. 17.

TSUKERBLAT Dmitry Mironovich – Candidate of Pedagogical Sciences, leading researcher at the State Public Scientific and Technical Library of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences, 630102, Russian Federation, Novosibirsk, Voskhod St., d.15.

VAKHTUROV Yegor Vladimirovich – Master of Law Student of the Faculty of Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation, 119071, Russian Federation, Leninsky Ave., d. 29, p. 8.

VOROBYOVA Marina Nikolaevna – The applicant of the degree of Candidate of Juridical Sciences of Moscow State University, 119992, Russian Federation, Moscow, Lomonosov Ave., d. 27, building 4.